

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ  
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

# СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

К 1150-ЛЕТИЮ  
ЗАРОЖДЕНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

# 10

 ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ИНДРИК»  
Москва 2012

А. А. Горский

## Первое столетие Руси

*Русь в 40-е годы X века. Славянское общество от VI к IX столетию. Первые известия о руси: проблемы ее локализации и происхождения. Русь после Рюрика. Об «иноземном воздействии» на формирование древнерусской государственности. Итоги.*

2012 год отмечен сразу тремя юбилейными датами отечественной истории. Это 200-летие Отечественной войны 1812 г., 400-летие освобождения Москвы от интервентов в 1612 г. и 1150-летие... чего? Вот тут возникают затруднения. В 1862 г. соответствующий юбилей определяли как «Тысячелетие России». В веке XX события, описанные в «Повести временных лет» под 862 г., обычно оценивали скромнее – как появление в Восточной Европе родоначальника древнерусской княжеской династии. И для этого были основания: в других источниках встречаются упоминания политического образования под названием «Русь» ранее 862 г. Наконец, сама летописная дата 862 г. вызывает сомнения, и также обоснованные. И тем не менее эта дата всегда вызывала и будет вызывать ассоциацию с темой начала русской государственности.

Ранняя история Руси остается периодом, по отношению к которому высказывается наибольшее количество гипотез, версий, порой взаимоисключающих. Для времени примерно со второй половины X в. исследователи в общем согласно пишут о Руси как о государстве восточных славян. Что же касается предшествующей эпохи, то здесь еще с XVIII столетия, со времени складывания в России исторической науки, идут дискуссии. При этом главным предметом спора стала т.н. «варяжская проблема», т.е. вопрос о роли в ранней истории Руси *варягов* – согласно Начальному русскому летописанию, иноземцев, из которых происходил родоначальник древнерусской княжеской династии Рюрик.

Распространенное представление о дискуссии по «варяжскому вопросу» (или спорам «норманистов» и «антинорманистов») как о чем-то цельном, идущем с XVIII столетия до наших дней, является неточным, существенно смазывающим картину развития историографии данной темы. В любой дискуссии определяющим является ее основной вопрос. А с этой точки зрения можно говорить не об одной, а о двух дискуссиях, и дискуссиях совершенно разных.

В XVIII–XIX вв. споры велись о том, кем были по этнической природе летописные *варяги*. Тех, кто считал, что они были скандинавами (по западноевропейской терминологии раннего Средневековья – «норманнами»), принято именовать «норманистами», тех, кто это отрицал – «антинорманистами». При этом среди «антинорманистов» были сторонники отождествления варягов с разными народами (западными славянами, финнами, балтами и т.д.)<sup>1</sup>. Но ни «норманисты», ни «антинорманисты» XVIII–XIX вв. не сомневались, что Древнерусское государство было создано варягами, что приход в Восточную Европу Рюрика и его окружения – это и есть акт, с которого ведет начало русская государственность. Спор шел только об этнической принадлежности ее основателей.

К концу XIX – началу XX в. дискуссия практически прекратилась. Причиной этого было в первую очередь накопление научных знаний, особенно в области археологии и лингвистики. К тому времени начались археологические исследования русских древностей, и они показали, что на территории Руси в конце IX – X в. присутствовали тяжеловооруженные воины скандинавского происхождения. Это коррелировало с известиями письменных источников, летописей, согласно которым иноземными воинами-дружинниками русских князей были *варяги*. С другой стороны, лингвистические изыскания установили скандинавскую природу имен первых русских князей (Рюрика, Олега, Игоря, Ольги) и многих лиц из их окружения первой половины X в. (упоминаемых в летописи и в договорах Олега и Игоря с Византией). Из этого естественно следовал вывод, что носители этих имен имели скандинавское, а не какое-то иное происхождение. Ведь если, скажем, считать, что варяги были славянами с южного побережья Балтики (это была наиболее популярная версия среди «антинорманистов»), то как объяснить тот факт, что имена представителей общественной верхушки южнобалтийских славян (ободритов и лютичей), упоминаемые в западноевропейских источниках, звучат по-славянски (Драговит, Вышан, Дражко, Гостомысл, Мстивой и т.п.), а имена действующих в Восточной Европе варягов – по-скандинавски? Разве что через фантастическое предположение, что южнобалтийские славяне на родине носили славянские имена, а придя к своим восточноевропейским собратьям, зачем-то решили прикрыться скандинавскими псевдонимами... Кажалось бы, дискуссия была исчерпана, «норманизм» победил.

1 См. об этом: *Шаскольский И. П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7: Проблемы историографии. Л., 1983.

Однако в XX столетии полемика продолжилась. Дело в том, что уже со второй половины XIX в. многие исследователи стали смотреть на проблему образования государства иначе, чем ранее. Формирование государственности перестало отождествляться с возникновением правящей династии. Оно теперь рассматривалось как процесс, требующий внутренних социально-экономических предпосылок и мало зависящий от прихода к власти где-либо какого-либо лица<sup>2</sup>. Такой подход еще более укрепился в советскую эпоху, по мере утверждения марксистской методологии истории, делавшей акцент именно на социально-экономическое развитие общества. Появление династии стало трактоваться как не более чем эпизод в длительном процессе государствообразования. Упор теперь делался на развитие местного славянского общества. Скандинавская же природа варягов была признана практически всеми исследователями. Таким образом, «антинорманизм» советской историографии, о котором часто упоминают в современной литературе, это совсем не то, что «старый (дореволюционный) антинорманизм». Если в дореволюционную эпоху споры шли по вопросу: «были ли варяги норманнами?», то в XX столетии вопрос ставился иначе – «основали ли варяги (= норманны) Древнерусское государство?». При этом внешненаучный, идеологический компонент дискуссии, присутствовавший в ней в той или иной мере всегда, усилился: «норманизм» стал трактоваться как антирусское/антисоветское течение в зарубежной буржуазной историографии, имеющее целью доказать неспособность славян к созданию своей государственности, как средство искажения, принижения истории страны, первой сделавшей шаг к новой, коммунистической общественной формации.

В конце XX – начале XXI столетия можно было ожидать снятия идеологических наслоений с «варяжского вопроса», перехода к объективному рассмотрению роли норманнов в процессах, шедших в раннее Средневековье в Восточной Европе. Но вместо этого наблюдается скорее иное – активизация крайних точек зрения.

С одной стороны, появляются работы, в которых под формированием Древнерусского государства понимается исключительно деятельность норманнов в Восточной Европе, а участие славян в этом процессе практически игнорируется<sup>3</sup>. С другой стороны, возрождается точка

2 См., например: *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. М., 1987. С. 143–162.

3 *Heller K.* Die Normannen in Osteuropa. В., 1993; *Скрынников Р. Г.* История Российская. IX–XVII вв. М., 1997; *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000 (английское издание: L.; N.Y., 1996); *Schramm G.* Altrusslands Anfang. Freiburg, 2002. См. рецензии автора этих строк на

зрения, что варяги не были скандинавами. Если в 1970–1980-е гг. ее отстаивал практически один А. Г. Кузьмин, то ныне на подобных позициях стоит целая группа авторов<sup>4</sup>. Этот феномен может вызвать удивление, поскольку в течение XX столетия был накоплен значительный материал (в первую очередь археологический), оставляющий ныне намного меньше сомнений в тождестве варягов и норманнов, чем на рубеже XIX–XX вв. (а точнее, не оставляющий никаких сомнений<sup>5</sup>). На территории Руси зафиксированы многочисленные погребения конца IX – X в., захороненные в которых люди были выходцами из Скандинавии (об этом говорит сходство погребального обряда и инвентаря с теми, которые известны из раскопок в самих скандинавских странах). Они обнаружены и на Севере Руси (район Новгорода–Ладоги), и на Верхнем Днепре (район Смоленска), и в Среднем Поднепровье (район Киева и Чернигова) – т.е. там, где располагались главные центры формирующегося государства. По своему социальному статусу эти люди были в значительной своей части знатными воинами, дружинниками<sup>6</sup>. Чтобы отрицать в такой ситуации «норманство» летописных варягов (а летописи этим словом – *варяги* – именуют как раз дружинников иноземного происхождения), надо допускать невероятное: что о воинах – выходцах из Скандинавии, от которых остались археологические свидетельства их пребывания в Восточной Европе, письменные источники умолчали, и наоборот – те иноземные дружинники (не-скандинавы), которые в летописях упоминаются под именем варягов, почему-то не оставили следов в материалах археологии...

Но хотя скандинавское происхождение варягов можно считать доказанным, вопрос о степени их участия в процессах, шедших в Восточной

книги К. Хеллера (*Горский А. А.* К вопросу о роли норманнов в складывании Киевской Руси (*Heller K. Die Normannen in Osteuropa.* В., 1993) // *RM.* Т. IX, 1. München, 1997) и С. Франклина – Дж. Шепарда (см.: *Горский А. А.* [Рец.] // *СР.* Вып. 2. М., 1999. Рец. на кн.: *Franklin S., Shepard J. The Emergence of Rus 750–1200.* Л.; N.Y., 1996) и А. В. Назаренко – на книгу Г. Шрамма (см.: *Назаренко А. В.* Новый свет на происхождение Древней Руси? (О последней книге проф. Г. Шрамма) // *СР.* Вып. 6. М., 2006. Рец. на кн.: *Schramm G. Altrusslands Anfang.* Freiburg, 2002).

4 См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156): «Антинорманизм». М., 2003; *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

5 Неслучайно среди противников отождествления варягов с норманнами нет ни одного археолога (равно как и лингвиста).

6 См.: *Древняя Русь: Город, замок, село.* М., 1985. С. 391–393, 405–407; *Мурашева В. В.* «Путь из ободрит в греки...»: археологический комментарий по варяжскому вопросу // *РИ.* 2009. № 4.

Европе, остается дискуссионным<sup>7</sup>. В принципе государственность может быть привнесена извне, таких примеров в истории немало. Еще более распространено, а точнее обычно, воздействие более развитых обществ на менее развитые. Собственно говоря, во всех регионах Европы государственность формировалась под такого рода воздействием: древнеримская государственность возникла под влиянием древнегреческой, франкская – под влиянием римской, государственность у западных славян – под воздействием франкской, у южных – во многом благодаря влиянию Византии. В вопросе о формировании древнерусской государственности одни авторы отдают приоритет внутреннему развитию славянского общества, другие – воздействию норманнов. И здесь подходы серьезных ученых могут различаться кардинально. Например, если прочитать посвященные этой теме работы крупнейшего российского археолога В. В. Седова и английского историка Дж. Шепарда, может сложиться впечатление, что они пишут о разных странах. В. В. Седов рассматривает процесс вызревания государственности в славянском обществе. Варяги у него – один из иноэтничных элементов, принимавших участие в этом процессе<sup>8</sup>. По Дж. Шепарду, возникновение государства Русь – это продукт деятельности норманнов в Восточной Европе; славяне у него проходят практически пассивным фоном<sup>9</sup>.

Но дело в том, что «норманнская проблема», на которой главным образом концентрировалась полемика, – не единственная в ранней истории Руси и, позволю себе утверждать, не первостепенная. Ситуация с началом Руси не обстоит таким образом, что ясно, как, когда и в каких территориальных пределах складывалось государство Русь, и остается лишь определить соотношение роли славян и норманнов в этом процессе. Первые сто лет Руси – от ее первого упоминания в источниках под 839 г. и до 940-х гг. – это период, в отношении которого неясны фундаментальные для любого политического образования вещи: где располагалась территория Руси, кто и когда это образование возглавлял. Причина – в состоянии источников.

Долгое время изложение событий начала русской истории ученые основывали на древнерусском летописном памятнике – «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), другие источники служили дополнением к ее сведениям. Канва изложения в ПВЛ в отношении формирования в восточнославянских землях властных структур<sup>10</sup> сводится к следующему. В некие

7 См.: Горский А. А. К спорам по «варяжскому вопросу» // РИ. 2009. № 4.

8 Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности. М., 1999.

9 Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси... С. 15–205.

10 В ПВЛ говорится, разумеется, не о «государстве» (этот термин появился в XV в.), а о возникновении института княжеской власти.

древние времена, описанные во вводной части памятника, не имеющей дат (т.е. ранее 6360 (852) г. – первой даты ПВЛ), у полян был князь Кий, основавший город Киев. По смерти Кия и его братьев их «род» стал «держатъ княжение» у полян, такие же «княжения» существовали у других славянских общностей, расселившихся в Восточной Европе, – древлян, дреговичей, словен и полочан. В 6370 (862) г. на севере Восточноевропейской равнины появляется варяжский князь Рюрик с братьями и дружиной, призванный местными общностями – словенами, кривичами и чудью. Эти варяги, пришедшие с Рюриком и его братьями, назывались *русью*. Рюрик стал князем в Новгороде, столице земли словен. После смерти Рюрика (879 г.) его власть наследует, по причине малолетства сына Рюрика Игоря, его родственник Олег. В 882 г. Олег захватывает Киев, где ранее вокняжились отколовшиеся от дружины Рюрика варяги Аскольд и Дир, и объединяет под своей властью Новгород и Киев. Затем он покоряет древлян, радимичей и северян, в 907 г. совершает поход на Царьград – Константинополь. По смерти Олега (912 г.) власть переходит к Игорю, правившему до 945 г.<sup>11</sup>

В начале XX в. исследования А. А. Шахматова<sup>12</sup> коренным образом изменили представления о Начальном русском летописании. А. А. Шахматов установил, что ПВЛ была создана во втором десятилетии XII в., и обосновал гипотезу, что этому памятнику предшествовал более ранний свод конца XI столетия (1090-х гг.), текст которого сохранился в Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) младшего извода. А. А. Шахматов назвал этот памятник «Начальным сводом». Точку зрения А. А. Шахматова на соотношение текстов ПВЛ и НПЛ разделило большинство последующих исследователей. Есть, правда, те, кто считает, что текст НПЛ текстологически более поздний, чем ПВЛ<sup>13</sup>. Но в любом случае перед нами разные варианты изложения начала русской истории. Отличий, и существенных, очень много. Во-первых, в НПЛ события от основания Киева до захвата его преемником Рюрика не распределены на пространстве от недатированной части до 6390 (882) г., как в ПВЛ, а все помещены под 6362 (854) г., а затем сразу же следует статья 6428 (920) г. Кий назван не князем, а перевозчиком через Днепр или охотником, о нем рассказывается под тем же 854 г. Аскольд и Дир не связаны с Рюриком и занимают

11 ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 9–10, 19–55 (текст ПВЛ по Лаврентьевской летописи); ср.: Там же. Т. 2. М., 2001. Стб. 7–8, 13–43 (текст ПВЛ по Ипатьевской летописи).

12 Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; *Он же*. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916.

13 См. позиции тех и других в материалах конференции, посвященной 100-летию выхода книги А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (см.: ДРВМ. 2008. № 3 (33)).

Киев до его «призвания». Варяги Рюрика не определены как «русь». По смерти Рюрика Игорь сразу становится князем, именно он захватывает Киев. Олег – всего лишь воевода при Игоре. Поход Игоря на Царьград (по ПВЛ – 941 г.) помещен до похода Олега (920 и 922 гг. соответственно)<sup>14</sup>. Помимо выявления другой, более ранней, чем в ПВЛ, версии начальной истории Руси, А. А. Шахматов определил источники Начального летописания<sup>15</sup>. Стало ясным, что это, с одной стороны, византийские хроники (в первую очередь Хроника Георгия Амартола), с другой – изустно передававшиеся легенды о ранних князьях. При этом фактически вся приведенная выше канва начальной истории Руси – повествование о складывании «властных структур» – относится к источникам устного, легендарного характера. В письменных источниках Начального свода и ПВЛ нет сведений о Рюрике, Аскольде и Дире, о «призвании» князей, о захвате Олегом или Игорем Киева, о подчинении Олегом древлян, северян и радимичей, о походе Олега на Царьград. Византийские хроники сообщают только о походе Руси на Константинополь в 860 г. (в Начальном своде известие об этом походе помещено под 6362 (854) г., после рассказа об основании Киева, и до известий о появлении Аскольда, Дира и Рюрика, в ПВЛ – под 6374 (866) г., причем ПВЛ приписывает руководство походом Аскольду и Диру, в византийских хрониках не упоминаемым). Документальными источниками, включенными в состав ПВЛ, являются тексты договоров Олега и Игоря с Византией, помещенные под 6415, 6420 и 6453 гг.

Таким образом, встает вопрос о достоверности информации летописцев, писавших 1,5–2,5 столетия спустя после описываемых событий. Что касается дат начальной русской истории, то они определенно сконструированы книжниками с опорой на византийские источники<sup>16</sup>. При составлении Начального свода использованы всего две даты – 6362 (854) г., ставший результатом неверного расчета начала правления императора Византии Михаила III по византийским источникам, и 6428 (920) г. – неверная дата похода Игоря (также происшедшая из хронологической ошибки при привлечении византийских источников)<sup>17</sup>. ПВЛ опиралась на четыре даты – 6360 (852) г. как начало правления Михаила (тоже неверно вычисленный, правильно 942)<sup>18</sup>, 6374 (866) г. как дата похода Руси

14 НПЛ. С. 104–109.

15 *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1940. Термином «Начальное летописание» ниже определяются оба текста, повествующие о начале Руси – НПЛ (Начальный свод) и ПВЛ – в совокупности.

16 См.: *Лурье Я. С.* Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 56–99.

17 См.: *Повесть временных лет.* СПб., 1996. С. 395–396, 429.

18 Там же. С. 395–396.



на Царьград (неверно вместо 860 г.), 2 сентября 6420 г. – дата, проставленная в договоре Олега с Византией, и 6449 (941) г. – верная дата похода Игоря. То есть легендарный событийный ряд в Начальном летописании наложен на реконструируемую на основе отрывочных данных (к тому же зачастую неточно интерпретированных) хронологическую шкалу, и сделано это два с лишним века спустя<sup>19</sup>.

А что дают иностранные известия о ранней Руси, синхронные событиям? Их сведения отрывочны, но рисуют во многом иную картину, чем русское Начальное летописание.

### 1. Западноевропейские известия

1. Франкские Бертинские анналы под 839 г. сообщают, что ко двору франкского императора Людовика Благочестивого прибыло посольство византийского императора Феофила, а с ним – люди, пришедшие ранее послами в Константинополь от «хакана» (*chacanus*) народа (*gens*) «Рос» (*Rhos*)<sup>20</sup>. Таким образом, уже в конце 830-х гг. фиксируется некое этнополитическое образование под именем «русь»<sup>21</sup>, чей правитель носил восточный по происхождению титул «хакан» (*каган*)<sup>22</sup>. Это не соответствует На-

19 Возможно, ряд фрагментов Начального летописания восходит к более ранним летописным произведениям; в отношении их состава и времени появления в науке идут споры (см.: *Гиппиус А. А.* История и структура оригинального древнерусского текста (XI–XIV вв.): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2006. С. 20–26; *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник / *Collectanea Borisoglebica*. Вып. 1. Paris, 2009). Но, во-первых, самая ранняя гипотетическая датировка появления первого памятника летописного жанра – 990-е гг., т.е. также достаточно далеко отстоящие от событий начала русской истории (на 0,5–1,5 столетия); во-вторых, первое повествование с хронологической сеткой возникло, по общепринятому мнению, не ранее третьей четверти XI в. То есть если и был более ранний летописный памятник, он являл собой основанное на преданиях повествование о первых русских князьях, лишенное абсолютной хронологии.

20 *Annales Bertiniani*. Hannoverae, 1883. P. 19–20.

21 *Rhos* является латинской передачей византийской транскрипции названия «Русь» – ‘Рѡс’.

22 Несостоятельны интерпретации этого «кагана» как правителя Хазарии (см.: *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // *Славяне и их соседи*. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 113–115) или скандинавского вождя по имени Хакон (см.: *Garipzanov I.* The Annals of St. Bertin (839) and *Chacanus* of the *Rhos* // *Ruthenica*. T. V. Київ, 2006), поскольку этот же титул употребляется в восточных источниках по отношению к правителю Руси – «хакан-рус». Восточные авторы не могли спутать хорошо

чальному летописанию сразу по двум параметрам: существование руси в Восточной Европе оказывается как минимум на четверть века старше прихода Рюрика, и правитель ее именуется титулом «каган», а не «князь» (в Начальном своде и ПВЛ каганом именуется только правитель Хазарии<sup>23</sup>).

2. Так называемый «Баварский Географ» – восточнофранкская географическая записка, созданная, скорее всего, в третьей четверти IX в., помещает русь (Ruzzi) рядом с хазарами (Caziri)<sup>24</sup>. Если это означает локализацию на Юге Восточной Европы, то налицо несоответствие с ПВЛ, по которой русский князь (Олег) появляется в Киеве только в 882 г., а до этого русь пребывала в Новгороде.

3. В письме франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I 871 г. говорится, что во Франкском государстве «хаганом (chaganus) именуется глава авар, а не хазар или норманнов (Nortmanni)»<sup>25</sup>. В этом послании термин «русь» не применен, но наиболее вероятно, что под «каганом норманнов» имеется в виду правитель руси скандинавского происхождения. Из текста следует, что в Византии, в отличие от империи франков, титул «каган» за ним признавался<sup>26</sup>. В данном случае вновь расхождение с Начальным летописанием в титулатуре – как и в 839 г., правитель руси определяется как *каган*.

## II. Византийские известия

1. Житие Георгия Амастридского (создано ранее 842 г.) сообщает о нападении руси на Амастриду – византийский город на южном побережье Черного моря<sup>27</sup>. Это означает, что минимум за два десятилетия до прихода Рюрика русь уже присутствовала на юге Восточной Европы.

2. Ряд византийских хроник и иных источников сообщает о нападении руси (Ῥῶς) на Константинополь летом 860 г., а также о последующем

знакомый им титул с личным именем и хорошо известного на арабском Востоке (и упоминаемого в тех же источниках) хазарского кагана с правителем Руси.

23 НПЛ. С. 117; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65.

24 Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 14–15.

25 Chronicon Salernitanum. Stockholm, 1956. P. 111.

26 См.: Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 290; Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 55, прим. 4.

27 Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. 643–644. Существуют мнения, что рассказ о нападении на Амастриду является позднейшей вставкой в Житие, и речь идет о нападении Руси 860 или даже 941 г. (см.: Бибииков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. М., 2009. С. 135–136).

крещении части «росов» во главе с «архонтом»<sup>28</sup>. Расхождение с Начальным летописанием состоит в том, что дата нападения предшествует времени появления в Восточной Европе Рюрика, т.е. *руси* (по версии ПВЛ).

### III. Восточные источники

1. Ибн-Хордадбех пишет о «русских купцах», вывозящих меха и мечи из страны славян в Византию и Хазарию<sup>29</sup>. Существуют две датировки возникновения данного текста – 840-е и 880-е гг.<sup>30</sup>. Если верна первая, то снова перед нами известие о руси, предшествующее появлению в Восточной Европе носителей этого имени, согласно ПВЛ.

2. Ибн-Русте (писал в начале X в., но пользовался источником второй половины IX столетия) сообщает о «русах» (ар-рус) и их стране (ар-Русийа), находящейся на острове, окруженном озером. Их правитель называется «хакан»<sup>31</sup>. Отличием от Начального летописания является как титул правителя, так и островная локализация руси.

Итак, информация иностранных источников отличается от летописной по двум фундаментальным параметрам: русь присутствует в Восточной Европе ранее, чем, по датировке Начального свода и ПВЛ, там появился Рюрик (с которым, по ПВЛ, носители этнонима *русь* и пришли), и правитель ее носит титул *хакан* (каган). Кроме того, во всех названных зарубежных памятниках не называется ни одного личного имени, связанного с русью, и ни одного относящегося к руси города или иного поселения. И это при том, что в Начальном летописании видим немало имен и топонимов. Здесь встречаем имена князей: Рюрик, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир, Олег, Игорь. Первые пять нигде более не упоминаются; Олег назван как «князь русский» в договоре с Византией 911 г.; Игорь известен как по договору 944 г., так и по ряду иностранных источников 940-х гг. (см. ниже). Еще более длинен список топонимов, упомянутых в Начальном своде и ПВЛ: это Киев, Новгород, Ладога, Белоозеро, Изборск, Смоленск, Любеч, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Муром. Из них только Киев, Чернигов и Переяславль фигурируют в договоре Олега 907 г. (причем некоторыми исследователями высказываются сомнения в аутентичности этого фрагмента, см. об этом ниже, в разделе «Русь после Рюрика»).

28 См.: Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 год. М., 2003. С. 3–159.

29 Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384–385.

30 Там же. С. 374–377, 382–383.

31 Там же. С. 397–398.

Естественно, что такое несовпадение отечественных и синхронных событиям иностранных источников порождает в историографии разные подходы. Многие исследователи по-прежнему кладут в основу изложения летописную канву (иногда с оговорками о неточности датировок), а иностранные известия используют как дополнительные. Другие же подходят иначе. Распространено мнение, что до начала X в. образование под названием Русь располагалось на Севере Восточной Европы, и только с этого времени русские князья обосновались в Киеве<sup>32</sup>. То есть в современной историографии имеют место попытки пересмотра традиционной схемы с опорой не на Начальное летописание, а на иностранные источники.

Как бы то ни было, несомненно, что только с 940-х гг. сведения отечественных и зарубежных источников перестают обнаруживать противоречия друг с другом. Поход Игоря на Византию 941 г. упоминается, в отличие от похода Олега, как в отечественных (Начальном своде и ПВЛ), так и в зарубежных источниках, при этом не только в византийских<sup>33</sup>, но и в западном (Лиутпранд Кремонский)<sup>34</sup>. В отличие от известий о походе 860 г., названо имя предводителя Руси – Игорь, как в византийском источнике (Лев Диакон)<sup>35</sup>, так и у Лиутпранда<sup>36</sup>. Начинают упоминаться русские города: в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (948–952 гг.) – Киев, Новгород, Чернигов, Смоленск, Любеч, Вышгород, Витичев<sup>37</sup>, у арабского географа ал-Истахри (ок. 950) – Киев<sup>38</sup>. Смерть Игоря от рук восставших древлян упоминается византийским автором (Львом Диаконем)<sup>39</sup>, княжение Ольги – византийскими и западными источниками: о ее поездке в Константинополь говорится в сочинении «О церемониях»

32 Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 86–98 (О. Прицак относит захват Игорем Киева даже к 930-м гг.); Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси... С. 49–95; Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. СПб., 2007.

33 Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnae, 1838. P. 423. 15–17 (Продолжатель Феофана), 747. 12–14 (Псевдо-Симеон); Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 2. Пг., 1922. С. 60. 26–27 («Ватиканский Георгий»); Вилинский С. Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2: Тексты Жития. Одесса, 1911, С. 457–459.

34 Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. М., 2006. С. 96–97.

35 Лев Диакон. История. М., 1988. С. 57.

36 Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. С. 97.

37 Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989 (далее – КБ). С. 44–47, 50–51.

38 Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 411.

39 Лев Диакон. История. С. 57.

Константина Багрянородного<sup>40</sup>, о крещении там – в немецкой Хронике Продолжателя Регинона<sup>41</sup>. И далее этот параллелизм продолжается – для княжения Святослава и последующих времен. По поводу событий 940-х гг. и позднейших идут споры по многим сюжетам, но основополагающие для истории государства вещи – где располагалась его территория, какие в нем существовали центры, кто и когда правил – сомнений не вызывают: летописные тексты по-прежнему основаны на преданиях (хотя и стоят ближе к временам работы летописцев), но их сведения проверяются (и на сей раз, в отличие от более ранних времен, в основном подтверждаются) иностранными источниками.

Таким образом, положение Руси в 940-е гг. может быть той отправной точкой, от которой реально пытаться двигаться вглубь по основным проблемам. Чтобы их очертить, попробуем дать характеристику Руси 940-х гг. по имеющимся синхронным данным.

### Русь в 40-е годы X века

Для 940-х гг. имеется уникальная возможность сопоставления нескольких разноязычных источников, содержащих пространные, с упоминанием топонимов и антропонимов, сведения о Руси. Это трактат византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (948–952), сочинение арабского автора ал-Истахри «Книга путей и стран» (дошедшая до нас редакция – ок. 950 г.)<sup>42</sup> и договор киевского князя Игоря с Византией, дошедший в древнерусском варианте (являющем собой перевод с греческого оригинала) в составе ПВЛ (944 г.)<sup>43</sup>.

*Константин Багрянородный, глава 9:*

«[Да будет известно], что приходящие из внешней Росии<sup>44</sup> в Констан-

40 *Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae Byzantiae.* Bonnae, 1829. Vol. 1. P. 594–598.

41 *Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum continuatione Treverensi.* Hannoverae, 1890. P. 169.

42 См.: *Новосельцев А. П.* Восточные источники... С. 408–412.

43 О дате договора см.: ПВЛ. С. 431. Еще одним источником, относящимся к тому же времени, является т.н. «Кембриджский документ» – письмо на древнееврейском языке, посланное из Хазарии (ок. 949 г.). Анализ его сведений о Руси см. в разделе «Русь после Рюрика».

44 «Внешняя Росия» – термин, встречающийся только у Константина, причем без противоположного понятия – «внутренняя Росия». По смыслу текста, к ней относятся упоминаемые ниже города – Новгород, Смоленск, Любеч (?), Чернигов и Вышгород (см.: *Назаренко А. В.* Территориально-политическая

тинополь моноксилы<sup>45</sup> являются одни из Немогарда<sup>46</sup>, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора<sup>47</sup>, архонта Росии, а другие из Милиниски<sup>48</sup>, из

структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. (Труды Гос. Эрмитажа. Вып. 49). С. 418–422; о других трактовках см.: КБ. С. 308–309).

- 45 Моноксилы – дословно «лодки, выдолбленные из одного бревна». Обычно предполагается, что это определение касается только килевой части русских судов, а в целом они имели сложную конструкцию (см.: КБ. С. 307–308).
- 46 Новгорода. В середине X в. этот топоним еще, по-видимому, применялся к т.н. Рюрикову Городищу (в 2 км от позднейшего Новгорода), а на возникший на современном месте в том же столетии город был перенесен позже (см.: *Носов Е. Н.* Новгородский детинец и Городище // НИС. Вып. 5 (15). СПб., 1995).
- 47 Ингор – русский князь Игорь. Информация о Руси, таким образом, относится ко временам его правления, хотя создавался трактат Константина через несколько лет после гибели Игоря (945 г., согласно Начальному летописанию). Из текста прямо и не следует, что Игорь является правителем Руси в настоящее время: там лишь сказано, что Святослав «сидел» (ἐκάθηζετο) в Новгороде и что он – сын Игоря; речь может идти о недавнем прошлом. Известие Константина – единственное свидетельство о княжении Святослава в Новгороде. Написание Σφενδοσβλάβος передает звучание имени Святослав в середине X в. по-славянски – с носовым гласным *л* (ср. Σφενδοπλόκος – князь Великой Моравии Святополк – в гл. 13, 40, 41 – КБ. С. 52–53, 164–165, 168–169). Согласно Начальному летописанию, Святослав на момент гибели отца был ребенком, в 946 г. он еще не может бросить копье дальше ног собственного коня (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58). Однако возведение княжича на стол на Руси было допустимо после обряда постригов, а он проводился в 2–3-летнем возрасте. Известие о княжении Святослава в Новгороде – первое прямое сообщение о наличии у члена русской княжеской династии («Рюриковичей») стола помимо Киева. Игорь назван «архонтом Росии». «Архонт» – традиционный греческий термин для обозначения иноземных правителей, в т.ч. русских князей (КБ. С. 291). В позднейшее время (с XI в.) известны печати князей-Рюриковичей с греческими надписями, включающими имя князя и определение ἄρχων Ῥωσίας/князь русский, причем так именовали представителей русской княжеской династии независимо от их места во властной иерархии (*Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 170–172. № 25–28, 30; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси. Т. 3. М., 1998. № 22а. С. 115).
- 48 «Милиниска» – Смоленск. В то время он располагался в 12 км западнее современного города, на месте археологического комплекса

Телиуцы<sup>49</sup>, Чернигоги<sup>50</sup> и из Вусеграда<sup>51</sup>. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас<sup>52</sup>.

Гнездово (см.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 135–154). Такая точка зрения разделяется, правда, не всеми исследователями (ср.: *Авдусин Д. А.* О Гнездове и Смоленске // Вестник Московского университета. Серия «История». 1979. № 4). Но отсутствие археологических следов существования города на современном месте ранее середины XI в. иного разумного объяснения не оставляет: если летописные упоминания о Смоленске в рассказе о походе Олега и Игоря на Киев (в НПЛ под 854 и в ПВЛ под 882 г.) и можно было бы заподозрить в недостоверности, то известие Константина, современника, называющего Смоленск после Киева и Новгорода, сомнений вызвать не может.

49 Обычно предполагается, что речь идет о Любече, городе на Днепре выше впадения Припяти (см.: КБ. С. 313). Однако созвучие названий, в отличие от всех других поименованных Константином центров, в данном случае весьма отдаленно. Отождествление с Любечем исходит из развертывания перечня городов – с севера на юг по пути «из варяг в греки». Действительно, между Смоленском в верховьях Днепра и упоминаемым следом за «Телиуцой» Черниговом (на Десне близ ее впадения в Днепр) Начальное летописание знает только Любеч: он упоминается в ПВЛ под 882 и 907 гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23, 31). Однако в X столетии на этой территории существовали и другие укрепленные поселения. Так, в 16 км к юго-западу от Чернигова находится археологический комплекс, называемый по современному топониму Шестовицей, где в X в. располагалось поселение с сильным дружинным контингентом (см.: *Бліфельд Д. І.* Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977; *Коваленко В., Моця А., Сытый Ю.* Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–X ст. Чернігів, 2003; *Коваленко В. П., Моця А. П.* Шестовица – южная «сестра» Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010). Вопрос об идентификации «Телиуцы» остается, таким образом, не вполне ясным.

50 Чернигов.

51 Вышгород (в 15 км от Киева выше по Днепру). В начальном летописании упоминается впервые под 946 г. как город, принадлежавший княгине Ольге (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60).

52 Киоава – Киев. «Самватас» – второе название Киева или части его территории, особого укрепленного поселения, встречающееся только у Константина. О точках зрения на этимологию и локализацию см.: КБ 1989. С. 315–316.

Славяне же, их пактиоты<sup>53</sup>, а именно: кривитеины<sup>54</sup>, лендзанины<sup>55</sup>

- 53 Термин «пактиоты» указывает на данническо-союзнические отношения (от греч. *λάκτων* – «пакт», имеющего как значение «дани», так и значение «договор»), см.: КБ. С. 316. В главе 37 трактата Константина «лендзанины» (лендзяне) названы «данниками» Руси (КБ. С. 156–157), а о сборе дани с других общностей, включая кривичей, сказано в конце главы 9. В то же время нижеследующее сообщение о продаже славянами моноксилов «росам» говорит скорее о союзнических отношениях. По-видимому, говоря о «пактиотах», Константин подразумевал как раз двойственность положения «славиний» – они союзники, но зависимые, обязанные данью. Из текста неясно, чьими «пактиотами» автор считает «славинии»: по прямому смыслу – упомянутых выше Игоря и Святослава. Но ниже Витичев назван «крепостью-пактиотом» «росов», а в главе 37 лендзяне, древляне и уличи определены как «подплатежные стране России». Возможно, и в первом случае имеются в виду не названные, но подразумеваемые «росы» – русь в целом.
- 54 «Кривитеины» – кривичи. Согласно ПВЛ, они обитали в верховьях Западной Двины, Днепра и Верхней Волги; их главными городами были Полоцк и Смоленск (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10, 20).
- 55 Лендзяне – единственная из зависимых от русских князей «славиний», не упоминаемая в ПВЛ. Обычно эту общность, упоминаемую также в Баварском географе (см.: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 14), помещают в Польше – Великой или Малой (в последнем случае доводя их территорию на востоке до Западного Буга или даже до Стыри, притока Припяти, см. литературу: Там же. С. 31–34). Основой для этого является совпадение этимологии названия *Lendizi* и древнерусского обозначения поляков «ляхи». Между тем в качестве обозначения конкретной догосударственной общности данный этноним упоминается, кроме Баварского географа, только у Константина Багрянородного – в гл. 9 и гл. 37. Из первой следует, что лендзяне сплавляли «моноксилы» в Киев по рекам – притокам Днепра, а в последней сказано, что печенежская «фема» Иавдертим «соседит с подплатежными стране России местностями, с ультинами, дервленинами, лендзанинами и прочими славянами» (КБ. С. 156–157). Местоположение лендзян, таким образом, определяют указания на проживание в бассейне Днепра и соседство с уличами, древлянами и печенегами. Где бы ни размещать уличей – на Днепре ниже полян или в низовьях Южного Буга и Днестра (согласно НПЛ, они первоначально жили на Днепре, а затем сменили место жительства на Побужье и Поднестровье – НПЛ. С. 109), соседствовать одновременно с ними, с древлянами (жившими к югу от низовьев Припяти) и печенегами можно было, только располагаясь в районе правых притоков Припяти Горыни (с ее притоком Случью) и Стыри, т.е. на востоке Волыни (см. карту: *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 270). Следовательно, вероятнее всего предполагать, что «лендзанины» у Константина



и прочие Славинии<sup>56</sup> – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову»<sup>57</sup>. Далее идет рассказ о ежегодных путешествиях «росов» в Византию для торговли, а в конце главы говорится: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия<sup>58</sup>, что именуется „кружением“, а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев<sup>59</sup> и прочих славян, которые являются

---

является обозначением славян Волыни, может быть только восточной, так как по Баварскому географу, также упоминающему лендзян (Lendizi), западную, побужскую Волынь занимали «бужане» (см.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 14; Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // ДГ. 1995 год. М., 1997. С. 275–276). Предположение, что под лендзянами у Константина имеется в виду совокупность полян, радимичей и вятичей (см.: Скрынников Р. Г. История Российская... С. 32–34), неосновательно, т. к. радимичи и вятичи не граничили с печенегами, а территория полян (с городами Киевом и Вышгородом) находилась, как следует из гл. 9, под непосредственной властью русских князей, т. е. являлась той самой «Росией», которая, согласно гл. 37, соседила не с «фемой Иаввертим», а с другой печенежской «фемой» – Харавои (КБ. С. 156–157).

56 «Славинии» – термин, обозначающий в Византии с VII в. славянские договорные общности со своими самоназваниями (см.: Литаврин Г. Г. Славинии VII–IX веков – социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984). Первоначально он применялся к славянским группировкам, расселившимся на территории империи и по соседству с ней, но у Константина «славиниями» именуется и территориальные образования славян, отдаленных от византийских пределов – как восточных (в гл. 9), так и западных (в гл. 28 – КБ. С. 106–109).

57 КБ. С. 44–47.

58 Полюдьем на Руси именовался объезд подвластных территорий с целью сбора дани (см.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 316–329). Константин приводит в греческой транскрипции древнерусское слово – полѹ́диа; это самая ранняя фиксация данного термина.

59 Константин называет четыре «славинии» – древлян (Верβιανοί – явная описка вместо Дерβιανοί, ср. в гл. 37 – Дерβλενίνοι), дреговичей, кривичей и северян, но добавляя – «и прочих славян». Из перечисленных им общностей в Начальном летописании упоминаются как данники киевских

пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев»<sup>60</sup>.

Под пером Константина главой Руси представлен Игорь, главным центром – Киев. В Новгороде княжит сын киевского князя Святослав. «Росы» ходят «в полюдья» в славинии древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян. В собственно древнерусских источниках термин «полюдье» встречается только в XII столетии<sup>61</sup>, причем в то время так мог называться и объезд князем территории, и особая подать, отличная от дани и встречающаяся только на отдельных территориях<sup>62</sup>. В Начальном летописании говорится о сборе киевскими князьями Олегом и Игорем с восточнославянских общностей *дани*. Константин в других местах называет кривичей «пактиотами» русских князей (в начале гл. 9), а древлян – «подплатежными» Росии (гл. 37), т.е. данниками. Соотнесение этих известий с рассказом Константина, где по землям тех же общностей русские «архонты» ездят «в полюдия», говорит в пользу того, что первоначальным значением термина было «объезд с целью сбора дани». Б. А. Рыбаков, отталкиваясь от известия Константина, попытался нанести на карту маршрут полюдья, исходя из того, что оно было единым объездом киевским князем и его дружиной территорий четырех названных общностей – древлян, дреговичей, кривичей и северян<sup>63</sup>. По мнению же М. Б. Свердлова, имел место не единый объезд, а разъезд нескольких дружинных отрядов – каждого по территории одной из общностей<sup>64</sup>. Это представляется более вероятным. Во-первых, Константин пишет об «архонтах»

---

князей три – древляне, север и кривичи. В НС назывались также уличи, определенные как данники «Росии» в гл. 37 трактата Константина. Таким образом, в совокупности сведения царственного автора подтверждают известия Начального летописания о даннической зависимости древлян, северян, кривичей и уличей, а также дополняют этот перечень дреговичами, обитателями Припятского Полесья (которые упоминаются во вводной части ПВЛ, см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10–11, но не названы в рассказах об Олеге и Игоре среди данников русских князей) и лендзянами (определяемыми как «пактиоты» в начале гл. 9 и как «подплатежные» в гл. 37).

60 КБ. С. 50–51.

61 ГВНП. № 81. С. 140; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408–409; *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. № 226. С. 49.

62 См.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 7. М., 2004. С. 115.

63 *Рыбаков Б. А.* Смерды // ИСССР. 1979. № 2. С. 38–49.

64 *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 60–62.

во множественном числе. Во-вторых, указывает на одновременность возвращения «росов» из полюдья («начиная с апреля... возвращаются в Киаву»). Наконец, само слово «полюдье» употреблено во множественном числе, что можно рассматривать как прямое указание на несколько «полюдий», а не на единый объезд. Не исключено, что употребление Константином слова *διατρέφο* является переводом древнерусского «кормитися»<sup>65</sup>.

Указание, что в полюдья отправляются «все росы», иногда понимается как свидетельство социального значения термина «русь», обозначающего в середине X в. в первую очередь княжескую дружину; определение «все росы» рассматривается как калька с древнерусского «вся русь»<sup>66</sup>. Однако согласно договорам с Византией Олега 911 и Игоря 944 гг., *русью* (ед.ч. *русин*) назывались все, кто находился под властью русского князя (в т.ч. «неимовитые», т.е. явно лица, не относящиеся к знати)<sup>67</sup>. Да и у самого Константина в гл. 42 «росы» выступают явно как народ, а не социальная группа<sup>68</sup>. Поэтому не исключено, что в рассматриваемом месте гл. 9 отразилось свойственное раннему Средневековью перенесение этнонима на наиболее социально активную часть населения<sup>69</sup>. Следует также иметь в виду, что определение «все» вовсе не обязательно понимать как «все до единого». В летописях можно встретить пассажи о действиях «всех киян», «всех новгородцев» и т.д. в ситуациях, когда доподлинно известно, что часть населения города в этих действиях участия не принимала и находилась в другом месте. Как «бояре и Русь вся» определено войско Святослава в его договоре с Византией 971 г.<sup>70</sup> (являющем собой перевод с греческого оригинала), при том, что при Святославе не могло быть не только всего населения страны, но и всех представителей служилой знати — часть их находилась при его сыновьях Ярополке, Олеге и Владимире, княживших в это время соответственно в Киеве, земле древлян и Новгороде. Т.е. определение «все» могло означать «большое количество представителей той или иной общности». Соответственно и данное место у Константина следует скорее всего понимать как указание на то, что в полюдье по «славиниям» отправлялись очень значительные

65 Ср. в ПВЛ о роспуске войск «на покорм»: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143, 174.

66 КБ. С. 292, 329.

67 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33–37, 47–53.

68 «...в верховьях реки Днепр живут росы» (КБ. С. 172–173).

69 См.: Горский А. А. Этнический состав и формирование этнического самознания древнерусской знати // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 80.

70 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 73.

контингенты «росов» (в смысле людей, непосредственно подвластных киевскому князю).

В целом глава 9 сочинения Константина дает богатую информацию о Руси 940-х гг. Из нее следует, что в это время Восточноевропейскую равнину пересекала в меридиональном – с севера на юг – направлении территория, непосредственно подвластная русским князьям. «Главная» русская область располагалась в Среднем Поднепровье с центром в Киеве (он безоговорочно выступает у Константина как столица всей Руси), вторая по значению – в Поволховье (центр – Новгород), третья – в Верхнем Поднепровье (центр – Смоленск). В среднеднепровской области важную роль играли также такие укрепленные поселения, как Чернигов, Любеч (?), Вышгород, Витичев. В Новгороде существовал княжеский стол, занимаемый представителем киевской династии. По обе стороны от территории, подвластной непосредственно киевскому княжескому роду, располагались «славинии» – древляне, дреговичи, кривичи и лендзяне к западу от Днепра (гл. 37 позволяет добавить к этому перечню уличей), север – к востоку. Они были обязаны киевскому князю данью и союзом. Таким образом, существовала основа государственной территории вдоль так называемого торгового пути «из варяг в греки» (из Балтийского моря в Черное по рекам Восточной Европы), от Поволховья до границы со степью, и система зависимых от Руси восточнославянских общностей. Перечисленные в гл. 9 русские города, скорее всего, все относятся к непосредственно подвластной русским князьям территории. В отношении Киева и Новгорода, где сидят Игорь и Святослав, это несомненно. В отношении Смоленска – наиболее вероятно: поскольку в дружинных захоронениях Гнездова преобладают люди варяжского происхождения, полагать, что он оставался в 940-е гг. центром особого кривичского «княжения», оснований нет (соответственно данные Начального летописания о подчинении Смоленска во время похода Олега-Игоря из Новгорода на Киев можно считать в основе достоверными). Чернигов, Любеч и Вышгород относились к освоенной киевскими князьями территории в Среднем Поднепровье, видеть в них центры «славиний» вряд ли возможно. Скорее всего, во всех названных городах сидели наместники киевского князя. Неясна ситуация с Витичевым. Он назван крепостью-«пактиотом» «росов». Выше как «пактиоты» определены «славинии» – кривичи и лендзяне. Исходя из этого, в Витичеве можно было бы предположить центр некоей «славинии». Ниже Киева на Днестре, согласно Начальному своду, первоначально обитали уличи<sup>71</sup>, и можно допустить, что

в 940-е гг. они находились еще в этом регионе. Но главным городом уличей, по Начальному своду, был не Витичев, а Пересечен<sup>72</sup>. Другой возможный вариант – что в Витичеве, форпосте южных границ Руси, находился тогда с дружиной варяжский предводитель, связанный с киевским князем договором («пактом»).

Принадлежность перечисленных Константином городов киевским князьям наводит на предположение об определенном параллелизме сбора монокилов и полюдья. Можно полагать, что названные города служили и промежуточными опорными пунктами, куда свозилась дань, собранная в полюдья киевскими дружинами: в Смоленске концентрировалась дань с кривичей, в Любече (если «Телиуца» – это Любеч) – с дреговичей, в Чернигове – с северян, в Вышгороде – с древлян (и возможно лендзян); в Новгород поступала дань с земли словен, которую собирала, надо полагать, дружина сидевшего там Святослава, а не отряды, выезжавшие из Киева. Возможно, в Витичев свозилась дань с уличей.

#### *Ал-Истахри:*

«Русы. Их три группы (джинс). Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, а он (город) больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийя, и (третья) группа их называется Арсанийя, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не общаются никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово (свинец?).»

И русы – народ, сжигающий своих мертвых... и одежда их короткие куртки... и эти русы торгуют с Хазарами, Румом (Византией) и Булгаром (Великим), и они граничат с северными пределами Рума, их так много и они столь сильны, что наложили дань на пограничные им районы Рума, внутренние булгары же христиане»<sup>73</sup>.

72 Там же. С. 109–110.

73 *Новосельцев А. П.* Восточные источники... С. 411–412. Выше у ал-Истахри есть еще одно упоминание «русов» и Киева: «И то, что вывозится от них (хазар) из меда и воска, это то самое, что вывозится ими из страны русов и булгар, точно так же и шкуры бобра, которые везут во все концы света, – и их нет нигде, кроме тех рек, что в стране булгар, русов и Куйабы» (там же. С. 403).

В этом фрагменте нет указаний на то, что каждая из упомянутых групп являет собой самостоятельное политическое образование. Обычно текст трактуется именно так, в силу чего его реалии переносятся в IX столетие, ко времени до прихода Олега в Киев<sup>74</sup>. Но подобная трактовка возникла под влиянием перевода арабского слова «малик» как «царь»: царями и в средневековой Руси, и в России именовали правителей высшего ранга, полностью суверенных. Однако очевидно, что «малик» в арабском тексте является эквивалентом не термина «царь» (которым в раннесредневековой Руси называли из современных правителей только византийских императоров), а термина «князь». Князь же – совсем не обязательно независимый правитель: в Новгороде при Игоре княжит Святослав, и от этого Северная Русь не стала независимым от Киева образованием; позже, при Святославе и Владимире, представители киевской княжеской династии начинают занимать столы по всей восточнославянской территории, сохраняя при этом зависимость от киевского князя<sup>75</sup>.

Текст ал-Истахри дает, следовательно, основание говорить не о трех самостоятельных политических образованиях «русов», а не более чем о трех регионах их расселения, концентрации. Идентификация двух из трех названных «групп русов» не вызывает сомнений: под Куйабой имеется в виду Киев, область Среднего Поднепровья, под ас-Славийя – область новгородских словен. Что же касается третьей «группы», Арсы, то в отношении нее было высказано множество предположений: назывались Арзамас, Рязань, Пермь, Тмуторокань, анты, Верхнее Поволжье, Чернигов, о. Рюген на южном побережье Балтики, мордва-эрзя, г. Родня (на Днепре ниже Киева), Волынь<sup>76</sup>.

74 См.: Там же. С. 415–417. Результатом такой трактовки стало вошедшее в учебники представление о «Куювии, Славии и Артании» как предшественниках Древнерусского государства.

75 Примечательно, что, упоминая о родственнике хазарского царя, являвшемся его наместником в бывшей столице Хазарии Семендере, ал-Истахри употребляет тот же термин «малик» (Там же. С. 144). Следовательно, под пером данного автора он мог обозначать зависимого правителя, если тот принадлежал к правящей в стране династии.

76 См.: Карасик А. М. К вопросу о третьем центре Руси // Изв. Т. 35. М.; Л., 1950; Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 417–419; Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С. 104–123; Карсанов А. Н. К вопросу о трех группах русов // Герменевтика древнерусской литературы. X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992; Коновалова И. Г. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII–XIV вв. // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995.

Согласно ал-Истахри, «люди для торговли» (т.е. восточные купцы, на сведениях которых и основана информация о Руси) «прибывают в Куйабу», Арсы же чужеземцы не достигают, однако ее жители «спускаются по воде и торгуют». Скорее всего, речь идет о контактах восточных купцов с жителями Арсы в названном выше центре торговли – Киеве. Спуститься в Киев по воде можно только двигаясь с верхнего Днепра. Таким образом, следуя прямому смыслу текста, Арсу следует искать на Днестре выше Киева. Естественно предположить, что третья группа «русов» – это регион их концентрации в Верхнем Поднепровье с центром в Смоленске (Гнездово). При таком понимании Арсы «структура Руси» у ал-Истахри полностью совпадает с той, что выступает у Константина Багрянородного: ее территория расположена вдоль «пути из варяг в греки»; главный центр – Киев, второй по значению – Новгород, третий – Смоленск.

В *договоре с Византией 944 г.* перечислены 24 человека, которых представляют отправленные в Царьград послы. Первыми названы Игорь, Святослав и Ольга, а далее идут лица, неизвестные другим источникам: Игорь – племянник Игоря, Володислав, Предслава, Сфандра – жена Улеба, Турд, Арфаст, Сфирк, Акун – племянник Игоря, Тудко, Тудор, Евлиск, Воик, Аминод, Берн, Гунар, Алдан, Клек, Етон, Гуды, Тулб, Ута<sup>77</sup>. Поскольку четвертый и одиннадцатый из отправителей послов принадлежат к роду Игоря, те, кто назван между ними, явно тоже относятся к числу родственников киевского князя. Лица, упомянутые после Акуна, скорее всего тоже родственны правящей династии<sup>78</sup>, поскольку если предполагать в них представителей киевского дружинного слоя, то следовало ожидать упоминание Свенельда и Асмуда, несомненно ведущих представителей знати того времени<sup>79</sup>. Сам договор заключается от имени «Игоря, великого князя русаго, и от всякого княжя и от всѣхъ людии Руския земля». Говорится, что послов отправили «велики князь нашъ Игорь и боляри его и людьє вси рустии»<sup>80</sup>. В отношении «всякого княжя» высказывались две точки зрения: 1) речь идет о князьях зависимых от Киева славянских

77 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46–47; Т. 2. Стб. 35–36.

78 Ср.: *Ловмянский Г.* Русь и норманны. М., 1985. С. 223–224; *Назаренко А. В.* Территориально-политическая структура Древней Руси... С. 417–418.

79 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54–55, 73 (если об Асмуде говорит только Начальное летописание, то историчность Свенельда подтверждается его упоминанием в договоре Святослава с Византией).

80 Там же. Стб. 47; ср.: Т. 2. Стб. 36.

общностей; 2) имеются в виду представители правящей династии – те самые отправители послов<sup>81</sup>. Представляется, что дискуссия здесь не имеет особого смысла: в тексте перед нами явно этикетная формула, призванная подчеркнуть «общегосударственный» характер договора; аналогично сказано, что он заключается «съ самѣми цари, со всѣмъ боярствомъ и со всѣми людьми гречьскими»<sup>82</sup>.

Киев выступает в договоре как главный центр Руси, следом за ним названы Чернигов и Переяславль: «тогда возьмутъ мѣсячное свое, съли слобное, а гостье мѣсячное, первое от города Киева, паки изъ Чернигова и ис Переяславля и ис прочихъ городовъ»<sup>83</sup>.

Таким образом, сведения трех источников – византийского, арабского и древнерусского – рисуют Русь на этапе развития, когда существует территория, подвластная непосредственно киевскому княжескому семейству, где уже существует управление через наместников (Новгород, вероятно, Смоленск, Чернигов, Любеч и Вышгород), и система зависимых «славиний», которые эксплуатируются через систему «полюдий».

Договор с Византией 944 г. свидетельствует о присутствии в социальной элите Руси скандинавов по происхождению. Среди имен отправителей послов, т.е. представителей княжеского рода, 15 (Игорь, Ольга, Сфандра, Турд, Арфаст, Сфирка, Акун, Тудко, Берн, Гунар, Алдан, Клек, Гуды, Тулб, Ута) скандинавских<sup>84</sup>, в то время как бесспорно славянских 3 (Святослав, Володислав, Предслава), среди имен послов скандинавские также преобладают (17 из 25)<sup>85</sup>. В трактате Константина упоминаются два параллельных перечня названий днепровских порогов. Одни названия определены как звучащие «по-славянски», другие – «по-росски»<sup>86</sup>. При этом почти все «росские» названия име-

81 Назаренко А. В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // ВЕДС. М., 1996.

82 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47; ср.: Т. 2. Стб. 36.

83 Там же. Т. 1. Стб. 48–49; ср.: Т. 2. Стб. 37. О сомнениях, высказываемых рядом авторов по поводу данного перечня городов в договоре, см. раздел «Русь после Рюрика».

84 Melnikova E. The lists of Old Norse personal names in the Russian-Byzantine treaties of the tenth century // *Studia anthroponymica Scandinavica*. Tidskrift för nordisk personnamnsforskning. B. 22. Uppsala, 2004.

85 *Ibid.* В договоре Олега 911 г. из 15 имен послов определенно скандинавскими являются 13.

86 КБ. С. 46–49.



ют скандинавские корни<sup>87</sup>. Основываясь на этом факте, ряд авторов делает вывод о скандинавоязычии или по меньшей мере двуязычии дружинного окружения русских князей еще в середине X столетия<sup>88</sup>. Однако при этом не учитывается механизм восприятия и обработки информации при создании трактата Константина.

У автора было два разноязычных ряда названий. С определением одного из языков вопроса возникнуть не могло: это был славянский язык, хорошо известный в Византии (на нем говорили южные славяне, входившие и в число подданных Империи, и в число ее соседей). Сложнее обстояло дело с другим рядом наименований порогов. В то время в Византии, разумеется, отсутствовали определения, которыми оперируют по отношению к языку этих названий современные исследователи, – «скандинавский», «древнескандинавский», «древнешведский». Единственное, что могло быть известно автору – это то, что данным языком пользуется некая часть тех, кто в Византии именуется «русью». Насколько значительная часть – определить на основе данного источника невозможно; с равной степенью вероятности можно допустить и 100%, и ничтожно малую долю. Ведь даже если подавляющее большинство «руси» говорило по-славянски, славяноязычные названия порогов не могли быть определены автором как «русские» – поскольку язык, на котором они звучали, был давно известен в Византии как именно *славянский*. С другой стороны, даже если доля скандинавоязычных представителей «руси» была бы ничтожно мала, их язык не мог быть определен иначе как «русский» – поскольку других вариантов этнонимического определения в распоряжении у автора просто не имелось. Таким образом, сведения о названиях порогов позволяют лишь утверждать, что определенная часть «руси» пользовалась скандинавским языком.

Другие данные – утверждение к середине X в. славянских имен в правящей династии (Святослав и его сыновья Ярополк и Владимир), упоминание Константином (ниже в гл. 9) славянского слова «полюдье» (а не его скандинавского аналога «вейцла»), обозначавшего систему сбора дани «росами» со «славиний» (при том, что сведения автор получал явно от потребителей дани, приезжавших в Константинополь в качестве послов или купцов, а не от ее плательщиков) – позволяют полагать, что киевская династия и ее окружение в середине X столетия пользовались славянским языком. Скандинавоязычными

87 См.: Там же. С. 319–326.

88 См.: *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М.; Смоленск, 1995. С. 98; *Скрынников Р. Г.* История Российская... С. 50.

в это время были, скорее всего, только те варяги, которые входили в число привлеченных Игорем в качестве наемников для походов на Византию<sup>89</sup> и затем остались на службе у русских князей; будучи уроженцами Скандинавии, они, естественно, продолжали пользоваться скандинавским языком. Очевидно, информатор автора трактата происходил из этой среды. Он сообщил наименования, которыми пользовались уроженцы Скандинавии, передвигавшиеся по пути «из варяг в греки». Поскольку информатор относился к «русси», автор трактата и определил данные топонимы как «русские», четко представляя, что известный ему параллельный перечень названий, хотя и используется тоже представителями «русси», принадлежит языку *славянскому*<sup>90</sup>.

Таким образом, ядро дружины киевских князей в середине X столетия составляли, по-видимому, в большинстве своем люди, имевшие скандинавские корни<sup>91</sup>, при этом шел процесс их ассимиляции (славянизации). В «славиниях», судя по летописному рассказу о гибели Игоря от рук древлян и мести им Ольги, еще сохранялась местная знать (князья и «нарочитые мужи»)<sup>92</sup>.

\* \* \*

Отталкиваясь от картины, рисуемой источниками 940-х гг., можно очертить вопросы ранней истории Руси, требующие разрешения.

Первый и очевидный – что представляло собой славянское (восточнославянское) общество до появления в Восточной Европе варягов? Каков был уровень его развития, какие в нем проходили процессы?

Второй – где располагалась Русь как этнополитическое образование между 830-ми и 940-ми гг.? В отношении 940-х гг. этот вопрос ясен – Русь располагалась там же, где и в более поздние времена, только территория, непосредственно подвластная русским князьям, была

89 См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 45.

90 Маловероятно, чтобы оба перечня восходили к одному информатору (скандинаву), т.к., во-первых, славянские наименования переданы точнее, чем скандинавские, а во-вторых, обнаруживают в ряде случаев южнославянское посредство, в речи восточноевропейского варяга невозможное, см.: КБ. С. 321–324, прим. 28, 33, 35.

91 В то же время в дружинную верхушку входили и лица чисто славянского происхождения. Таков Добрыня, ставший шурином Святослава и сподвижником его сына Владимира, своего племянника (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69; входил ли в дружинную знать упомянутый здесь же отец Добрыни, Малко Любечанин, неясно).

92 См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–57.

уже, чем в XI столетии – она была вытянута с севера на юг вдоль «пути из варяг в греки», вероятно, с расширениями на севере (от Пскова-Изборска до Белоозера) и юге (в Среднем Поднепровье). Что касается более ранних времен, то ясности с локализацией нет. В договоре с Византией 911 г. русские города не упоминаются. В тексте, помещенном под 907 г., названы Киев, Чернигов и Переяславль, но по поводу аутентичности этого перечня в историографии высказаны сомнения (см. об этом в разделе «Русь после Рюрика»). Для IX же века, напомним, все синхронные (т.е. в данном случае исключительно иностранные) известия не содержат топонимов. Русские же летописные данные ретроспективны, основаны на легендах и могут быть подвергнуты сомнению, а датировки в них определенно поздние, являющие собой результат реконструкции составителей Начального летописания.

Третий вопрос – роль норманнов в процессах, происходивших в Восточной Европе. В дореволюционной историографии к нему подходили, как правило, в определенном смысле дифференцированно – оценивалась в первую очередь роль Рюрика и его варягов. К XX в. произошел отказ от трактовки прихода родоначальника династии как акта образования государства, а археология выявила, что приток норманнов в Восточную Европу имел место как до, так и позже этого события, вплоть до конца X столетия. В результате наметился крен в сторону суждений о роли норманнов вообще. Необходимо уточнить – можно говорить о норманнском влиянии в целом, в русле которого приход контингента, явившегося с Рюриком, был более или менее важным, но эпизодом, или роль родоначальника династии и его людей имела свою специфику.

### Славянское общество от VI к IX столетию

В исторической литературе мнения о том, что представляло собой восточнославянское общество накануне образования государства Русь, шли ли в нем процессы государствообразования, различаются достаточно радикально. На одном полюсе суждения о славянском обществе как социуме «без вертикальной иерархии, где нет имущественного неравенства»<sup>93</sup>. В отечественной историографии обычны тезисы о том, что процессы государствообразования у восточных

93 Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси... С. 114. Ср.: «У славян не было [накануне прихода варягов. – А. Г.] ничего, что напоминало бы хотя бы самую рудиментарную форму государственности» (см.: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 2004. С. 45–46).

славян шли. Как этап на этом пути рассматриваются т.н. «племенные княжения». Этим термином обозначают восточнославянские догосударственные общности, названные во вводной, недатированной части ПВЛ, с того времени, когда в них появляются свои «княжения» (термин летописи). Следующим этапом признается формирование южного и северного протогосударственных объединений: соответственно в Среднем Поднепровье, в земле полян, и на севере Восточной Европы, в землях словен и части кривичей<sup>94</sup>.

Общим для авторов, пишущих об образовании государства на Руси, независимо от позиций, является признание, что славяне жили племенным строем. Оно питается классическим представлением (сформулированным в XIX в. Л. Г. Морганом и в популярной форме изложенным Ф. Энгельсом<sup>95</sup>), что государству в истории того или иного народа предшествует родоплеменное общество – основанное на кровнородственных связях. Таким образом, согласно общепринятому мнению, славянские догосударственные общности являлись «племенами»<sup>96</sup>. Поскольку

94 См.: *Шаскольский И. П.* О начальных этапах формирования Древнерусского государства // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972; *Седов В. В.* У истоков...

95 *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

96 Этот термин применяется так уверенно, что у неспециалиста может сложиться впечатление, что славянские догосударственные общности называются «племенами» в источниках (тем более что слово «племя» – общеславянское и древнее). Но это не так, данное их обозначение появилось только под перьями ученых Нового времени. В раннее Средневековье слово «племя» имело другие значения (см.: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 6. М., 2000. С. 418–419). Тем не менее, историографическая традиция применения к славянским общностям раннего Средневековья этого термина столь устойчива, что порой сбивает с толку даже специалистов. Так, недавно А. П. Толочко всерьез рассуждал о том, что автор ПВЛ из всех терминов, обозначавших в древнерусском языке этнические общности, выбрал слово *племя*, и «последовательно» (!) применял его к общностям восточных славян (см.: *Tolochko O. P.* The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Brepols, 2008. P. 170–172, 179). А ведь для того, чтобы убедиться в обратном, достаточно обратиться к тексту источника: в нем эти группировки не обозначаются ни как «племена» (слово «племя» в ПВЛ встречается, но в отношении других субъектов, главным образом при изложении библейских сюже-

у западных и южных славян прослеживается двухступенчатая структура – небольшие общности со своими самоназваниями составляют более крупные<sup>97</sup> – ко вторым часто применяется термин «союзы племен», а племенами считаются их составные части<sup>98</sup>.

Автор этих строк некоторое время назад постарался обратить внимание на то, что такой взгляд плохо соотносится с определенными чертами этнонимии раннесредневекового славянства. Ход рассуждений сводится вкратце к следующему<sup>99</sup>.

Большинство названий славянских догосударственных общностей, донесенных источниками VII–XII вв., связано с местностью обитания – гидронимом, особенностями ландшафта или дославянским названием местности<sup>100</sup>. При этом большая часть этих «топонимических» названий (около 80%) фиксируется на территории, колонизованной славянами не ранее VI–VII вв., в ходе происходившего в ту эпоху расселения славян на пространствах Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы<sup>101</sup>. А это значит, что перед нами названия, возникшие на новом месте обитания (коль скоро они образованы от местных то-

тов, см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4–5, 7, 12, 20, 93, 96–97, 183, 234), ни через какой-либо иной *terminus technicus*.

- 97 Например, общность ободритов состояла из собственно ободритов, вагров, варнов и полабов. О двухступенчатой структуре славянских раннесредневековых догосударственных общностей см.: *Łowmiański H. Początki Polski*. Т. 4. Warszawa, 1970. S. 33–39.
- 98 В отношении восточных славян допускается, что упомянутые в источниках группировки – это именно «союзы племен», а названия их составных частей («племен») до нас не дошли, за исключением единичных случаев (см.: *Рыбаков Б. А. Киевская Русь...* С. 263–264).
- 99 Подробно см.: *Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты*. М., 1999. С. 160–177 (далее ссылки будут приводиться по 2-му изданию, см.: СПб., 2011. С. 135–154). См. также: *Горский А. А. Русь...* С. 10–14.
- 100 Такие этнонимы составляют около 80% от числа названий, чья этимология определяется (причем это соотношение неизменно по всем регионам расселения славянства, включая восточноевропейский). При этом неверным оказывается распространенное представление, что к топонимам восходят названия с суффиксом *-ян*, а названия с суффиксом *-ич* связаны с личными именами (патронимами). Лишь единицы из названий на «ичи» могут быть возведены к личному имени, в то же время многие из них восходят к особенностям местности (*дреговичи, конавличи, берзичи, струменичи, езеричи, нижичи, ситичи*).
- 101 Это Расселение славян являло собой завершающий этап Великого переселения народов IV–VII вв.

понимов), а не наименования древних племен, переселившихся на новое место. Между тем этноним, самоназвание – важнейший индикатор этнической общности, к которой относится племя в классическом его понимании. Если признать, что в ходе Расселения VI–VII вв. у славян произошла массовая смена этнонимов, то неизбежен вывод, что под новыми именами скрывались не прежние, существовавшие до миграций племена, а новообразования, сложившиеся в ходе Расселения или уже на месте нового обитания из осколков старых племен. То есть надо признать, что в ходе Расселения произошел слом племенной структуры славянского общества. Известные нам славянские догосударственные общности раннего Средневековья, в том числе восточнославянские<sup>102</sup>, суть новообразования. Собственно племена, по-видимому, существовали у славян до начала Расселения. Ранее автор этих строк предлагал использовать для обозначения славянских догосударственных общностей раннего Средневековья термины «племенное княжество» и «союз племенных княжеств». Но такая терминология, во-первых, не очень удобна в употреблении (т.к. требует двух-трех слов), во-вторых, благодаря применению определения «племенное» сохраняет иллюзию, что эти общности носили все же родоплеменной характер. Поэтому представляется целесообразным использовать для обозначения славянских догосударственных образований термин, применявшийся к ним в византийских источниках – «славинии» (Σκλαβηνία, Σκλαβυνία)<sup>103</sup>. Образования, включавшие в себя несколько общностей, имеющих свои самоназвания, можно именовать «союзами славиний».

Хотя в новейшей литературе можно встретить согласие с выводом о разрушении племенной структуры в ходе Расселения сла-

---

102 В Восточноевропейском регионе к «топонимическим» относятся 7 названий из 9, чья этимология ясна (*бужане, дреговичи, древляне, лендзаны, пищаньцы, полочане, поляне*). Кроме этого, скорее всего к местности обитания восходят такие наименования, как *север, уличи и тиверцы*. Не может восходить к эпохе ранее Расселения и принятие общеславянского названия *словене* в качестве наименования группировки, расселившейся на севере Восточной Европы в иноязычном окружении. Неясно время появления лишь таких названий, как *волыняне, вятичи, дулебы, кривичи, радимичи и хорваты*.

103 См. об этом термине: *Литаврин Г. Г.* Славинии VII–IX вв... В основном он употреблялся по отношению к южнославянским общностям – соседям Византии, но Константин Багрянородный именует «славиниями» и восточнославянские объединения, а также славянские общности, соседствовавшие с Франкским государством в IX в. (КБ. С. 44–45, 50–51, 107–109).

вян<sup>104</sup>, термин «племя» продолжает использоваться для обозначения славянских, в том числе восточнославянских, догосударственных общностей. В беседах с коллегами приходится слышать, что это не архаизация, что понятие «племенное» всего лишь синоним «догосударственного». Но такой подход входит в противоречие с достижениями современной этнологии.

В последние полвека на основе изучения общественного устройства народов, сохранивших архаический строй до Нового времени, специалисты по политической антропологии пришли к выводу, что племя не перерастает в государство. Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия. Ее принято обозначать английским словом *chiefdom* (от *chief* – вождь), что обычно переводится на русский язык как «вождество». При этом стадия вождеств подразделяется на несколько этапов: наиболее признано деление вождеств на простые и сложные. Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем существуют старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя. Примечательно, что вождества, по наблюдениям этнологов, возникают не в результате эволюции племен, а как результат объединения нескольких более мелких, чем племя, группировок – общин. Главное отличие сложных вождеств от простых усматривают в том, что первые включают в себя подчиненные простые вождества, а у власти находится правящий клан. Иногда выделяют также стадию сверхсложных вождеств, в которых главенствующей общности подчинены сложные вождества. При переходе от вождества к государству власть на местах переходит от местных знатных родов к наместникам верховного правителя, вместо сбора дани формируется более сложная налоговая система<sup>105</sup>.

Таким образом, с точки зрения современной политической антропологии, вопрос об уровне развития славянских (в т.ч. восточнославянских) догосударственных общностей стоит так: они были племенами или вождествами? И если вождествами, то простыми или сложными?<sup>106</sup>

104 См.: Лукин П. В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // СР. Вып. 4. М., 2004. С. 71–72.

105 См.: Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2004. С. 149–192.

106 Современная терминология при рассмотрении восточнославянских догосударственных общностей применяется Е. А. Мельниковой, Е. А. Шинаковым и А. Ю. Дворниченко (Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в

Выше было отмечено, что анализ славянских этнонимов раннего Средневековья ведет к выводу, что славянские (в том числе восточнославянские) догосударственные общности – «славинии» – складывались путем дробления племен и формирования новообразований на месте нового поселения из их осколков. Такой путь образования – через объединение нескольких единиц, меньших чем племя, – типичен для вождеств. Но наиболее показательным для решения вопроса о характере «славиний» могут стать сведения о славянской знати. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

#### *IV век*

К событиям конца столетия относится сообщение готского историка VI в. Иордана о правителе (*rex*) антов Бозе и его 70 *primates*, захваченных и казненных вместе с ним готским королем Винитарием<sup>107</sup>. Антами именовалось объединение части славян, распавшееся в начале VII века<sup>108</sup>. Поскольку источник отстоит от события почти на два столетия, известие носит легендарный характер. Ясно, что у антов был вождь, а вот что представляли собой его «первые», были они наследственной знатью или дружиной Боза, определить затруднительно.

#### *VI век*

Упоминания о славянской знати этого периода встречаются у ряда византийских авторов.

---

Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995; *Шинаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. 2-е издание – М., 2009; *Дворниченко А. Ю.* О восточнославянском политогенезе VI–IX вв. // *Rossica antiqua*. 2006. Исследования и материалы. СПб., 2006). Они определяют эти образования как вождества; однако при этом восточнославянские группировки рассматриваются вне общеславянского фона. В большинстве же работ продолжает применяться старое понятие «племя» (см., напр.: *Седов В. В.* Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002; *Мельникова Е. А.* «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов Средневековой Европы. СПб., 2010; *Пчелов Е. В.* Рюрик. М., 2010; *Петрухин В. Я.* «Русь и все языки». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011).

107 Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.). М., 1991. С. 114–115.

108 См.: *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 101–133; *Он же.* Восточные славяне... С. 19–28.



Менандр (вторая половина столетия) рассказывает о знатном анте Мезамере, отправленном около 560 г. послом к аварам правителями («архонтами») антов. При этом отмечается, что он являлся сыном Идаризия и братом Келагаста, и был человеком, имевшим «величайшую силу» у антов<sup>109</sup>. Это явно указывает на наличие у антов знати и на наследственный характер ее статуса (черта, свойственная вождеству).

У того же автора в рассказе о посольстве аварского кагана к славянам Дунайского левобережья упоминается славянский предводитель Добрыта и *οἱ ἐν τέλει*<sup>110</sup>, а также *ἡγεμόνες*. Неясно, идет речь об одних и тех же людях или о разных<sup>111</sup>. Во всяком случае очевидно, что Добрыта – главный вождь<sup>112</sup>, и кроме него существуют иные представители знати.

Маврикий (конец VI в.) говорит о наличии у славян и антов многих вождей (*ῥῆγῶν*), которые соперничают друг с другом<sup>113</sup>.

Феофилакт Симокатта (начало VII в.), повествуя о войнах Византии со славянами Левобережья Нижнего Дуная в конце VI столетия, упоминает предводителей славянских войск Ардагаста и Пирагаста. При этом об Ардагасте сказано, что он имел «подвластную страну»<sup>114</sup>, а Пирагаст определен как «филарх войска» и «таксиарх» (военный командир)<sup>115</sup>. Тот же автор упоминает Мусокия, который определен как «рикс» (восходит к латинскому *rex*), т.е. вождь, правитель<sup>116</sup>.

### VII век

В «Чудесах св. Димитрия Солунского» при описании осад македонскими славянами Фессалоники часто встречаются упоминания представителей знати. Среди них Хацон, названный «экзархом», т.е. предводителем

109 Свод... Т. I. С. 316–317 и 328–329, комм. 16. 1.

110 Там же. С. 320–321. Посольство датируется в пределах 60–70-х гг. VI в. (см.: Там же. С. 351). Вероятнее всего – между 568–570 гг. (*Литаврин Г. Г.* Известия Менандра Протиктора об отношениях аваров и славян // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 12–13). Об имени славянского предводителя см.: Свод... Т. I. С. 349–350.

111 См. различные мнения на этот счет: *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах в VI–XII вв. М., 1985. С. 49–50; Свод... Т. I. С. 348–349.

112 Источник не содержит термина, определяющего статус Добрыты.

113 Свод... Т. I. С. 374–375.

114 Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.). М., 1995. С. 20–21; см. также С. 14–15, 18–19, 22–23.

115 Там же. С. 45, 59 (комм. 122, 124).

116 Там же. С. 22–25, 52 (комм. 65).

лем войска<sup>117</sup>, Первуд, определенный как «рикс» славинии ринхинов<sup>118</sup>, а также «рикссы» (во множественном числе) славинии другувитов<sup>119</sup>, нео-пределенные «игемоны» славянских «этносов»<sup>120</sup> и некие *ἐκλεκτῶν* («выдающиеся»), исполнявшие функции послов к императору<sup>121</sup>.

Франкская «Хроника Фредегара», рассказывая о событиях 620–630-х гг. на западном пограничье славянского мира, упоминает правителя крупного объединения Само, а также вождей полабских сербов – Дервана, и славян Карантании – Валлука. При этом Само определен как *rex*<sup>122</sup> (т.е. титулом, равным тому, которым именовался король франков), а для Дервана и Валлука применен термин *dux*<sup>123</sup> (дословно – *вождь*, позднейшее значение – *герцог*). Само, согласно хронике, был не славянином, а франком по происхождению, избранным славянами правителем благодаря своей воинской доблести.

### VIII – начало IX столетия

В византийской «Хронике Феофана» у славян юга Балканского полуострова упоминаются «архонты» славиний северов Славун (764 г.) и велегезитов Акамир (799 г.)<sup>124</sup>.

В Карантании баварский трактат 870 г. «Обращение баваров и карантанцев» называет, рассказывая о событиях середины VIII века, правителя (*dux*) местных славян Борута, наследовавшего ему сына Горзда и племянника Хотимира<sup>125</sup>; таким образом, здесь ясно прослеживается передача власти по наследству в рамках одного рода.

Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (середина X в.) говорит о правящих родах у хорватов и сербов (переселившихся на Балканы, по одной версии, в 620–630-е гг., по другой – в конце VIII в.<sup>126</sup>), из которых происходили их «архонты». И у хорватов и у сербов им отмечается передача власти от отца к сыну<sup>127</sup>. В отношении хор-

117 Там же. С. 132–133, 195 (комм. 99, 100).

118 Там же. С. 144–149, 198 (комм. 131).

119 Там же. С. 156–157.

120 Там же. С. 162–163.

121 Там же. С. 146–147.

122 Там же. С. 366–373.

123 Там же. С. 370–371, 394–395 (комм. 64).

124 Там же. С. 284–285, 288–289.

125 *Wolfram H. Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien.* Wien; Köln, 1979. S. 42–44.

126 См.: КБ. С. 375–376 (комм. 3).

127 КБ. С. 130–133, 136–143.

ватов эти сведения подкрепляют «Анналы королевства франков»: там в начале IX в. упоминаются князь (*dux*) посавских хорватов Людевит, князь (*dux*) далматинских хорватов Борна и его дядя Людемисл<sup>128</sup>.

Франкские анналы в конце VIII – начале IX столетия упоминают правителей полабских славян. Среди них Вышан, *rex* ободритов, и его преемник Дражко, затем сын последнего Чедраг; правители (*rex*) вильцев (лютичей) Драговит, затем борющиеся за власть представители его рода Люб, Челодраг, Милигость, Славомир<sup>129</sup>. Неоднократно упоминается также у ободритов, вильцев и сорбов и некая нетитулованная знать (*primores, meliores ac praestantiores*)<sup>130</sup>.

Данные о знати у восточных славян до прихода варяжских князей и утверждения их непосредственной власти на тех или иных территориях содержатся в древнерусском Начальном летописании.

ПВЛ во вводной, недатированной части, после рассказа о возникновении Киева отмечает, что по смерти Кия и его братьев, основателей города, у полян стал княжить их род: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ». Далее говорится, что такие княжения были и у ряда других общностей: «а в деревьяхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане»<sup>131</sup>. По прямому смыслу, речь идет о правлении в этих группировках своих княжеских родов<sup>132</sup>. В рассказах Начального свода и ПВЛ об убийстве древлянами Игоря и последующей мести Ольги (945) упоминаются «князь деревский» Мал, другие древлянские «князи», которые «расплодили» (в ПВЛ – «распасли») Древлянскую землю, а также «лучшие» и «нарочитые» «мужи», отправляемые в посольство в Киев<sup>133</sup>. В «Поуче-

128 ARF. A. 819, 821–822. S. 116, 118, 120, 122, 124, 128, 132.

129 Свод... Т. 2. С. 447, 449–451, 454, 467–468; ARF. A. 809, 817, 818, 819, 823. S. 92, 112, 114, 116, 118, 132.

130 ARF. A. 819, 823, 826. S. 106, 116, 132, 144.

131 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10.

132 Подозревать летописца в вымысле нет оснований, так как он исходил из монополии на власть Рюриковичей, и упоминание других княжеских династий с этой тенденцией расходилось. Примечательно, что автор ПВЛ и его предшественник – составитель Начального свода – отказывают в княжеском достоинстве Аскольду и Диру, предшественникам Олега и Игоря на киевском княжении (Там же. Стб. 23; НПЛ. С. 107), но за предшественниками Аскольда и Дира это достоинство автором ПВЛ признается. Разумеется, Кий и его братья – фигуры легендарные, но показательное, что устная традиция донесла представление о древности самого института княжеской власти.

133 НПЛ. С. 110–112; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–57. Здесь вымысел абсолютно исключен, так как речь идет уже об «исторической» эпохе; сведения об

нии» Владимира Мономаха упомянуты предводители вятичей (еще не до конца покоренных во второй половине XI в.) – Ходота и его сын<sup>134</sup>.

Итак, у славян, соприкасавшихся с Византийской империей и заселивших Балканский полуостров, вожди и знатные роды фиксируются с VI в., у славян, соприкасавшихся с Франкским государством – с VII-го. В VIII – начале IX в. у тех и других несомненно существовала практика передачи власти по наследству. Нет оснований сомневаться, что у восточных славян вожди-князья<sup>135</sup> также существовали до появления князей варяжских. Другие категории знати упоминаются только в отношении древлян середины X в., но относятся к обществу, еще не подчиненному власти Киева непосредственно, т.е. своим происхождением явно связаны с «доваряжской» эпохой. Возможно, что по уровню развития знати восточные славяне несколько отставали от славян, непосредственно соседствовавших с Византией и Франкским государством, но такое отставание вряд ли было значительным (не на три века явно)<sup>136</sup>. В пользу

---

Ольге и древлянах представляют собой обработанные летописцем дружинные предания.

134 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248.

135 Наиболее раннее упоминание термина «князь», а не его греко- и латиноязычных аналогов – у арабоязычного автора Ибн Хордадбега (середина или вторая половина IX в.): «Владыка славян называется княз» (см.: *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Т. VI. Lugdini Batavorum, 1889. P. 16–17; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 3. Восточные источники. М., 2009. С. 25; чтение «кназ» – конъектура, но признанная).

136 Это отставание могло отчасти нивелироваться благодаря притокам в Восточную Европу в VIII–IX вв. славянского населения из придунайских областей, прослеживающегося по материалам археологии (см.: *Седов В. В.* Славяне... С. 531–551; *Щеглова О. А.* Волны распределения вещей из Подунавья на Северо-Восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурного влияния // *Сложение русской государственности...*). Отсутствие археологических признаков существования знати (богатых погребений) у восточных славян в «доваряжский период», на что иногда обращается внимание (см.: *Мельникова Е. А.* Образование Древнерусского государства: состояние проблемы // ВЕДС. М., 2011. С. 192), характерно и для ряда других регионов славянства и поэтому не может служить основанием для суждений о времени ее появления. Кроме Руси, богатые захоронения распространены в Моравии и Хорватии (и только с рубежа VIII–IX вв.) – в регионах, где славяне контактировали с аварами. В то же время в Польше известен ряд захоронений дружинников X–XI в., но погребенные в них имеют скандинавское происхождение (см.: *Nadolski A., Abramowicz A., Pokiewski T.* *Cmentarstwo z XI w. w Lutomiersku*. Lodz, 1959; *Яжджевский К.* Элементы древнерусской культуры в Центральной Польше // *Древняя Русь и славяне*. М., 1978; *Kara M.*

близости уровня политического развития славян Восточной Европы со славянами других регионов говорит их этнонимия. Почти все этнонимы восточных славян<sup>137</sup> имеют суффиксы (в то время как названия древних славянских племен были, скорее всего, бессуффиксными<sup>138</sup>), совпадает с другими регионами и соотношение типов названий<sup>139</sup>.

Таким образом, «славинии» раннего Средневековья имеют явные признаки вожеств, а не племен<sup>140</sup>. Архаизация общественного строя славян этой эпохи, к которой неизбежно ведет применение к ним понятия «племя»<sup>141</sup>, ошибочна<sup>142</sup>. Но на какой стадии находились славянские вожества («славинии») – простых вожеств или сложных? (Напомним,

Siły zbrojne Mieszka I. Z badań nad składem etnicznym organizacją i dyslokacją drużyny pierwszych Piastów // Kronika wielkopolski. Poznań, 1992. № 3). Поскольку не вызывает сомнений, что знать местного происхождения в Польше была, остается признать, что появление в славянских землях богатых захоронений с оружием было связано с иноземным влиянием – германцев (для Руси – норманнов) или кочевников (для тех и других были свойственны богатство инвентаря и помещение в могилы оружия).

137 Значительная часть их (бужане, волыняне, древляне, дреговичи, кривичи, лендяне, север, уличи) упоминается не только в «Повести временных лет», но и в иностранных источниках IX и X столетий – «Баварском географе» и «Об управлении империей» Константина Багрянородного (см.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 13–16; КБ. С. 44–45, 50–51, 156–157).

138 См.: Горский А. А. Русь... С. 13.

139 К типу «названия по местности обитания» у восточных славян относятся 77,8% наименований, у славян в целом – 78,6% (см.: Буданова В. И., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов... С. 137–146).

140 Отметим, что слово «княжение», которым автор ПВЛ обозначил этап в развитии организации «славиний» Восточной Европы, есть точный древнерусский эквивалент англ. *chiefdom* – «вожество». То есть древнерусский книжник определил устройство восточнославянских догосударственных общностей тем же словом, что вошло в обиход современных этнологов, только восемью с половиной веками раньше...

141 Использование термина «союз племен» затемняет дело еще более, т.к. подразумевает, что общности складывались путем объединения нескольких племен. Между тем вожества, как говорилось выше, формируются через объединение более мелких, чем племя, единиц; и у славян в эпоху Расселения прослеживается складывание общностей как раз из небольших группировок – осколков прежних племен.

142 При учете достижений современной политической антропологии применение понятия «племенной строй» к раннесредневековым славянам неизбежно ведет к выводу о привнесении к ним государственности извне, поскольку, как говорилось выше, племена в государства не перерастают.

сложные вождества отличаются от простых наличием правящего рода и включением в свой состав нескольких простых вождеств).

У южных славян в VII в. просматриваются односоставные вождества. Сведения «Чудес св. Димитрия» говорят только о временных объединениях славиний Македонии – на время войн с Византией<sup>143</sup>. Лишь для упомянутого в Хронике Феофана при описании событий конца VII столетия объединения «семь родов» во Фракии<sup>144</sup> можно предположить, что это был союз нескольких вождеств. Неясно, было односоставным или многосоставным объединение карантанцев (хорутан) в VII–VIII вв. Что касается хорватов, то у них в начале IX в. прослеживается иерархия общностей: в качестве одной из составных частей хорватов выступают гачане со своим князем Борной<sup>145</sup>. Славиния сербов в IX столетии, согласно Константину Багрянородному, имела сложную структуру: помимо сербов в узком смысле, в нее входили захлумы, неретвляне (паганы), травуняне, дукляне и конавличичи, имевшие своих правителей (с титулом «жупан») <sup>146</sup>. У хорватов, сербов и карантанцев как минимум с VIII в. фиксируется передача княжеской власти по наследству в пределах одного рода<sup>147</sup>.

Что касается сведений о западных славянах, то в VII в. фиксируются общность сорбов, характер которой (одно- или многосоставная) неясен, и княжество (*regnum*) Само. Последнее явно включало в себя зависимые вождества – тех же сорбов с князем Дерваном и (возможно) карантанцев с князем Валлуком<sup>148</sup>. В конце VIII – начале IX в. у ободритов и вильцев несомненно существовала сложная структура: в состав первых помимо собственно ободритов входили вагры, варны и полабы, в состав вторых – ратары, черзпеняне, хижане и доленчане<sup>149</sup>. При этом в полабском регионе существовали и односоставные образования – далеминцы, гаволяне, руяне и ряд других; возможно, односоставными оставались и сорбы. Наличие правящих, княжеских родов у ободритов и вильцев в конце VIII – начале IX в. несомненно<sup>150</sup>.

143 Свод... Т. 2. С. 124–124, 144–167.

144 Там же. С. 278–279.

145 ARF. A. 819. S. 120.

146 КБ. С. 112–115, 140–153.

147 См. выше сн. 125, 127.

148 См. выше сн. 122, 123, а также: Свод... Т. 2. С. 377–379 (комм. 5).

149 См.: Санчук Г. Э. Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С. 201, 206.

150 См. выше, сн. 129.

Для восточных славян мы имеем упоминание древлянских князей во множественном числе в речи древлянских послов к Ольге: «Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твои аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю»<sup>151</sup>. Возможны две версии относительно этих «князей»: 1) подчиненные Малу правители входивших в союз древлян мелких «славиний»; 2) предки Мала – прежние древлянские князья. Но при любой трактовке перед нами признак сложного вожества: при первой – включение в состав простых вожеств, при второй – наследственная власть рода. О наличии таковой говорит и известие о правлении рода Кия у полян. Для некоторых восточнославянских группировок есть данные о многосоставной структуре. Так, полочане, имевшие, по ПВЛ, свое княжение, подобное полянскому (т.е., надо полагать, наследственное), являлись подвинской частью кривичей; у другой части кривичей главным центром был Смоленск на Верхнем Днепре<sup>152</sup>. Под 984 г. упоминаются военные действия Владимира Святославича против радимичей, но не всех, а «пищаньцев» – обитавших по р. Пищане; по-видимому, это была составная часть союза радимичей<sup>153</sup>. На Юго-Западе восточнославянской территории прослеживается смена этнонимов. В эпоху аварского нашествия (т.е. в VI в.), согласно ПВЛ, там проживали дулебы<sup>154</sup>. Баварский географ (третья четверть IX в.) фиксирует в этом регионе два названия, известных также и ПВЛ – бужане и волыняне<sup>155</sup>. Константин Багрянородный (середина X в.) упоминает здесь лендзян<sup>156</sup>. Наконец, ПВЛ называет в качестве обитателей района Западного Буга бужан, с ремаркой – «послѣ же вельняне»<sup>157</sup>. Поскольку значительных миграций на данной территории в IX–X вв. по археологическим данным не прослеживается, можно полагать, что источники отразили борьбу славиний бужан, лендзян и волынян за главенство в союзе.

Итак, у южных славян просматривается эволюция от простых вожеств в VII столетии к сложным, превалирующим с VIII в. У за-

151 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 56.

152 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 6, 10–11, 20; Горский А. А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995.

153 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 83–84; Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 264.

154 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11–12.

155 Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 54–55.

156 КБ. С. 44–45, 156–157. Они локализируются именно на Волини, а не в Польше, как часто полагают, т.к. Константин упоминает о соседстве лендзян с уличами, древлянами и печенегами (см.: КБ. С. 390, комм. 55).

157 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11. Аналогично говорится о дулебах: «живяху по Бугу, гдѣ ныне вельняне» (Там же. Стб. 12–13).

падных славян в VII в. тенденция к созданию сложного вожества – княжества Само, по-видимому, прервалась, но как минимум с конца VIII в. сложные вожества явно преобладали. Данные по восточнославянским общностям также свидетельствуют в пользу преобладания у них признаков сложных вожеств. Возможно, они формировались несколько позже, чем у славян южных и тех западных, что соседствовали с Франкским государством, но для IX столетия о сложных вожествах у славян Восточной Европы можно говорить с уверенностью, ибо летописная картина расселения восточнославянских группировок, одним из элементов которой является сообщение о формировании у них наследственных «княжений», относится к периоду до появления варяжских князей, т.е. не позднее середины IX в.

Складывание государств у славян происходило двумя основными путями.

1) Подчинение одним союзом «славиний» (сложным вожеством) других союзов или отдельных «славиний». По этому типу шло складывание государства в IX в. в Великой Моравии<sup>158</sup> и в конце IX–X вв. – в Польше<sup>159</sup> и Чехии<sup>160</sup>.

2) Формирование государства в рамках одного союза «славиний» (сложного вожества). Этот путь характерен для Северо-Запада Балканского полуострова (Сербия IX–XI вв.<sup>161</sup>, Хорватия IX–XI вв.<sup>162</sup>), Карантании (VIII в.)<sup>163</sup> и ободритов X–XI вв.)<sup>164</sup>.

158 См.: *Ратков П.* Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 81–89.

159 См.: *Lowmiański H.* Początki Polski. Т. 4. S. 445–493, 515–532; Т. 5. Warszawa, 1973. S. 310–504.

160 См.: *Lowmiański H.* Początki Polski. Т. 4. S. 394–444; *Třeštík D.* Pocátky Přemyslovců. Praha, 1981; *Флоря Б. Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

161 См.: *Наунов Е. П.* Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах: VI–XII вв. М., 1985.

162 См.: *Акимова О. А.* Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах...

163 См.: *Kos M.* L'Etat slovène en Carantanie // L'Europe aux IX<sup>e</sup>–XI<sup>e</sup> siècles. Aux origins des états nationaux. Varsoviae, 1968; *Lowmiański H.* Początki Polski. Т. 4. S. 230–263; *Grafenauer B.* Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1978. Zv. 1. S. 347–459.

164 См.: *Lowmiański H.* Początki Polski. Т. 5. S. 280–290, 296–303.



Насколько сходны эти процессы с тем, что просматривается у восточных славян до прихода варяжских князей?

Согласно Начальному летописанию, наиболее развитыми были два региона. Во-первых, земля полян с центром в Киеве<sup>165</sup>. Во-вторых, северная область, где словене, кривичи и финноязычная общность создали объединение, которое и пригласило на княжение Рюрика<sup>166</sup>. Последний факт напоминает переход от сложного вожества к сверхсложному, включающему несколько сложных. Но состав объединения остается неясным. Существует мнение, что речь идет вовсе о жителях трех разноэтничных поселков на территории будущего Новгорода<sup>167</sup>. Если это так, то никакого сверхсложного вожества здесь усмотреть нельзя. Но даже если речь идет обо всех словенах (что вероятнее), остается непонятным, кто другие участники объединения? Кривичи – то ли это все носители данного этнонима (то есть жители огромной территории, занимавшей верховья Западной Двины, Волги и Днепра), то ли только псковская часть кривичей (заметим, что само по себе существование «псковских кривичей» под вопросом<sup>168</sup>), то ли кривичская группировка на территории словен<sup>169</sup>. Не больше ясности с финноязычной общностью – участником объединения. По Начальному своду это меря, т.е. обитатели Верхнего Поволжья<sup>170</sup>. По ПВЛ – чудь<sup>171</sup>. Чудью могли именоваться разные финноязычные народы. И опять-таки неясно, то ли имеются в виду предки эстонцев, то ли финноязычная группировка с территории будущей Новгородской земли. Неясен и характер объединения – то ли это равноправный союз, то ли иерархичный во главе со словенами, у которых после призвания садится главный князь – Рюрик.

Тем не менее при всех неясностях нет оснований сомневаться в наличии двух центров возможного государствообразования. А это сходно с тем, что наблюдается у других славян. Для процессов фор-

165 НПЛ. С. 104–106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 9–10, 16–17, 20–21.

166 НПЛ. С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19–20.

167 Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // ИСССР. 1971. № 2.

168 См.: Горский А. А. Русь... С. 31–32.

169 Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнополитические процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л., 1986. С. 7–23.

170 НПЛ. С. 106.

171 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19. Чудь названа и в НПЛ, но ее упоминание там выглядит дополнением к основной «триаде»: словене, кривичи, меря.

мирования многих славянских государств свойственно наличие двух центров: княжеств Борны и Людевита в Хорватии (начало IX в.)<sup>172</sup>, Моймира и Прибины в Моравии (первая треть IX в.)<sup>173</sup>, чехов и лучан в Чехии (конец IX в.)<sup>174</sup>, вислян и гнезненских полян в Польше (вторая половина IX – середина X в.)<sup>175</sup>. Вполне вероятно, что землями полян и словен потенциальные центры государствообразования на восточнославянской территории не исчерпывались. Ряд археологов предполагает, что высокого уровня достигли в IX–X вв. прикарпатские хорваты<sup>176</sup> и северяне<sup>177</sup>. За отсутствием письменных данных делать здесь однозначные выводы сложно. Но вот летописный рассказ о восстании древлян 945 г. наводит на вполне определенные суждения. Древлянский князь Мал-после гибели Игоря предлагает себя в мужа его вдове Ольге<sup>178</sup>, т.е. рассчитывает встать во главе Руси – всей той масштабной политической системы, состояние которой в 940-е гг. описано выше<sup>179</sup>. Это значит, что древлянская знать мыслила свое общество в той же «системе координат», что русское, не считала киевских князей силой, от которой лучше попробовать отгородиться.

\* \* \*

Таким образом, на восточнославянской территории в эпоху, предшествующую появлению варяжских князей, имело место динамичное развитие. С современной научной точки зрения, восточнославянские догосударственные общности были «вождествами»; исходя из тогдашней терминологии, принятой в наиболее развитом государстве раннесредневековой Европы, Византийской империи – «славиниями». Как и у других славян, происходил переход от простых вождеств к сложным и

172 См.: Акимова О. А. Формирование... С. 223–225.

173 См.: Раткош П. Великая Моравия... С. 81–82.

174 См.: Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности... С. 100–105.

175 См.: Исаевич Я. Д. Древнепольская народность и ее этническое самосознание // Развитие этнического самосознания славянских народов... С. 147–153.

176 Тимощук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 165–175.

177 Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000; Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 118–132.

178 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55–56.

179 Речь идет именно о главенстве Мала, потому что наследнику Игоря – Святославу – древлянами отводится незавидная участь: «створимь ему, яко же хоцемь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 43).

намечалось дальнейшее движение – к государству. Но правильное сказать – к *государствам*. В Великой Моравии, Польше, Чехии объединение «славиний» произошло под властью местных, славянских князей. У славян восточных потенциальные центры государствообразования были разбросаны на огромной территории. Признаков стремления к их объединению под единой властью до прихода варяжских князей нет. Часть «славиний» – поляне, север, радимичи, вятичи – оказались данниками Хазарского каганата<sup>180</sup>. Век же спустя после появления варяжских князей, в 940-е гг. и позднее, на восточнославянской территории черты сверхсложного вожества переплетаются с чертами раннего государства, причем речь идет об *одном* государственном образовании. Центру подчинены союзы «славиний» – сложные вожества, сохраняющие свою «автономию», а в территориальном ядре уже имеет место управление с помощью наместников (Новгород, где при Игоре сидел Святослав, вероятно Смоленск, Чернигов, Любеч и Вышгород), что свойственно государству. Ольга упорядочивает сбор податей на непосредственно подвластной Киеву территории. Святослав распространяет наместничество на землю древлян. Наконец Владимир переходит к управлению через наместников на всей восточнославянской территории, что знаменовало окончательный переход к государству. Его составными частями стали *волости* – территориальные единицы, управлявшиеся представителями русского княжеского рода<sup>181</sup>.

Итак: до появления варяжских князей у восточных славян шел процесс развития от простых вожеств, сложившихся в результате Расселения, к сложным и на их основе к государствам (во множественном числе!). При варяжских князьях происходит переход к сверхсложному вожеству и одновременно к *одному*, объединившему всех восточных славян и некоторые финноязычные народы крупному государству<sup>182</sup>.

180 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17, 19; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. С. 203–204 (письмо правителя Хазарии Иосифа Хасдау ибн Шафруту).

181 См.: Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 11–18.

182 Формирование у восточных славян одного государства в историографии всегда воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Между тем факт этот уникален: ведь и у западных, и у южных славян образовалось по несколько государств, хотя и те и другие занимали меньшую территорию, чем славяне восточные. Предполагать задним числом какую-то природно-географическую предопределенность формирования на Восточноевропейской равнине одного славянского государства оснований нет, поскольку позже, в XII столетии, здесь появилось (и несколько веков просуществовало) более десятка государственных образований.

## Первые известия о Руси: проблемы ее локализации и происхождения

Первое известие, упоминающее *русь*, содержится во франкских Бертинских анналах под 839 г. Здесь рассказывается, как к франкскому императору Людовику Благочестивому явились послы от византийского императора Феофила и с ними послы от народа «рос» (Rhos), ранее пришедшие в Византию: «он [Феофил. – А. Г.] прислал еще неких [людей], утверждавших, что они, то есть народ (gens) их, называются рос и что король их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он [Феофил. – А. Г.] просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цель] их прибытия, император узнал, что они из народа свеев (sueones), и сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет. Об этом он не замедлил сообщить Феофилу через упомянутых его послов, а также через [собственное] послание, равно как и о том, что из любви к нему принял их ласково и что, если они окажутся достойными доверия, он отпустит их, предоставив возможность безопасного возвращения на родину и помощь; если же нет, то с нашими послами отправит их пред его очи, дабы тот сам решил, как с ними следует поступить»<sup>183</sup>.

Из рассказа Бертинских анналов ясно, что правитель руси носил титул «хакан»/«каган», а его послы имели скандинавское (шведское) происхождение. Неясным остается, где располагалась эта русь во главе с каганом. Данные источника позволяют лишь утверждать, что не в Причерноморье, так как в подобном случае никакие варварские народы не смогли бы воспрепятствовать возвращению послов на родину.

Житие Георгия Амастридского (написанное ранее 842 г.) упоминает о нападении руси (Ῥῶς) на Амастриду, расположенную на малоазийском побережье Черного моря<sup>184</sup>. Откуда пришли нападавшие, остается неизвестным.

183 *Annales Bertiniani. Hannoverae*, 1883. P. 19–20; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4: Западноевропейские источники. М., 2010. С. 19–21 (перевод А. В. Назаренко).

184 *Бибиков М. В. Byzantinorossica...* Т. 2. С. 135–137.

Комплекс известий о походе руси на Константинополь 860 г.<sup>185</sup> также оставляет много загадок. Исходная точка нападения – предмет спора. Согласно ПВЛ, поход совершили Аскольд и Дир из Киева, но это – явный домысел, поскольку сам рассказ о походе полностью взят из византийских источников<sup>186</sup>. Существует мнение, что поход начался из Поволховья<sup>187</sup>. Но, как неоднократно указывалось в литературе, это было невозможно физически. Русское войско оказалось у стен Константинополя 18 июня<sup>188</sup>; с севера Восточной Европы к этому сроку доплыть до берегов Босфора после вскрытия рек ото льда было нереально<sup>189</sup>. С другой стороны, поход не мог начаться из Северного Причерноморья, т.к. патриарх Фотий в своем послании упоминает, что напавшие «отделены» от Византии «судоходными реками и морями без пристаней»<sup>190</sup>. Следовательно, «росы» обитали не на азово-черноморском побережье, им пришлось преодолевать сначала реки и только затем море. Таким образом, сведения о походе 860 г. указывают, скорее всего, на пребывание руси севернее Причерноморья, но при этом не слишком далеко к северу.

К третьей четверти IX столетия относится, вероятнее всего, упоминание руси в т.н. Баварском географе<sup>191</sup>. Здесь русь (*Ruzzi*) названа между хазарами (*Caziri*) и некими *Forsderen liudi* (одна из интерпретаций – древяне, т.е. этноним признается немецкой калькой этого названия – «лесные люди»<sup>192</sup>). Локализациям упомянутых в Баварском географе народов посвящено несколько работ, и выводы авторов по тем или иным этнонимам существенно разнятся<sup>193</sup>. Тем не менее соседство с хазарами указывает

185 Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // ДГ. 2000 год. М., 2003.

186 Начальный свод, в отличие от ПВЛ, не называет имен предводителей нападавших и помещает рассказ о походе ранее известия о появлении в Киеве Аскольда и Дира (НПЛ. С. 105).

187 Франклин С., Шенард Дж. Начало Руси... С. 81–90; Zuckerman С. Deux étapes de la formation de l'ancien état Russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000. P. 106–113.

188 Кузенков П. В. Поход 860 г... С. 155–156 (т.н. Брюссельская Хроника).

189 Там же. С. 82–83.

190 Там же. С. 35.

191 См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 51–70.

192 См.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... С. 43 (здесь же о слабостях такой интерпретации).

193 См.: Lowmianski H. O identyfikacji nazw Geografa Bawarskiego // Studia Zrodloznawcze. Poznan, 1958. T. 3; Novy R. Die Anfänge des böhmischen Staates. Praha, 1968. T. 1. S. 142–144; Pilař D. Dilo neznámého bavorského

скорее на юг, чем на север Восточной Европы. Источник, скорее всего, не знает народов, живших севернее параллели Южной Балтики: так, в нем не упомянуты славяне лесной зоны Восточной Европы<sup>194</sup>.

Из сведений арабских источников наиболее ранними считаются упоминания «ар-рус» у Ибн Хордадбега, хотя неясно, относятся ли они к середине IX в. или к 880-м гг. Ибн Хордадбег пишет о купцах-«русах», которые являются «видом ас-сакалиба»<sup>195</sup>. «Сакалиба» – традиционное арабское обозначение славян<sup>196</sup>. Другой блок сведений, представленных у Ибн Русте и Гардизи, восходит к источнику второй половины IX в. Упоминаемых здесь «русов» возглавляет правитель с титулом «хакан». «Русы» собирают дань со славян. Живут они на острове<sup>197</sup>.

Известия синхронных зарубежных памятников, таким образом, дают некоторые основания связать этнополитическое образование под названием Русь скорее с югом, чем с севером Восточной Европы, но при этом с территорией севернее причерноморской зоны. Во главе его стоял правитель с титулом *каган*. Есть данные о присутствии среди руси норманнов.

Как эти данные соотносятся со сведениями русских источников? В Начальном летописании при описании событий середины IX столетия обозначены два политических центра: на юге, в земле полян, – Киев, – и на севере, в земле словен, – Новгород. В обоих имело место вокняжение варяжских предводителей: в Киеве (где ранее княжили Кий и его род) – Аскольда и Дира, в Новгороде – Рюрика. В этом отношении имеется определенное сходство с данными иностранных памятников: Бертинские анналы говорят о присутствии в окружении правителя руси норманнов-свеонов. Кроме того, в письме франкского

---

geografa // *Historická geografie*. Praha, 1975. Т. 12; *Херрманн И. Ruzzi, Forsderer liudi, Fresiti*: К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // *Древности славян и Руси*. М., 1988; *Горский А. А.* Баварский географ...

194 См.: *Горский А. А.* Баварский географ... Упоминание в источнике *Vuizunbeire*, обычно отождествляемых с велью, обитавшей в районе Белоозера и Приладжья, может быть скорее связано с балтскими племенами Юго-Восточной Прибалтики (см.: там же. С. 277–278).

195 *Новосельцев А. П.* Восточные источники... С. 382–384.

196 См.: *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.

197 *Новосельцев А. П.* Восточные источники... С. 387–390. Указание на островное положение «русов» породило множество версий о расположении их острова, ни одна из которых не может быть признана достоверной (см.: *Коновалова И. Г.* Состав рассказа об «Острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // ДГ. 1999 год. М., 2001).

императора Людовика II императору Византии Василию I 871 г. упоминается «каган норманнов»<sup>198</sup>; русь там прямо не названа, но, вероятнее всего, речь идет о ее правителе<sup>199</sup>; по Начальному летописанию, в это время (по ПВЛ – с 862 г.) и в Киеве, и в Новгороде сидели князья варяжского происхождения.

Серьезным расхождением является титулатура правителя Руси. В русских источниках титул «каган» по отношению к нему встречается, но только в XI в. Так именуются в памятниках середины этого столетия («Слове о Законе и Благодати» и «Исповедании веры») Илариона) Владимир Святославич и Ярослав Владимирович<sup>200</sup>. Позже в граффито из киевского Софийского собора каганом титулован еще один русский князь, вероятнее всего – Святослав Ярославич (ум. 1076 г.)<sup>201</sup>. Наконец, в «Слове о полку Игореве» каганом назван один из сыновей Святослава Ярославича: по традиционному мнению, это Олег Святославич, но не исключено, что имеется в виду его брат Роман<sup>202</sup>. Олег и Роман не были киевскими князьями, но и тот, и другой владели Тмутороканским княжеством, располагавшимся на части бывшей хазарской территории и включавшим в себя хазарское население. Поэтому употребление в «Слове о полку Игореве» термина *каган* справедливо связывается с владычеством князя, им названного, над хазарами, чей правитель прежде именовался этим титулом<sup>203</sup>. Возможно, и само вторичное появление титула «каган» на Руси было вызвано к жизни появлением русских владений на бывшей хазарской территории: Тмутороканское княжество появляется именно при Владимире, по отношению к которому впервые после IX в. фиксируется данный титул; Ярослав после смерти в 1036 г. своего брата Мстислава, князя черниговского и тмутороканского, тоже владел Тмутороканью; Святослав Ярославич также был сюзереном Тмутороканского княжества – там сидели его

198 Chronicon Salernitanum. Stockholm, 1956. P. 111.

199 Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 290.

200 Молдован А. М. «Слово о законе и Благодати» Илариона. М., 1984. С. 78, 91–92, 99; Розов Н. Н. Синодальный список сочинений Иллариона – русского писателя XI в. // Slavica. 1963. Roc. 32. Ses. 2. S. 75.

201 Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1991. С. 49–52.

202 См.: Слово о полку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля внука Ольгова. М., 2002. С. 98, 165–166.

203 Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 20. М., 1964. С. 377–378.

сыновья (в период киевского княжения Святослава – по-видимому, Роман)<sup>204</sup>.

Таким образом, прямой линии от именованний отдельных русских князей каганами в XI столетии к аналогичному титулу правителя Руси IX века не просматривается<sup>205</sup>. Для заимствования восточного по происхождению титула было два возможных источника – хазары или авары, чьи правители именовались каганами. Традиционно более вероятным считается заимствование от хазар. Хазарский каганат был непосредственным соседом части восточных славян, источники сохранили данные о зависимости от хазар ряда «славиний» (полян, северян, радимичей, вятичей)<sup>206</sup>. В то же время Аварский каганат располагался на Среднем Дунае и в начале IX в. был разгромлен франками в союзе с придунайскими славянами. Между тем обращает на себя внимание, что, как говорилось выше, судя по письму Людовика II Василию I, титул кагана за правителем Руси признавался Византией. Это примечательно, если учитывать высокий статус этого титула, у тюрко-монгольских народов являющегося аналогом императорскому. Самозванное принятие титула кагана каким-нибудь предводителем викингов еще можно допустить (хотя это был бы факт беспрецедентный – ведь никому из их вождей на Западе не пришло в голову назваться «императором»), но признание этого константинопольским двором, бдительным по отношению к такого рода вещам (достаточно вспомнить, как болезненно реагировала Византия на провозглашение императором Карла Великого – а ведь он завоевал до этого пол-Европы и был коронован в Риме папой), нереально. Поэтому представляется не лишним вероятности предположение, что первым «каганом Руси» был родственник хазарского кагана, бежавший из Хазарии в результате происходившей там в начале IX в. междоусобицы<sup>207</sup>. В то же время не исключено появление в Восточной

204 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152–153, 190.

205 Заметим, что если в 871 г., судя по письму Людовика Василию, в Византии признавали титул кагана за правителем Руси, то в X столетии византийская императорская канцелярия считала каганом только правителя Хазарии (см.: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 41).

206 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16–17, 19; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. С. 203–204.

207 *Pritsak O.* The Origins of Rus. Vol. 1. Cambridge (Mass.), 1981. P. 171–173 (другое дело, что автор «отправляет» этого «русского кагана» на Верхнюю Волгу); о междоусобной войне в Хазарском каганате см.: *Артамонов М. А.* История хазар. СПб., 2002. С. 328–333.



Европе, тоже в начале IX в., и представителя аварского правящего рода. Именно в это время прослеживается по данным археологии появление здесь, в разных регионах расселения восточного славянства, переселенцев со Среднего Дуная, и эта инфильтрация связывается как раз с гибелью Аварского каганата и давлением на придунайских славян со стороны Франкской империи<sup>208</sup>.

Итак, налицо как различия древнейших иностранных известий о Руси с повествованием Начального летописания, так и сходства. Сходство в первую очередь касается норманнов: и русские и зарубежные источники указывают на приход их предводителей к власти в общности под названием Русь<sup>209</sup>.

В тексте ПВЛ варяги, пришедшие с Рюриком, определены как *русь*. Исследователи долгое время полностью доверяли этому сообщению. Однако в 1879 г. А.А.Потебня обратил внимание, что отождествление варягов с Русью выглядит вставкой<sup>210</sup>. Эту точку зрения развил А. А. Шахматов<sup>211</sup> на основе текстологического анализа летописей. В НПЛ, т.е. тексте Начального свода, предшествовавшем, как установил Шахматов, ПВЛ, данного отождествления нет.

#### *Начальный свод (Новгородская первая летопись):*

«Во времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии словени, и кривици и меря: словенѣ свою волость имѣли, а кривици свою, а мере свою; кождо своимъ родомъ владыше; а чюдь своимъ родом; и дань даяху варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици; а

208 См.: *Седов В. В.* Славяне... С. 331–351.

209 Сторонники исключительно северного расположения Руси в IX столетии обращают внимание на отсутствие следов присутствия скандинавов на юге Восточной Европы до начала X в. Но, во-первых, за этим стоит убеждение, что ранняя *русь* – это варяги и только они. Во-вторых, представление, что возможности пополнения археологических свидетельств исчерпаны. Тем не менее была сделана попытка объяснить указанное противоречие. По мнению А. В. Назаренко, ранняя *русь* была варягами, но быстро целенаправленно ославянившимися и поэтому не оставившими археологических следов (см.: *Назаренко А. В.* Две Руси IX века // Родина. 2002. № 11–12). При такой трактовке остается необъясненным, почему «ранние» варяги сразу теряли свои этнические черты, а позднейшие сохраняли их в течение длительного времени.

210 *Потебня А. А.* Этимологические заметки. Начальные сочетания лы-, ры-, лу-, ру- = основным +ал, +ар // Русский филологический вестник. Варшава, 1879. № 1. С. 90.

211 См.: *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 298–300, 339–340.

иже бяху у них, то ти насилье дѣяху ловеномъ, кривичемъ и мерямъ и чюди. И вѣсташа словенѣ, и кривици, и меря, и чюдъ на варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами себе и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в них правды. И рѣша к себѣ: „князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву“. Идоша за море к варягомъ и ркоша: „земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да пойдѣте к намъ княжить и владѣть нами“. Избращася три брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другии сѣде на Бѣлѣозерѣ, Синеусъ; а третей в Изборьскѣ, имя ему Труворъ. И от тѣх варягъ, находник тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжъска»<sup>212</sup>.

*«Повесть временных лет» (по Ипатьевской летописи):*

«Имаху дань варязи, приходяще изъ заморья, на чюди, и на словѣнехъ, и на меряхъ, и на всѣхъ кривичахъ. И а козаре имахуть на полянхъ, и на сѣверехъ, и на вятичихъ, имажу по бѣлѣи вѣверици тако от дыма... И изгнаша варягы за море, и не даша им дани. И почаша сами в собѣ володети, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста род на род, и быша усобицѣ в них, и воевати сами на ся почаша. И ркоша [*в Лаврентьевской (далее – Лавр) – реша сами в себѣ*]: „поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду, по праву“ [*в Лавр – „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“*]. Идоша за море к варягомъ, к руси; сице бо [*в Лавр добавлено ся*] звахуть ты варягы русь [*в Лавр вместо русь – суть, явно ошибочно, т.к. в близких к Лавр Радзивилловской и Троицкой летописях соответственно русь и русью*], яко се друзии зовутся сее, друзии же урмани, англыяне, инѣи [*в Лавр – друзии*] и готе, тако и си. Ркоша русь [*явная описка вместо руси; так в Радзивилловской летописи*] чюдъ, словене, кривичи и вся: „Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидете княжити и володѣть нами“. И избращася трие брата с роды своими и пояша по собѣ всю русь, и придоша к словенемъ пѣрвѣе, и срубиша город Ладугу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ [*в Лавр после слов «всю русь» – и придоша старѣишии Рюрикъ; далее пропуск, место вокняжения Рюрика не указано*], а другии, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третей, Труворъ, в Изборьскѣ. И от тех варягъ прозвася Руская земля [*в Лавр – От тех прозвася Руская земля, новгородьци, ти суть людье*

ноугородьци от рода варяжска, преже бо бѣша словѣни]. По дѣвою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия Рюрикъ власть всю одинъ. И пришед къ Ильмерю, и сруби город надъ Волховом, и прозваша и Новѣгород, и сѣде ту, княжа [в Лавр текста от слов „И пришед“ до „княжа“ нет], и раздая мужемъ своимъ волости, и города рубити [в Лавр – и раздая мужемъ своимъ грады], овому Полѣтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находниче варязи; пѣрви наследници [в Лавр – насельници] в Новѣгородѣ словенѣ, и в Полотѣске кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣлѣозерѣ весь, Муроме мурома. И тѣми всеми обладаше Рюрикъ. И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася к Цесарюграду с родом своимъ. И пойдоста по Дѣнепру, идучи мимо, и узрѣста на горѣ городокъ и въспрошаста, ркуще: „чии се городъ?“. Они же ркоша: „была суть три братья, Кии, Щекъ, Хоривъ, иже сделаша городъ сии и изгибоша, а мы седим в городе ихъ и платимы дань козаром [в Лавр – и мы седим, платяче дань родомъ их козаромъ]“. Асколд же и Диръ оста-ста в городѣ семь, и многы варягы съвокуписта, и начаста владѣти Польскою землею; Рюрику же княжашю в Новѣгородѣ»<sup>213</sup>.

В тексте Начального свода варяги, пришедшие с Рюриком, «русью» не называются. В ПВЛ же фраза «Идоша за море к варягом и ркоша: „земля наша велика и обилна“ и т.д.» разорвана двумя вставками. Сначала, после слов «к варягом», идет пояснение: «...к руси. Сице бо звахуть ты варягы Русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же урмане, англыне, инѣи и готе, тако и си» – т.е. говорится, что эти варяги звались русью, подобно тому, как другие (варяги) называются свеями (шведами), урманами (норвежцами), англынами (норманнскими обитателями Англии) или готами (готландцами, жителями о. Готланд в Балтийском море). Затем к слову «ркоша» добавлено «руси [чтение „русъ“, превращающее, вопреки всему контексту, русь из „призываемых“ в один из народов, призывавших князей – явная описка; верное чтение «руси» читается в Радзивилловской летописи] чюдъ, словене и кривичи и вси». Ниже фраза «пояша со собою дружину многу и предивну» заменена на «пояша по собе всю русь». Таким образом, в ПВЛ в первоначальный текст о призвании князей-варягов внесены изменения, направленные на отождествление пришедших с Рюриком и его братьями варягов с «русью».

Однако ниже, после слов о посадении Рюрика и его братьев в Новгороде, Белоозере и Изборске, в Начальном своде варяги все же соотносятся

213 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 13–15; ср. Т. 1. Стб. 19–21; Т. 38. Л., 1989. С. 16 (Радзивилловская летопись).

с русью: «И от тѣх варягъ, находник тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска». Традиционно, под влиянием текста ПВЛ, где русь прямо отождествляется с варягами, эта фраза воспринимается как указание на происхождение названия *русь* от варягов. Но если абстрагироваться от прямого отождествления тех и других, появившегося в ПВЛ, более позднем, чем Начальный свод, памятнике, то данный фрагмент звучит по-иному. Предлог «от» имел в древнерусском языке несколько значений: указание на место отправления, удаления от чего-либо; указание на происхождение от чего-либо/кого-либо; указание на часть целого; указание на время, с которого начинается что-либо; указание на избавление от чего-либо, и ряд других<sup>214</sup>. Третье содержащееся в рассматриваемой фразе утверждение с «от» – о том, что новгородцы «суть от рода варяжска» – возможно, указывает действительно на происхождение части новгородцев от варягов<sup>215</sup>. Но это не значит, что и два предшествующих утверждения с предлогом «от» – «И от тѣх варяг, находник тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля» – тоже говорят о происхождении от варягов: ведь выше в тексте Начального свода нет отождествления руси с варягами (и вообще упоминания руси), и при такой трактовке остается непонятным (если не знать текст ПВЛ, а составитель Начального свода его не знал: когда он писал, ПВЛ еще не существовало), почему земля, получившая название от варягов, стала называться «Русской» (а не «Варяжской»). Между тем при учете всего контекста статьи 6362 г. Начального свода наиболее вероятным представляется, что в рассматриваемой фразе предлог «от» имеет *временное* значение – «со времени тех варягов прозвалась Русь, с их времен называется Русская земля». Статья 6362 г. носит заголовок – «Начало земли Руской», т.е. речь идет о возникновении государственности (термином «земля» с «территориальным» определением в XI – начале XII в. именовались независимые политические образования<sup>216</sup>). Рассказав о предыстории Руси – о полянах и возникновении

214 См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. М., 2000. С. 211–214.

215 Обычно это утверждение встречает затруднения, связанные с тем, что новгородцы в целом не могли иметь варяжское происхождение (см., напр., попытку истолкования слов «от рода варяжска» как указания на подчинение новгородцев варяжскому княжескому роду (см.: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., 2000. С. 121). Но из текста вовсе не следует, что варяжское происхождение имеют *все* новгородцы: в нем лишь сказано, что есть до нынешнего дня новгородские люди, имеющие варяжское происхождение.

216 См.: *Горский А. А.* Русь... С. 78–84.

Киева, автор перешел к появлению в Восточной Европе родоначальника династии и завершил фрагмент о приходе Рюрика с братьями утверждением, что «Русь», «Русская земля» (т.е. государство в тогдашнем понимании) именуется так *со времен* этих варяжских князей. Именно Рюрик с братьями имеются в виду под «теми варягами, находниками теми», поскольку никакие иные варяги, кроме них, в рассказе о призвании выше не упомянуты (дружина братьев «варягами» не названа). Автор Начального свода, таким образом, начинал историю Русской земли с появления династии, обладавшей монополией на власть на Руси в его время.

Задачи ПВЛ были несколько иными. В ней просматривается стремление вписать русскую историю в мировую. Начало Руси в ПВЛ связано с фактом всемирной, с точки зрения представлений того времени, истории – началом царствования в Византии Михаила III<sup>217</sup>. Слова Начального свода «И от тѣх варяг, находник тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх словет Руская земля» были, очевидно, истолкованы по-своему, восприняты как имеющие в виду не только варяжских князей, но всех варягов, пришедших с Рюриком. Это утверждение было расценено как указание на *происхождение* руси от варягов, на то, что варяги, пришедшие с Рюриком, *назывались* русью. Результатом и стали вставки в текст: уточнение, что варяги, к которым обратились народы севера Восточной Европы, именовались *русь*, перечень народов Северной Европы с упоминанием «руси»; замена «дружины» на «русь». Были внесены вставки и в другие места летописи, где упоминалась *русь*: во вводную часть ПВЛ был вставлен список народов Северной и Западной Европы с упоминанием руси на том же месте, что и под 862 г. – между «готами» и «агнянами»<sup>218</sup>; в статью 898 г., повествующую о возникновении славянской грамоты, к словам об апостоле Павле как первоучителе «Словеньску языку» было добавлено пояснение, сходное с разобранный выше фразой из статьи 862 г.: «А словеньскый язык и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое бѣша словене»<sup>219</sup>.

Таким образом, отождествление руси с варягами в тексте ПВЛ – конструкция одного из ее составителей<sup>220</sup>, отталкивающаяся от неверного понятого текста ее главного источника – Начального свода.

Однако такая констатация не означает, что отождествление варягов с русью обязательно имеет только книжное происхождение. До одного

217 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 17.

218 Там же. Стб. 4.

219 ПСРЛ. Т.1. Стб. 28.

220 Относительно того, к какой редакции ПВЛ это отождествление относится, см. ниже, в разделе «Об „иноземном воздействии“ на формирование древнерусской государственности».

из составителей ПВЛ могли дойти какие-то предания, в которых происхождение имени *Русь* связывалось с варягами, и именно это могло побудить его переработать текст Начального свода разобранном выше способом. Что говорят здесь иностранные синхронные известия?

Имеются два сообщения, где *русь* хотя и не отождествляется, но сопрягается с норманнами. Во-первых, это известие Бертинских анналов, согласно которому послы кагана народа рос оказались свеонами. Из него не следует, конечно, что вся *русь* состояла из норманнов, но, по крайней мере, явствует, что норманны присутствовали в окружении русского кагана. Во-вторых, это упоминание в письме императора франков Людовика II византийскому императору Василию I 871 г. «кагана норманнов». Речь явно идет о правителе руси, так как именно он носил, по данным других источников, титул кагана. Возможны четыре интерпретации такого определения: 1) при дворе Людовика знали, что русью именуются действующие в Восточной Европе норманны; 2) при дворе Людовика знали, что во главе руси стоит правитель норманнского происхождения; 3) упоминание «кагана рос» в предшествовавшем письму Людовика несохранившемся послании Василия было переведено как «каган норманнов» под влиянием описанных в Бертинских анналах событий 839 г., когда послы кагана руси оказались норманнами; 4) *русь* в послании Василия была определена как «северные скифы» (так русские именуются в «Тактике» сына Василия, имп. Льва VI), и «норманны» – всего лишь перевод на латынь греческого *βόρειοι*<sup>221</sup>.

Кроме того, есть ряд косвенных указаний на именование русью норманнов, действовавших в Восточной Европе. Почерк похода на Константинополь 860 г. похож на почерк норманнских набегов. Рассказ Ибн-Фадлана о похоронах в Волжской Булгарии в 922 г. знатного руса описывает норманнский обычай сожжения в ладье<sup>222</sup>.

Общим для всех иностранных известий, так или иначе сопрягающих *русь* с норманнами, является то, что речь идет о норманнах, действующих в Восточной Европе<sup>223</sup>. Следовательно, на предполо-

221 Точка зрения С. А. Геденова (см.: Геденов С. А. Варяги и Русь. СПб., 1872. С. 430–431, 484–487).

222 Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. С. 71–76.

223 Исключением является сообщение ал-Якуби, писавшего около 891 г. о нападении на Севилью, про которое из других источников известно, что его совершили норманны, а именно норвежские викинги (см.: Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966. С. 99–100): «И в эту реку Кордовы вошли маджусы, которых называют русами, в году 229/843–44, и грабили, и жгли, и убивали»

жение, что именно норманны принесли это название, всегда можно представить контрпредположение: что норманны восприняли местное название, включившись в восточноевропейские этнополитические структуры.

В поисках этимологии названия *русь* было потрачено много усилий лингвистов. Однозначно вопрос решен, тем не менее, не был. Большое распространение имеет скандинавская этимология названия – от глагола, означающего «грести»: допускается, что словом, образованным от него, именовали себя дружины викингов, приходившие в Восточную Европу на гребных судах; через посредство финской формы *ruotsi* термин трансформировался на восточнославянской почве в *русь*. Первоначально, согласно этой гипотезе, русью называлась варяжская дружина, т.е. термин имел профессиональный, социальный, а не этнический смысл<sup>224</sup>. Эта гипотеза, однако, имеет серьезные слабости. Во-первых, нигде в источниках дружины викингов через указанный термин не определены. Во-вторых, данная этимология не безупречна в чисто лингвистическом отношении<sup>225</sup>. В-третьих, примеры «отпрофессионального» названия народов встреча-

(см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. С. 38). В отношении данного пассажа имеются три точки зрения. 1) Слова «которых называют русами» («ар-рус») являются вставкой переписчика сочинений ал-Якуби XIII в., сделанной под влиянием другого арабского автора – ал-Масуди (середина X в.), который, комментируя известия о нашествии язычников (Маджус) на Испанию, предположил, что этими язычниками были «русы», пришедшие из Черного моря (см.: *Гаркави А. Я.* Сведения мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870. С. 63, 67–71). 2) Слова «которых называют русами» принадлежат ал-Якуби, но не соответствуют действительности, а являются попыткой автора определить этническую принадлежность нападавших язычников с помощью названия, известного для язычников, совершающих набеги на восточные арабские провинции (где писал ал-Якуби) (см.: *Томсен В.* Начало русского государства. М., 1891. С. 78; *Ловмянский Х.* Русь и норманны. С. 219–220). 3) Слова «которых называют русами» действительно отражают этноним нападавших норманнов (см.: *Минорский В. Ф.* Куда ездили древние русы // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 24–25). Но в последнем случае надо отказаться от точки зрения о *восточноевропейском* происхождении названия «русь» (господствующей в историографии, см. ниже) и признать, что им могли называть себя норвежские викинги на *Zanade*.

224 См.: *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Эволюция названия «русь» в процессе становления Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8.

225 Возможность перехода к *русь* от древнескандинавского *\*rop(s)* через финское *ruotsi* считается маловероятной (см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 32–33).

ются, но это наименования по *основному* роду деятельности; между тем викинги, приходящие в Восточную Европу, все-таки в первую очередь должны были восприниматься не как гребцы, а как воины и торговцы<sup>226</sup>. По другой версии (не касаемся экзотических теорий), слово *русь* происходит от иранского корня со значением «светлый», «белый» (восходящего к дославянской – сарматской эпохи – лексике Северного Причерноморья)<sup>227</sup>. Наконец, имеется славянская этимология названия – от глагола со значением «течь»<sup>228</sup>.

Вопрос приходится признать неразрешимым при сегодняшнем уровне знаний. Ясно только, что *русь* появилась в Восточной Европе ранее Рюрика и его людей, поскольку даже при принятии даты «привзвания» ПВЛ – 862 г., несколько известий о руси – в Бертинских анналах, в Житии Георгия Амастридского, в сообщениях о нашествии на Константинополь 860 г. – относятся к более ранним временам. Было ли это название доваряжским, воспринятым норманнскими дружинниками, связано ли с варягами дорюриковой поры<sup>229</sup>, или так именована-

226 «Профессиональный» характер наименования Русь иногда видят в определенном сопряжении Руси и дружины: как, например, в указании Константина Багрянородного, что в «полюдия» в «славинии» ходят «все росы» (КБ. С. 50–51). Но здесь может отражаться свойственный раннему Средневековью перенос этнонима на наиболее социально активную группу населения (см.: Горский А. А. Этнический состав... С. 80).

227 Заметим, что вопреки распространенному представлению, будто на юге Восточной Европы бытовала форма с корневым *-o-* («рос»), а не *-y-*, в ираноязычных вариантах эпитета «светлый» преобладают как раз формы с корневым *-y-* – *rūxs, rūšan, ruš, ruxn* (см.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. М., 1973. С. 437). О. Н. Трубачев возводил термин *русь* к индоарийской основе с тем же значением «светлый», «белый», бытовавшей, по его мнению, в Северном Причерноморье (см.: Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 220–260).

228 *Роснонд С. Miscellanea Onomastica Rossica // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1969. С. 43–47; Максимович К. А. Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006.*

229 Точка зрения А. А. Шахматова (см.: Шахматов А. А. О древнейших судьбах русского племени. Пг., 1919), ныне возрожденная А. В. Назаренко (см.: Назаренко А. В. Две Руси IX века).



лись все варяги, приходившие в Восточную Европу, включая контингент во главе с Рюриком – определить невозможно<sup>230</sup>.

### Русь после Рюрика

Пределы подвластной Рюрику территории остаются не вполне ясными. Несомненно, в нее входили Новгород и Ладога<sup>231</sup>. ПВЛ говорит о поселении Рюриком своих «мужей» в Полоцке и Ростове<sup>232</sup>, но Начальный свод этого указания не содержит, и возможно, что перед нами домысел летописца начала XII в. С другой стороны, о княжении легендарных братьев Рюрика<sup>233</sup> в Белоозере и Изборске свидетельствуют оба памятника Начального летописания. Неясно, были Синеус и Трувор наместниками Рюрика или возглавляли полусамостоятельные «вождества» – псковских кривичей или части словен в Изборске и веси на Белоозере. Но и Начальный свод и ПВЛ отмечают, что по смерти «братьев» Рюрик «прия власть един»<sup>234</sup>, и по крайней мере тогда он должен был начать управлять Изборском и Белоозером несомненно через наместников. Наместничество же – уже черта не вождества, а раннего государства.

Сменивший Рюрика Олег – первый русский князь, фигурирующий в документальном источнике. Это договор с Византией, за-

230 Нельзя исключать, что существовало два сходных названия – скандинавское, служившее одним из обозначений варяжских дружин, и южное, которое было одним из названий территории или/и населения Среднего Поднепровья. Сходство терминов могло привести к их актуализации и слиянию (см.: *Брим В. А.* Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Ч. 1. Пг., 1923; *Горский А. А.* Русь... С. 45–46).

231 Под тогдашним Новгородом, напомним, следует понимать Рюриково Городище (см.: *Носов Н. Е.* Новгородский детинец...). По Ипатьевской и Радзивилловской летописи, Рюрик сначала сел в Ладоге и только через два года построил Новгород и обосновался там (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; Т. 38. С. 16). Согласно Новгородской первой летописи (т.е. Начальному своду) и, вероятно, Лаврентьевской (где текст дефектен), Рюрик сразу же сел в Новгороде (НПЛ. С. 196; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20). Какой вариант летописного текста первоначален – предмет спора (см.: *Гунтуис А. А.* Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности. СПб., 2007; *Вилкул Т.* Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2008. Vol. XVI. № 2).

232 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

233 Возможно, в братьев легенда превратила наместников Рюрика или союзных ему варяжских предводителей.

234 НПЛ. С. 107; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

ключенный 2 сентября 6420 сентябрьского, т.е. 911 г.<sup>235</sup>. Когда Олег появился в Киеве, к какому времени следует отнести летописный рассказ о захвате им столицы полян и убийстве княживших там Аскольда и Дира? В договоре 911 г. Киев не упомянут. Но он назван в договорном тексте, помещенном в ПВЛ под 907 г.: «И тогда возмуть мѣсячинное свое, первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переаславля и прочии грады»<sup>236</sup>. Сходный текст читается в договоре Игоря 944 г.: «тогда возмуть мѣсячное свое, съли слобное, а гостье мѣсячное, первое от города Киева, паки изъ Чернигова и ис Переяславля и ис прочих городовъ»<sup>237</sup>. Относительно текста договора, помещенного под 907 г., существуют два мнения: 1) это предварительный договор, заключенный Олегом сразу после похода<sup>238</sup>; 2) это попавший не на свое место фрагмент договора 911 г.<sup>239</sup>. Второй вариант кажется намного предпочтительнее<sup>240</sup>; но в любом случае перед нами древний документальный текст. И в нем фигурирует Киев как главный город Руси<sup>241</sup>. Из этого факта следует, казалось бы, вывод, что Олег появился в Киеве ранее 911 г. Однако не все исследователи разделяют такое мнение.

В 1984 г. было выдвинуто предположение, что оба перечня городов – и из «договора 907 г.» и из договора 944 г. – являются вставкой летописца, ибо они соответствуют реалиям не первой половины X столетия, а второй половины XI – начала XII в., когда именно Киев, Чернигов и Пере-

235 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 37. Текст договора помещен, как и тексты трех других позднейших договоров, в ПВЛ, но он четко выделяется из нарративного повествования, поэтому документальность текста договора сомнений не вызывает.

236 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31.

237 Там же. Стб. 48–49

238 *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси (IX – первая половина X в.). М., 1980. С. 83–146; *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси... С. 154–157.

239 *Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Зап. Неофилологического об-ва при имп. Петроградском ун-те. Вып. 8. Пг., 1914. С. 385–400; ПВЛ. С. 417–418 (Д. С. Лихачев); Памятники русского права. Вып. 1. М., 1952. С. 66 (А. А. Зимин); *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 57.

240 См.: *Горский А. А.* Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.» // Ad fontem / У источника. Сб. статей в честь С. М. Каштанова. М., 2005.

241 Аналогичный перечень городов содержится в договоре Игоря 944 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 49).

яславль были главными княжескими столами<sup>242</sup>. Принятие такого вывода позволяет внести существенные коррективы в историю Руси. Ведь если княжение в Киеве Игоря засвидетельствовано современниками (как в византийских, так и в западных источниках), то о пребывании там Олега говорит только один синхронный событиям текст – приведенный выше пассаж из т.н. «договора 907 г.»; все остальное – летописные рассказы много более позднего времени, основанные на преданиях. Отрицание документальности упоминания Киева в тексте договора Олега дает, таким образом, возможность сомневаться в самом факте его киевского княжения. Это и делает в последнее время ряд авторов – Н. Голб и О. Прицак, К. Цукерман, – полагающих, что варяжская дружина появляется в Киеве позже 911 г., а ранее русь во главе с Олегом располагалась севернее<sup>243</sup>.

При учете истории текстов договоров в древнерусском летописании предположение о двух столь обширных вставках кажется маловероятным. Эти тексты, переходя из летописи в летопись, практически не редактировались, т.е. воспринимались не как часть повествовательного изложения, а именно как документ<sup>244</sup>. В первоначальных дошедших до нас вариантах договорных текстов – в ПВЛ – другие вставки и вообще какая-либо редакция не прослеживаются: например, сохранены все имена послов (в большинстве своем скандинавские и летописцу непонятные)<sup>245</sup>, и при этом в договор Олега не вставлено напрашивавшееся, исходя из окружающего летописного изложения, имя Игоря – младшего соправителя киевского князя, а в договор 944 г. – имена Свенельда и Асмуда, виднейших, согласно летописному изложению, представителей киевской знати<sup>246</sup>.

242 *Lind J. H.* The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban Structure of Rus' // *The Slavonic and East European Review*. 1984. Vol. 62. № 3.

243 *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы... С. 86–98 (О. Прицак относит захват Игорем Киева даже к 930-м гг.); *Цукерман К.* Перестройка... (автор предположительно относит появление в Киеве Олега и Игоря к концу 910-х гг.).

244 См. (из летописей XIII–XV вв.): ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 12 (Летописец Переяславля Суздальского); *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 64–65, 66–70, 74–78, 89; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Л., 1925. С. 19–22, 27–30, 41–42 (Софийская I летопись); Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 19–24, 30–36, 51 (Новгородская IV летопись); Т. 42. СПб., 2002. С. 29–31, 33–35, 41 (Новгородская Карамзинская летопись); Т. 25. М.; Л., 1949. С. 343–345, 348–350, 356 (Московский летописный свод конца XV в.); Т. 24. Пг., 1921. С. 10–13, 16–19, 27 (Типографская летопись).

245 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33, 46–47.

246 Там же. Стб. 55, 58.

Кроме того, Киев, Чернигов и Переяславль упоминаются также в предшествующем «договору 907 г.» летописном рассказе о переговорах Олега с греками. Здесь говорится, что Олег «заповѣда... даяти углады на Рускыа грады: первое на Киевъ, таже на Чернигов, на Переяславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любеч и на прочаа городы»<sup>247</sup>. Летописные «обрамления» договоров создавались автором ПВЛ на основе главным образом сведений, почерпнутых из самих договорных текстов, их интерпретации<sup>248</sup>. Список городов в «обрамлении» страннее того, что в тексте договора. Если оба сочинены летописцем, почему они не совпадают? Зачем сочинять и краткий, и пространный перечни городов? Куда естественнее предположить, что летописец имел перечень из трех городов в текстах договоров 907 и 944 гг., а в своем тексте попытался раскрыть содержание указания на «прочие города» – исходя из своего представления, какие города должны были быть под властью Олега. Аналогично он, исходя из упоминания в договоре 911 г. «князей», находившихся «под рукою» Олега, добавил после «пространного» перечня городов: «по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще»<sup>249</sup>.

Но насколько реально упоминание Киева, Чернигова и Переяславля в качестве главных городов Руси в начале и середине X в., если исходить из данных других источников этого времени?

Перечень ряда русских городов имеется в девятой главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», памятника, созданного в середине X столетия, т.е. практически одновременного договору Игоря (собственно, в тексте в качестве киевского князя называется именно Игорь, т.е. информация автора восходит ко времени его жизни – до 945 г.). Киев и Чернигов здесь упомянуты, причем Киев назван главным городом Руси: «приходящие из внешней России в Константинополь моносилы являются одни из Немогарда... а другие из Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава...»; «когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется „кружением“, а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр,

247 Там же. Стб. 31.

248 Горский А. А. Летописный контекст...

249 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31, 33.

возвращаются в Киев»<sup>250</sup>. Но вот Переяславль в тексте Константина отсутствует. Кроме того, существует летописное известие об основании («заложении») Переяславля Владимиром в 992 г.<sup>251</sup>, подкрепляемое данными археологии о времени появления на его месте укрепленного поселения<sup>252</sup> (собственно, именно эти факты и являются основой для гипотезы о вставке перечня городов в договоры 907 и 944 гг.). Можно, конечно, допустить, что речь идет не о появлении города, а о постройке новых его укреплений на новом месте<sup>253</sup>. Но само название «Переяславль» по своему типу нехарактерно для древнейших русских городов и логичнее увязывается с болгарским влиянием, актуальным, скорее всего, в эпоху после балканских походов Святослава.

Можно предположить, что вставками в тексты договоров являются только упоминания Переяславля: изначально присутствовали лишь Киев и Чернигов, а летописец добавил Переяславль, который в его эпоху был отчинным владением Владимира Мономаха. Но такая интерпретация кажется маловероятной исходя из приведенных выше наблюдений о бережном отношении автора ПВЛ к договорным текстам.

Представляется, что появление Переяславля в текстах договоров 907 и 944 г. можно объяснить, если учитывать, что у автора ПВЛ был источник – русские переводы договоров, а у переводчика (или переводчиков) свой источник – греческие тексты соглашений. В греческих текстах могло стоять название третьего после Киева и Чернигова города, неясное для русских читателей. Пример такого рода мы видим у Константина Багрянородного. Перечисляя русские города с севера на юг, по направлению сбора «моноксиллов», он упоминает «Немогардас» и «Милински», «Чернигогу», «Вусеград», «Киаву» и «Витичев», в которых более или менее легко опознаются Новгород, Смоленск, Вышгород, Киев и Витичев, но после Смоленска и перед Черниговом

250 КБ. С. 44–47, 50–51.

251 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 123–124.

252 Древняя Русь: город, замок, село. С. 59.

253 Словом «заложити» могло обозначаться построение новых укреплений, ср. известия Новгородской первой летописи под 1037 и 1116 гг.: «Заложити Ярославъ город Кыевъ»; «Мстиславъ заложити Новъгородъ болии първаго» (см.: НИЛ. С. 16, 20) – речь идет о построении новых укреплений в городах давно существующих, и, соответственно, известие 992 г. может говорить о «переносе» Переяславля на новое место: южное пограничье Руси подвергалось во второй половине X в. активному наступлению печенегов, и первоначальным Переяславлем могло быть одно из разрушенных ими поселений (ср.: *Коринный Н. Н.* Переяславская земля: X – первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 144–146).

стоит загадочное *αλο Τελιούτζαν* – «из Телиуцы»<sup>254</sup>. Его обычно интерпретируют как Любеч, но только исходя из географии перечня (потому, что между Смоленском и Черниговом другого русского города для того времени летопись не знает<sup>255</sup>). Если бы *Τελιούτζα* читалось в ином контексте, опознать в нем Любеч не смогли бы ни современные комментаторы, ни древнерусские читатели.

Если в греческих текстах договоров Олега и Игоря имела место принципиально сходная ситуация – не поддающееся прочтению название третьего, после Киева и Чернигова, русского города – то интерпретация этого города как Переяславля, который с середины XI в. был третьим по значению на юге Руси, была вполне естественна и являла собой не искажение текста, а интерпретацию неясного места. Возможны два варианта: 1) эта интерпретация была осуществлена уже переводчиком (или переводчиками) договоров, летописец лишь повторил ее; 2) переводчик (или переводчики) воспроизвел написанное в греческих текстах буквально (или оставил пробел), а автор ПВЛ интерпретировал непонятное (или пропущенное) название как Переяславль<sup>256</sup>.

В целом же учет особенностей работы автора ПВЛ с его источниками – русско-византийскими договорами – приводит к выводу, что упоминание в дошедших до нас текстах договоров Олега и Игоря Переяславля не дает оснований сомневаться в достоверности упоминания в них Киева и Чернигова и, соответственно, в том, что Олег во время заключения им договора с Византией (2 сентября 911 г.) являлся киевским князем.

Информация о деяниях Олега «Вещего» сильно различается в Начальном своде и ПВЛ. По Начальному своду, Олег был воеводой при Игоре, по ПВЛ – князем, правившим на Руси более тридцати лет. Повышение статуса Олега в ПВЛ несомненно связано с тем, что в распоряжении ее составителя оказался текст договора с Византией 911 г., где Олег назван князем, а Игорь не упомянут вовсе. Это повлекло серьезную переработку летописного текста о событиях конца IX – начала X в. Дополнительные в сравнении с Начальным сводом известия ПВЛ об Олеге подразделяются на три блока: 1) статьи 6391–6393 (883–885) гг. – о подчинении Олегом древлян, северян и радимичей (при

254 КБ. С. 44.

255 Любеч упомянут в рассказе о пути Олега в Киев и в пространном перечне городов в «обрамлении» договора 907 г. (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23, 31).

256 Что это было за название, можно только гадать: возможно, то же *Τελιούτζα* или название поселения, ныне известного как археологический комплекс Шестовица на Десне ниже Чернигова.

этом две последних общности, согласно ПВЛ, освобождались князем от дани в пользу хазар) и его войнах с уличами и тиверцами (в Начальном своде отсутствуют полностью)<sup>257</sup>; 2) описание похода Олега на Царьград, переговоров с византийскими императорами, тексты договоров под 6415 и 6420 гг. (в Начальном своде описан только поход, и менее подробно)<sup>258</sup>; 3) рассказ о предсказании волхва и смерти Олега от собственного коня (в Начальном своде только кратко сказано о его смерти от укуса змеи, конь в этой связи не упомянут)<sup>259</sup>.

Пространный рассказ о смерти Олега от коня несомненно восходит к устному источнику, к преданию: об этом говорят близкие параллели к нему в скандинавской «Саге об Одде-Стреле»<sup>260</sup>. Среди информаторов составителя ПВЛ были представители дружинной знати (о записи многих сведений по рассказам одного из них – Яня Вышатича – прямо говорится в статье 1106 г.<sup>261</sup>), которым могли быть известны предания об Олеге. Иное дело – повествование о взаимоотношениях Олега с Византией. Нарративные «обрамления» договоров 907 и 911 гг., часто воспринимаемые как достоверные (а иногда как чуть ли не пересказ документального источника – недошедшей части договора), были, скорее всего, реконструированы на основе текстов договоров (причем не только договора Олега, но и позднейших договоров Игоря и Святослава, также бывших в распоряжении автора ПВЛ), летописных текстов, имевшихся в Начальном своде, и представлений автора о вероятном ходе переговоров<sup>262</sup>. Список участников похода Олега, в который включены все восточнославянские и некоторые финноязычные общности (и который часто воспринимается как достоверный, свидетельствующий о грандиозной мобилизации Олегом для похода воинских сил со всей Восточной Европы, и т.п.), представляет собой комбинацию из нескольких перечней этнонимов, присутствующих выше в тексте самой ПВЛ<sup>263</sup>.

---

257 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24.

258 Там же. Стб. 29–38; ср.: НПЛ. С. 108–109.

259 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 38–39; НПЛ. С. 109.

260 См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 5. Древнескандинавские источники. М., 2009. С. 258–266; Мельникова Е. А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От Древней Руси к Новой России. М., 2005.

261 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281.

262 См.: Горский А. А. Летописный контекст...

263 См.: Горский А. А. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // ВЕДС. М., 2002.

Итак, информация о деяниях Олега могла происходить из устных преданий, а могла быть результатом реконструкции событий на основе имеющихся у составителя ПВЛ письменных источников. К какому варианту вероятней отнести известия о подчинении древлян, северян и радимичей и войнах с уличами и тиверцами? Вопрос этот важен, поскольку тесно связан с проблемой формирования государственной территории Руси. Одно дело, если уже при Олеге, т.е. не позднее начала X столетия, власть киевских князей распространилась на значительные территории на юге Восточной Европы, и другое – если достоверные сведения об этом мы имеем только начиная с княжения Игоря (наиболее ранняя бесспорная, т.е. подтверждаемая синхронными событиями иностранными источниками, дата которого, напомним – 941 г.).

Представление об отсутствии среди покоренных Олегом общностей уличей могло вытекать из известия Начального свода о подчинении их Игорем в 940-е гг.<sup>264</sup>. Но, согласно Начальному своду, помимо уличей, Игорь воевал и покорил также древлян<sup>265</sup>; по ПВЛ же они подчинены уже Олегом, и ее составителю, по-видимому, пришлось, чтобы согласовать это утверждение с известием Начального свода, написать, что после смерти Олега древляне «затворишася от Игоря» и тому пришлось покорять их вновь<sup>266</sup>. Но если в данном случае в Начальном своде есть все-таки хотя бы какое-то известие о покорении киевским князем древлян, то с подчинением северян и радимичей дело обстоит сложнее. Начальный свод о нем молчит: только под 984 г. имеется рассказ (перешедший и в ПВЛ) о покорении радимичей воеводой Владимира Волчьим Хвостом<sup>267</sup>. Таким образом, известие о подчинении радимичей Олегом противоречит тексту источника ПВЛ. Неясен и источник сведений о том, что северяне и радимичи до Олега платили дань хазарам. О выплате им дани северянами сказано только в самой ПВЛ под 859 г.<sup>268</sup>, о данничестве радимичей не говорится и здесь. Между тем зависимость северян от хазар подтверждается еврейско-хазарской перепиской середины X в. (правитель Хазарии Иосиф, описывая в письме к Хасдаю ибн Шафруту могущество своего государства, к тому времени уже во многом прошлое, называет их среди данников<sup>269</sup>), а их данничество по отношению к киевским князьям

264 НПЛ. С. 107–108.

265 Там же. С. 107.

266 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 42.

267 НПЛ. С. 131; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 83–84.

268 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19.

269 Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. С. 203–204.



(для 940-х гг.) известием Константина Багрянородного<sup>270</sup>. Причем последний упоминает, помимо древлян, северян, дреговичей и кривичей, также «прочие» зависимые от Руси «славинии», что косвенно может подтверждать данничество радимичей – ведь они были практически со всех сторон окружены «славиниями», зависимыми от Киева. Неясен также и источник информации об антихазарской направленности действий Олега (в Начальном своде данные о враждебности русских князей хазарам отсутствуют вплоть до времен Святослава).

Обращает на себя внимание, что северяне получают льготы в размере дани, хотя, согласно тексту, Олег одолевает их силой, а радимичи продолжают платить так же, как при хазарах, несмотря на то, что Олегу подчиняются без боя. Это объяснимо при учете географического положения данных общностей. Земля северян (по Десне и Сейму) располагалась на границе со степью, т.е. непосредственно соприкасалась с подонскими владениями Хазарского каганата, а территория радимичей (на Соже) находилась в глубине лесной зоны, т.е. по отношению к Хазарии – «за северянами». Соответственно северян выгодно было расположить к себе снижением дани, чтобы они не «отложились» обратно к хазарам, а с радимичами такой необходимости не было – они оказывались «внутри» подвластных Олегу земель. Кроме того, радимичи были, судя по выявленной археологическими исследованиями территории их расселения<sup>271</sup>, намного менее многочисленной группировкой, чем северяне, и, соответственно, должны были быть слабее в чисто военном отношении.

Отсутствие письменных источников информации (сочинение Константина Багрянородного и еврейско-хазарская переписка были составителю ПВЛ неизвестны), а также противоречия между статьями 6391–6393 гг. и имевшимися в распоряжении летописца данными позволяют полагать, что известия о подчинении Олегом славян юга Восточной Европы имели источником передававшиеся изустно рассказы о деятельности этого князя<sup>272</sup>. Из них составитель ПВЛ почерпнул, по-видимому,

---

270 КБ. С. 50–51.

271 См.: *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 133–140, 151–157.

272 В пользу этого говорит и такая особенность известий о покорении северян и радимичей, как приведение прямой речи, диалогов Олега с ними («и не дасть имъ козаромъ дани даяти, рекъ: „Азь имъ противень, а вамъ не чему“... Посла Олегъ к радимичем, ркя: „Кому дань даете?“ Они же рѣша: „козаром“. И рече имъ Олегъ: „Не даваите козаромъ, но мнѣ даваите“»), см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24), что характерно для записей устных преданий (ср. прямую речь в рассказе о смерти Олега от коня, см.: Там же. Стб. 38–39).

не только легенду о смерти князя от коня, но и некоторые сведения о его действиях. Следовательно, можно говорить о высокой степени вероятности распространения власти русских князей на ряд славянских общностей юга Восточной Европы – древлян, северян и радимичей – уже при Олеге, то есть, по меньшей мере, в начале X столетия.

С точки зрения политогенеза эти факты свидетельствуют о переходе к стадии т.н. сверхсложного вожинства, при которой центру подчинены сложные вожинства – крупные «славинии». Но при этом, как и в отношении властвования Рюрика, при Олеге выявляются и черты раннего государства. Указания ПВЛ на посажение им «своих мужей» в Смоленске и Любече, отсутствующие в Начальном своде, можно считать добавлением летописца, домыслом. Но при Олеге под властью киевского князя оказывается вытянутая более чем на тысячу километров с севера на юг территория. Управлять ею без наместников было физически невозможно. В опорном пункте на севере этой территории – Новгороде – князь-наместник фиксируется только при Игоре (Святослав, известие Константина Багрянородного<sup>273</sup>). Но вряд ли после княжения в Новгороде Рюрика, а затем Олега там была, когда последний ушел в Киев, восстановлена «славиния»: скорее всего, наместничество имело место и при Олеге. Можно полагать, что наместник, а не самостоятельный князь сидел и в Смоленске. Учитывая высокую степень присутствия в тогдашнем Смоленске (Гнездове), судя по археологическим данным, варяжских дружинников и известие ал-Истахри о «третьей группе» Руси, возможно относящееся к Смоленску, наличие в начале X в. здесь «славинии» также маловероятно.

Итак, при Олеге мы видим сочетание черт сверхсложного вожинства и раннего государства. Им был покорен ряд «славиний»: помимо ранее подчиненных кривичей и словен – поляне, центр которых Киев Олег сделал своей столицей, древляне, северяне и радимичи. Олег совершил поход на Византию (в 911 г. или несколько ранее<sup>274</sup>) и заключил с ней в 911 г. договор.

Когда имел место переход власти от Олега к Игорю? Существует точка зрения, что это произошло только в 941 г. Основой для такого

---

273 КБ. С. 44–45.

274 В византийских источниках этот поход не упомянут, однако заключенные выгодного для Руси договора (содержащего пункт о беспошлинной торговле русских в Константинополе, см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31–32) вряд ли было возможно без демонстрации силы. Можно сомневаться в деталях описания похода, но какие-то угрожающие Византии действия со стороны Олега, скорее всего, имели место.

пересмотра традиционных представлений являются сведения т.н. Кембриджского документа – письма на древнееврейском языке, посланного из Хазарии ок. 949 г.<sup>275</sup>. В нем речь идет о захвате русским князем по имени «Хельгу», т.е. Олег, хазарского города Самкерца на восточном берегу Керченского пролива (будущей Тмуторокани), последующем его поражении от хазарского наместника, вынужденном походе на Константинополь, новом поражении и уходе в «Персию». Детали описания похода на Византию (четыре месяца боев, гибель русского флота от «греческого огня») совпадают с тем, что известно о походе Руси на Константинополь 941 г.; последующая же гибель русского войска вместе со своим предводителем в Южном Прикаспии напоминает известия арабских источников о действиях «русов» во время похода в Закавказье в 943–944 гг. Поэтому в историографии сведения Кембриджского документа связываются именно с событиями первой половины 40-х гг. Однако, согласно ПВЛ, Льву Диакону и Лиутпранду, предводителем похода 941 г. был Игорь<sup>276</sup>. Одно из предложенных объяснений этого противоречия исходит из того, что Хельгу – это тот же Олег «Вещий», в действительности продолжавший править на Руси до начала 40-х гг.; Игорь участвовал в походе 941 г., но верховным правителем стал только после этого, т.к. Олег в Киев не вернулся<sup>277</sup>. Однако это отождествление не представляется убедительным: более вероятно, что Хельгу был одним из представителей русского княжеского рода, возглавляемого Игорем<sup>278</sup>.

В то же время нет причин доверять и какой-либо из летописных дат вокняжения Игоря – как 922 г. Начального свода, так и 913 г. ПВЛ.

275 *Коковцов П. Я.* Еврейско-хазарская переписка X века. Л., 1932. С. 35–36, 118–121; *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 216. О датировке Кембриджского документа см.: *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы... С. 101–127; *Цукерман К.* Русь, Византия и Хазария в середине X века: проблемы хронологии // *Славяне и их соседи.* Вып. 6: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996. С. 69–70.

276 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 44–45; *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 57; *Лиутпранд Кременский.* Антаподосис. М., 2006. С. 96–97.

277 *Цукерман К.* Русь, Византия и Хазария...

278 См. подробно: *Горский А. А.* Русь... С. 69–73. В совпадении имени этого предводителя с именем Олега «Вещего» нет ничего экстраординарного: так, в договоре с Византией 944 г. фигурируют два Игоря – дядя, киевский князь, и неизвестный по другим источникам племянник (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 46).

Приходится констатировать, что переход власти к Игорю состоялся между 911 и 941 гг.<sup>279</sup>.

В отношении деятельности Игоря мы имеем сведения Начального летописания об укреплении им власти над древлянами и о покорении «славинии» уличей, ранее не подчинившейся Олегу<sup>280</sup>. Сведения Константина Багрянородного о зависимых от Киева лендзянах<sup>281</sup> позволяют полагать, что при Игоре была подчинена и восточная часть Воыни. В Новгороде Игорь посадил в качестве наместника своего сына Святослава<sup>282</sup>. Вероятно, наместники управляли и городами, где, по свидетельству Константина, собирались суда-«моноксилы», – Смоленском, Черниговом, Любечем, Вышгородом (см. об этом выше, в разделе «Русь в 40-е гг. X в.»). Таким образом, при Игоре, как и ранее при Рюрике и Олеге, в структуре Руси сочетаются элементы раннего государства и сверхсложного вождества. Есть ядро государственной территории, где власть осуществляется через наместников, и есть зависимые «славинии» – сложные вождества, обязанные данью и союзом.

### **Об «иноземном воздействии» на формирование древнерусской государственности**

Под «иноземным» влиянием на образование государства на Руси традиционно подразумевается в первую очередь норманнское, которому противопоставляется развитие «местного» славянского общества. Однако, строго говоря, на значительной части территории Руси славяне также были относительно новыми новоприходцами. Ранее Расселения, до VI столетия, они занимали, скорее всего, только юго-западную часть ее будущей территории – от Среднего Днепра до Восточного Прикарпатья. Лесная зона Восточной Европы заселялась славянами в течение VI–IX вв., а Волго-Окское междуречье, территория будущей Суздальской земли, и вовсе одновременно с установлением там вла-

---

279 В этом промежутке ПВЛ говорит лишь о двух деяниях Игоря: мире с печенегами (под 915 г.) и войне с ними (под 920 г.). Происхождение обоих известий остается неясным.

280 НПЛ. С. 110; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 42. Известие ПВЛ о повторном подчинении древлян может, как говорилось выше, быть реконструкцией летописца, имевшего в Начальном своде указание на покорение древлян Игорем, а из преданий об Олеге знавшего о подчинении их Олегом.

281 КБ. С. 44–45, 156–157.

282 КБ. С. 44–45.

сти киевских князей, в X столетии, а частично и позже<sup>283</sup>. В то же время как раз учет данного обстоятельства высвечивает определяющую роль расселения славян по Восточной Европе для процесса складывания Руси. Именно славянское расселение предопределило границы будущего государства. С ним связано и создание его экономической базы – пашенного земледелия<sup>284</sup>.

Коль скоро территориальные рамки и основа экономики были предопределены славянским компонентом, на долю иных остается вклад в первую очередь в политическое развитие. Воздействие извне на процессы государствообразования – обычное в истории явление (т.н. «первичные государства» – редкость, в средневековой Европе не зафиксированная). Так, государственность у франков складывалась под воздействием римской, у западных славян – франкской, у южных – византийской и частично франкской. Что касается восточных славян, то здесь ситуация была специфической. Норманны, с которыми традиционно связывают воздействие на процесс государствообразования, сами еще не имели государственности. Византийская империя находилась в отдалении, за степями и морями; ее воздействие скажется позже, в эпоху христианизации Руси, и будет проявляться в первую очередь в сфере культуры, а не политического развития. Франкская империя и государства – ее наследники были отделены от Руси западными славянами, у которых государственность еще только складывалась. Таким образом, в период формирования государства Русь, в IX – середине X в., единственным непосредственным соседом со сложившейся государственностью была Хазария.

Выявить черты хазарского влияния на формирование Руси сложно в силу недостаточности сведений. Согласно Начальному летописанию, юго-восточные восточнославянские группировки – поляне, север, радимичи и вятичи – в IX столетии платили хазарам дань<sup>285</sup>. В отношении северян и вятичей эти сведения подтверждаются письмом правителя Хазарии Иосифа Хасдаю ибн Шапруту<sup>286</sup>. Археологическим подтверждением верховной власти хазар над славянами Юго-Востока считается волынцевская культура конца VII – IX в., охватывающая Днепровское Левобережье с заходом на правый берег в районе Кие-

283 См.: *Седов В. В.* Восточные славяне...

284 Дославянское население лесной зоны – балты и финно-угры – занималось преимущественно охотой и рыболовством.

285 НПЛ. С. 105–106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16–17, 19.

286 Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. С. 203–204.

ва<sup>287</sup>. Следствием хазарского влияния вероятно было принятие правителем образования под названием Русь титула *каган*, фиксируемое с 830-х гг. Но здесь начинаются вопросы. Во-первых, неясно, где располагалась эта Русь во главе с каганом (см. раздел «Первые известия о Руси: проблемы ее локализации и происхождения»). Если на Среднем Днепре (что наиболее вероятно), то приходится предполагать, что речь идет об объединении, которое освободилось от хазарской зависимости и чей глава принял титул, равный титулу владыки Хазарии, в знак противостояния ей. Но дело в том, что данных об освобождении каких-либо «славиний» от хазарской дани в «доолеговы» времена нет. Обычно считается, что поляне были освобождены от нее Аскольдом и Диром. Но ни Начальный свод, ни ПВЛ оснований для таких выводов не содержат. В Начальном своде после рассказа о дани, выплаченной полянами хазарам, говорится: «И по сих, братии тои [Кие и его братьях. – А. Г.], придоста два варяга и нарекошася князема: одному бѣ имя Аскольдъ, а другому Дирь; и бѣста княжаща в Киевѣ, и владѣюща полями; и бѣша ратнии съ древляны и съ улици»<sup>288</sup>. По ПВЛ, Аскольд и Дир, бывшие боярами Рюрика, «испросистася къ Цесарюграду с родом своимъ, и пойдоста по Дънепру, идучи мимо, и узрѣста на горѣ городокъ, и въспрошаста, ркуще: „Чи се городъ?“ они же ркоша: „Была суть три братья, Кии, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша город сии, и изъгыбоша, а мы сѣдимъ въ городѣ ихъ, и платимы дань козаром“». Аскольдъ же и Дирь ооста в городѣ семь, и многы варягы съвокуписта, и начаста владѣти Польскою землею»<sup>289</sup>.

Эти известия не предоставляют данных, даже косвенных, для предположения, что Аскольд и Дир освободили полян от дани хазарам. По Начальному своду, они воюют не с зависимыми от хазар «славиниями», а как раз с неподвластными хазарам – древлянами и уличами. Позже Олег, согласно ПВЛ, подчинив северян, заявляет по поводу хазар – «Азь им противень»<sup>290</sup>. Между тем о войне Олега непосредственно с хазарами ничего не говорится. Единственное его действие на Юге, описанное ПВЛ выше – захват Киева и убийство Аскольда и Дири. Следовательно, по смыслу повествования об Олеге, именно это и являлось антихазарской акцией. Вкупе с указанием Начального свода на войны Аскольда и Дири со «славиниями», не при-

287 Григорьев А. В. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности...

288 НПЛ. С. 106.

289 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 15.

290 Там же. Стб. 17.

знающими власть хазар, это свидетельствует в пользу скорее союзных отношений предшественников Олега на киевском столе с хазарами, а может быть, и о сохранении «славинией» полян при Аскольде и Дире подчиненного по отношению к ним положения.

Разумеется, достоверность представлений летописцев конца XI – начала XII в. на события IX столетия можно подвергнуть сомнению. Но очевидно, что реконструкция даже событийной канвы отношений полян и хазар до захвата Олегом Киева проблематична<sup>291</sup>. Тем более сложно судить о воздействии хазар на формирование государства Русь. Кроме заимствования титула «каган» (для чего можно допустить и аварское влияние) здесь назвать нечего. Но этот титул не прослеживается со времен Олега: если в IX столетии, судя по известию Бертинских анналов и письму Людовика II Василию Македонянину, в Византии признавался титул кагана за правителем Руси, то в X в. византийская императорская канцелярия считала каганом только правителя Хазарии<sup>292</sup>. Именованіе каганами русских князей XI в. – Владимира и Ярослава в «Слове о Законе и Благодати» Илариона, Святослава Ярославича в граффити из киевского собора св. Софии и одного из его сыновей в «Слове о полку Игореве», скорее всего, было связано с владением ими Тьмутороканским княжеством, занимавшим часть бывшей хазарской территории<sup>293</sup> (хотя нельзя исключить наличие памяти об именовании каганами русских князей IX столетия).

Таким образом, если хазарское влияние на политическое развитие «славиний» юга Восточной Европы и было (что весьма вероятно), по источникам оно надежно не реконструируется<sup>294</sup>. При князьях же – преемниках Рюрика следы этого воздействия не просматриваются вовсе.

291 Помимо версии, что произошло освобождение части славян Юга от хазарской власти и далее вплоть до прихода Олега существовал «русский каганат», может существовать и другая: что после кратковременной утери хазарами контроля над Средним Поднепровьем и появления там кагана (упомянутого в Бертинских анналах) хазарская власть была восстановлена, и Аскольд и Дир были вассалами хазар.

292 См.: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 41.

293 См. выше, раздел «Первые известия о Руси: ее локализация и происхождение».

294 Предположение о заимствовании у хазар т.н. «диархии» – формы правления, при которой сосуществуют номинальный сакральный правитель (в Хазарии IX–X вв. им был как раз каган) и правитель фактический (см.: *Толочко А. П.* Древняя Русь: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 125), не получило поддержки в науке, и не случайно: ни Игорь (при Олеге), ни Святослав (при Ольге) на роль сакрального кагана явно не тянут, а о распределении функций между Аскольдом и Диром ничего не известно.

Что касается вопроса о том, какое воздействие оказали на складывание государства Русь норманны, он, как ни странно, разработан довольно слабо. Внимание уделялось, как правило, внешней, событийной стороне – появлению династии, степени присутствия выходцев из Скандинавии в Восточной Европе в IX–X вв. Между тем для уяснения, имели ли скандинавы влияние на темпы и характер образования государства на Руси, необходимо, прежде всего, сопоставить особенности формирования Руси и других славянских государств: если при этом обнаружится некая специфика, и специфические черты окажутся сходны с теми, что имели место при образовании государств в Скандинавии, разговор о влиянии станет предметным.

Ранее Руси сложились государства в Моравии и Хорватии – у славян, которые тесно контактировали с более развитыми франкским и византийским обществами. Что касается Чехии и Польши, то здесь наблюдаются примерно синхронные с Русью процессы государствообразования – в течение конца IX – X в. Для утверждения о каком-то заметном ускорении, которое придало норманнское влияние процессу формирования государственности в восточнославянском регионе, сравнение с другими славянскими странами, таким образом, вроде бы не дает оснований. В сферах социального и политического развития в период государствообразования наблюдается значительное сходство с западнославянскими странами. Подчинение рядового населения власти князей и их дружин, данническая эксплуатация, относительно позднее развитие индивидуальной (частной) земельной собственности – все эти черты свойственны не только Руси и Скандинавии, но и западнославянским государствам<sup>295</sup>. Что касается территориально-политической структуры Киевского государства, то путь ее формирования – через подчинение киевскими князьями в течение конца IX–X вв. «славиний» – аналогичен пути складывания территорий не столь-

295 См.: *Тржешитик Д.* Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; *Флоря Б. Н.* Государственная собственность и централизованная эксплуатация в западнославянских странах в эпоху раннего феодализма // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитой феодализм). М., 1988; *Жемличка П., Марсина Р.* Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991.



ко скандинавских государств, сколько Великой Моравии и Польши (где в качестве ядра государственной территории выступали соответственно земли мораван и гнезненских полян)<sup>296</sup>. В Польше и Чехии происходил процесс смены старых (т.н. «племенных») центров новыми, созданными по инициативе государственной власти<sup>297</sup>; аналогичное явление имело место на Руси<sup>298</sup>. Практически у всех славянских народов решающую роль в это время играли дружины<sup>299</sup>, т.е. и здесь нет специфической русско-скандинавской параллели.

Таким образом, при несомненном значительном участии норманнов во «внешней» стороне государствообразования на Руси, каких-либо следов их фундаментального воздействия, кажется, не обнаруживается. Уместно вспомнить о том, а когда, собственно, формировались государства в Скандинавии.

В Норвегии объединение областей в единое королевство исследователи датируют концом IX – началом X в., но в течение всего X и начала XI столетия это единство было непрочным. Образование единого государства в Дании относят к середине X в. Что же касается Швеции (откуда, судя по археологическим данным, происходило большинство приходивших в Восточную Европу варягов<sup>300</sup>), то здесь формирование государства датируют в лучшем случае концом X – началом XI в., а некоторые ученые считают возможным относить его и вовсе только к XII столетию<sup>301</sup>. Между тем на Руси уже к 940-м гг. сложилась политическая система, охватывающая огромную территорию – от Невы и Ладожского озера до днепровских порогов; под непосредственной властью киевских князей были территории полян, словен, части кривичей, их верховенство признавали еще сохранявшие собственных князей

296 См.: *Раткош П.* Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 81–89; *Łowmiański H.* Początki Polski. Т. 4. S. 445–493; Т. 5. S. 310–504.

297 См.: *Štěpánek M.* Opevněné síliště 8–12 století ve střední Evropě. Praha, 1965; *Флоря Б. Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности... С. 108–111, 117–119; *Королюк В. Д., Литаврин Г. Г.* Заключение // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 260–261.

298 См.: *Горский А. А.* Русь... С. 87–94.

299 См.: Там же. С. 108–111.

300 См.: *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. М., 1985.

301 См.: *Розсдаль Э.* Мир викингов. СПб., 2001. С. 59–70; *Андрощук Ф. А.* От Рагнара Лодброка до Видгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем средневековье) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые Чтения Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 113.

«славинии» древлян, дреговичей, северян, лендзян, радимичей, уличей, другой части кривичей<sup>302</sup>. Подчинение всей восточнославянской территории было завершено киевскими князьями к концу X в., но уже к середине этого столетия они контролировали территорию, несопоставимую по масштабам с владениями каких-либо скандинавских конунгов<sup>303</sup>.

Но, может быть, норманны создавали крупные государственные образования за пределами Скандинавии, в тех краях, куда они уходили в ходе «движения викингов»? Оказывается, что там, где норманны осуществляли экспансию на земли народов, не имевших еще сложившейся государственности, не появлялось не только крупных, но вообще никаких государств. Викинги не создали государств ни в Ирландии, ни в земле пруссов (между низовьями Вислы и Немана), ни в Восточной Прибалтике. Так, в Ирландии, где обитало кельтское население, разделенное на «племенные» объединения во главе с князьями, норманны активно действовали с начала IX века. При этом викинги концентрировались на побережье, сами были разделены на группировки, нередко враждовавшие между собой, заключавшие временные союзы с различными местными предводителями. Никакой тенденции к объединению Ирландии под единой властью они не обнаружили ни в IX, ни в X столетии<sup>304</sup>.

Итак, у норманнов не прослеживаются потенции к созданию крупных государств, сопоставимых с Древнерусским. Значит, эти потенции были у славян? Да, у них шли процессы, ведущие к государствообразованию (см. раздел «Славянское общество от VI к IX столетию»), но государства такого масштаба ведь не создали ни западные, ни южные славяне: при том, что территория расселения тех и других была намного меньше восточнославянской, и у южных, и у западных славян сложилось по несколько государств.

Получается, что оба претендента на роль главных «государствообразователей» – и норманны и славяне – не имели таких государствообразовательных потенций, которые позволили бы создать то сверхкрупное государство, которое мы видим на карте Восточной Европы к середине X столетия. Оно возникает прямо *ex nihilo*... При этом, вновь обращаясь к южным и западным славянам, надо отметить, что их государственность возникала под влиянием развитой государственности соседей: у южных

302 См. раздел «Русь в 40-е годы X века».

303 У скандинавов только в первой половине XI в. имела место попытка создать крупную державу, включающую Данию, Англию и Норвегию, но она не привела к успеху – это объединение распалось после смерти его основателя, датского короля Кнута.

304 См.: *Розсдаль* Э. Мир викингов. С. 193–202.

славян – византийской и (для Хорватии) франкской, у западных – франкской. Для Руси же, где было создано намного более крупное государство, и практически без «запаздывания» по времени появления, таких влияний не просматривается. Византия находилась в отдалении, ее влияние проявится позже (и главным образом в культурной сфере). Еще более отдалена (и отделена западнославянскими землями) была от восточных славян империя франков. Преемственности политических институтов с Хазарией, как говорилось выше, не прослеживается. Остается норманнское влияние, но норманны сами не имели еще государственности... Исследователи вынуждены вращаться в замкнутом кругу: те, кто скажет, что государство создано восточными славянами при некотором участии норманнов, нарвутся на аргумент, что у славян не было тенденций к формированию столь масштабных государств; те, кто станет утверждать, что Русь была создана норманнами при некотором участии восточных славян, получат аргумент, что таких тенденций не было у норманнов, и вообще они не могли быть носителями государственности, поскольку сами еще находились на догосударственной стадии развития.

Представляется, что проблема разрешаема, если акцентировать вопрос: кто конкретно осуществлял объединение всех восточных славян в одно государство? Ответ: это делали наследники Рюрика. Норманны, приходившие в Восточную Европу ранее, ограничивались установлением контроля над отдельными участками торговых путей: на Севере – в Поволховье (и может быть, верхнем Поволжье<sup>305</sup>), на Юге – в земле полян («Русском каганате»). Рюрик после своего прихода установил более масштабную систему власти на Севере, в которой появился такой элемент, как наместничество (черта, в современной политической антропологии считающаяся признаком перехода от вождества к государству). Олег объединил северные территории словен, кривичей и веси (возможно, и мери) с политическим образованием в Среднем Поднепровье и сделал данниками многие «славинии» Юга. Игорь еще более расширил подвластную Киеву территорию на Юге. Позже Ольга непосредственно подчинила Киеву землю древлян и провела реформу налогообложения<sup>306</sup>, Святослав покорил вятичей<sup>307</sup>, а

---

305 Вопрос об установлении норманнского контроля в Верхнем Поволжье сложен отчасти из-за путаницы в Начальном летописании по поводу данничества варягам мери и веси. Археологически следы пребывания норманнов на Верхней Волге прослеживаются с IX столетия, но насколько распространялась там их власть, остается неясным.

306 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

307 Там же. Стб. 65.

Владимир к концу X столетия стал управлять всей территорией Руси через наместников (сыновей)<sup>308</sup>.

Таким образом, объединение действительно осуществляли норманны, но не любые, а варяжские князья, и тоже не всякие, а Рюрик, Олег и Игорь при помощи своих дружинных контингентов. Позднейшие «норманнские вливания» на Русь, прослеживающиеся по данным археологии в течение всего X столетия<sup>309</sup>, носили совершенно иной характер. Это были контингенты викингов, нанимавшиеся русскими князьями для внешних войн. Часть таких варягов погибала в походах, часть возвращалась на родину<sup>310</sup>, часть оседала на Руси, пополняя дружинный слой. Ничего принципиально «государствообразующего» эти варяги внести не могли, поскольку деятельность их была подчинена интересам русских князей.

Итак, нужно различать три волны норманнов в Восточной Европе:

1. «Дорюриковы» норманны. Они пытались взять под контроль участки речных торговых путей (сходно с тем, как действовали их соплеменники на Западе, только там брались под контроль приморские участки). На Севере это имело временный успех (в какой-то момент произошло «изгнание варягов»<sup>311</sup>), на Юге – более постоянный – произошло вокняжение предводителей викингов в «Русском каганате»<sup>312</sup>.

2. Рюрик и его окружение. Именно эти варяги и их потомки под предводительством князей – Рюрика, Олега, Игоря, позже Ольги, Святослава и Владимира – осуществляли объединение всех восточнославянских земель (и территорий некоторых финно-угорских общностей) под единой властью. При них постепенно совершился переход к управлению территориями через наместников, т.е. к новой, уже государственной, территориально-политической структуре.

3. Норманны, приходившие на Русь в X столетии. Они приходили на службу к киевским князьям, играли чисто функциональную роль дополнительной военной силы, и только часть их оседала на Руси.

308 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121.

309 См.: Древняя Русь. Город, замок, село. С. 391–393.

310 См.: *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе; *Он же.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

311 Разумеется, нет оснований относить его к тому же году, когда произошло «призвание» Рюрика, как это делается в летописи. Раздоры между участниками объединения на севере Восточной Европы должны были занять время.

312 Это явно случилось ранее 871 г., когда император Людовик II упоминал в своем письме «кагана норманнов». Возможно, норманнский предводитель возглавил «Русский каганат» незадолго до 860 г., когда был принят «викингский по почерку» поход на Константинополь.

Следовательно, о тенденции к образованию крупного государства можно говорить только по отношению ко второй группе норманнов – Рюрику и его людям.

Для Начального летописания именно появление Рюрика в восточнославянских землях – центральное событие, хотя он и не был князем в Киеве. Историчность Рюрика ныне, кажется, признается всеми исследователями. Его статус родоначальника иногда подвергается сомнению<sup>313</sup>. Однако вымысел летописца здесь заподозрить трудно. Для составителей Начального свода и ПВЛ стержнем истории Руси было княжение в Киеве, а Рюрик не был киевским князем. Если уж сочинять генеалогию, то привязывать ее логичнее было бы к Олегу. Очевидно, генеалогическая связь Игоря именно с Рюриком – один из элементов дружинных преданий, сведениями, почерпнутыми из которых, авторы Начального летописания заполняли начальный период русской истории<sup>314</sup>.

При этом сведений о самом Рюрике и его людях в Начальном летописании крайне мало. Из Начального свода следует только, что они варяги, пришедшие «из-за моря». ПВЛ вносит ряд уточнений. Согласно ее тексту, люди Рюрика назывались *русью*: «Идоша за море къ варягом, к руси, сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же урмани, аныглыне, инѣи и готе, тако и си»<sup>315</sup>. Во вводную часть ПВЛ вставлен, несомненно той же рукой, перечень народов Северной

---

313 Ср.: Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси... С. 92–93. При этом Дж. Шепард высказывается весьма осторожно.

314 Сомнение может вызывать тот факт, что Игорь еще в 945 г. сам ходит в полюдье к древлянам, будучи, если принимать летописную хронологию, старцем. Но, во-первых, доверять летописной хронологии нет оснований, соответственно, нет нужды принимать на веру известие о смерти Рюрика в 879 г. Во-вторых, необходимо учитывать возможность обычного для средневековых генеалогий явления – пропуска поколения. Игорь мог быть внуком Рюрика, об отце которого сведения не дошли, поскольку он не княжил – власть после смерти Рюрика оказалась у Олега. Отсутствие упоминания Рюрика в «Слове о Законе и Благодати» Илариона, на которое часто обращается внимание, не может расцениваться как основание для сомнения в его роли основателя династии: Иларион, вознося похвалу Владимиру, упоминает отца и деда князя («похвалимъ... великааго кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава», см.: БЛДР. Т. 1. СПб., 1997. С. 42), не имея намерения излагать его полную генеалогию (в памятниках литературы Руси XI–XII вв. это не было принято, обычным было указание на отца, максимум – еще и на деда).

315 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14. Ср.: НПЛ. С. 106.

и Западной Европы, включающий те же этнонимы, что названы под 862 г., и помещающий *русь* в определенный географический контекст: после рассказа о разделении земли между сыновьями Ноя, взятом из византийских хроник, перечисляются главные реки Восточной Европы, а затем говорится – «Въ Афетови же части сѣдитъ Русь, чюдь, и вси языць: меря, мурома, всь, мордва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, югра, литва, зимигола, корсь, сѣтьгола, либь. Ляховѣ же и пруси и чюдь присѣдять к морю Варяскому; по сему же морю сѣдять варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдять къ западу до земли Аглянскы и до Волосшькые. Афетово же колѣно и то: варязи, свеи, урмане, готѣ, русь, аглянѣ, галичанѣ, волохове, римлянѣ, нѣмци, корлязи, венецици, фряговѣ, и прочии, присѣдять от запада къ полуденю и съсѣдятся съ племенем Хамовомъ»<sup>316</sup>.

Обращает на себя внимание отсутствие в обоих перечнях датчан (данов). Это тем более странно, что в них представлены не только «равновеликие» им скандинавские народы – свеи (шведы) и урмане (норвежцы), но и готландцы – намного менее значительная, чем даны, общность, и англичане, среди которых норманны составляли лишь часть<sup>317</sup>. В историографии выдвигались предположения, что даны в перечнях все-таки упомянуты, но под другим названием. Согласно одной версии, под «англиянами» имелись в виду не жители Британии, а обитатели Ютландии, прародины англов, которую в эпоху ПВЛ населяли как раз даны<sup>318</sup>; по другому предположению, даны и англо объединены под именем последних ввиду их пребывания под

316 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 4. Ср.: Т. 1. Стб. 4. Упоминание в начале списка варягов может создать впечатление, что они представляют собой отдельный от нижеперечисленных народ. Но из статьи 862 г., где говорится, что «те варяги звались русью, как другие (варяги) зовутся свеями, другие урманамы и т.д.», ясно следует, что варяги – обобщающее название ряда народов. Поэтому и в аналогичном перечне вводной части вводное «варяги» надо рассматривать как общее наименование нескольких названных следом народов. По-видимому, таким же вводным обобщающим этнонимом для следующей упомянутой в том же списке группы народов было «волохове» (см.: *Петрухин В. Я.* «Русь и все языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 13–16).

317 По замечанию Е. А. Мельниковой, в перечень включены «скандинавские народы, создавшие к тому времени [началу XII столетия. – А. Г.] государственные образования» (см.: *Мельникова Е. А.* Балтийская политика Ярослава Мудрого // *Ярослав Мудрый и его эпоха.* М., 2008. С. 85). Но даны в их число входили, и, тем не менее, в списке они отсутствуют.

318 См.: *Фомин В. В.* Варяги... С. 422–423.

одной властью (датских конунгов)<sup>319</sup>; наконец, по третьей версии даны подразумеваются под названием «урмане»: оно включало в себя как норвежцев, так и датчан, поскольку во время составления Начального летописания Норвегия находилась под властью Дании<sup>320</sup>. Все эти трактовки не могут быть признаны основательными. Дания и даны на Руси обозначались как *донь*; наиболее ранние фиксации этого термина присутствуют в новгородском летописании под 1130 и 1134 гг.<sup>321</sup>, т.е. в ту же эпоху, когда составлялась ПВЛ. *Урманами/мурманами* именовали только норвежцев<sup>322</sup>. Утверждение о власти Дании над Норвегией во время написания летописи – недоразумение. Такие периоды имели место в первой половине XI в., последний – в 1028–1035 гг., т.е. за восемь десятков лет до составления ПВЛ (а рассматриваемые перечни народов появились только в ней, в Начальном своде конца XI в. их еще нет, в гипотетических более ранних сводах не было тем более). К той же эпохе (1016–1042) относится власть датских конунгов над Англией. Что касается «англян», то перед перечнем народов во вводной части ПВЛ говорится о проживании варягов на запад «до земли Аглянски и до Волосшьские». Речь идет явно о Британии и государствах – наследниках Франкской империи<sup>323</sup>, где во времена летописца существовали политические образования с правителями норманнского происхождения во главе – Английское королевство, герцогства в Северной Франции (Нормандия) и Южной Италии. Об англах на Руси хорошо знали, т.к. первая жена Владимира Мономаха, князя, при котором была оформлена ПВЛ в дошедшем до нас виде, была дочерью англосаксонского короля. Таким образом, под именами англов или урман даны скрываться не могли, и остается признать – в обоих перечнях даны не упомянуты. Может ли этот факт быть вызван неосведомленностью летописца, отдаленностью Дании от Руси? Нет, это исклю-

319 *Ловмянский Г.* Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Вып. 7. Таллин, 1963. С. 248; *Кузнецов Е. В., Минеева Т. Г.* Англяне ПВЛ // Политическая жизнь Западной Европы: Античность, средние века, новое время. Арзамас, 2004.

320 *Петрухин В. Я.* «Русь и вси языци»... С. 71.

321 НПЛ. С. 22–23.

322 См.: Там же. С. 77, 291, 403, 411–412, 424, 426.

323 Этноним «волохи» обозначал франков, см.: *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 25–27; *Свердлов М. Б.* К изучению моравских исторических произведений в составе «Повести временных лет» // Феодалная Россия: новые исследования. СПб., 1993. С. 19; *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск, 1995. С. 21.

чено. Есть немало сведений о датско-русских связях<sup>324</sup>. В начале XI в. одна из сестер датского конунга Кнута Великого была некоторое время замужем за русским князем<sup>325</sup>. Конунг Дании Свейн Эстридсен устраивал в начале 1070-х гг. брак своей племянницы Гиты, дочери последнего англосаксонского короля Гаральда, укрывшейся в Дании после завоевания Англии нормандским герцогом Вильгельмом в 1066 г., с Владимиром Всеволодичем Мономахом<sup>326</sup>. Адам Бременский в своих «Деяниях архиепископов Гамбургских» неоднократно упоминает о торговых связях Дании с Русью (причем ссылаясь на информацию, полученную от датчан)<sup>327</sup>. Внучка Владимира Мономаха, дочь его старшего сына Мстислава Ингибьорг была выдана замуж за Кнута Лаварда, сына датского короля, позже женой его брата Эйрика стала другая Мстиславна – Малфрид<sup>328</sup>. Новгородское летописание под 1130 и 1134 гг. упоминает торговые поездки новгородцев «в Донь»<sup>329</sup>. То есть Данию очень хорошо знали и в Новгороде, и в Киеве. Тем не менее в оба перечня «варяжских» народов даны не вошли. В то же время в них фигурирует *русь*.

Перечни включили в себя те скандинавские (относимые к «варягам») народы, которые известны и другим источникам домонгольской эпохи: это свеи (шведы) и урмане (норвежцы)<sup>330</sup>, а также готы (готландцы), с которыми Новгород поддерживал особенно тесные торговые отношения<sup>331</sup>. Но, как указано выше, новгородское летописание знает также и *донь* (датчан), но в рассматриваемые перечни этот этноним не включен. Таким образом, название *русь* поставлено там, где, исходя из всего, что мы знаем о русско-скандинавских связях эпохи сооставления ПВЛ, следовало бы ожидать упоминания данов. Более того,

324 См. о них: *Свердлов М. Б.* Дания и Русь в XI в. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970.

325 См. об этом с разбором гипотез о личности этого князя: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 476–499.

326 См.: Там же. С. 522–524.

327 *Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* II, 22; IV, 11. Hannover, 1917. P. 80, 240. См. также: *Свердлов М. Б.* Известия о русско-скандинавских связях в хронике Адама Бременского // Скандинавский сборник. Вып. 12. Таллин, 1967.

328 См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М., 2006. С. 247.

329 НПЛ. С. 22–23.

330 Ср. упоминания тех и других в новгородском летописании: Там же. С. 26, 31, 77.

331 См.: Там же. С. 22, 39; ГВНП. № 28. С. 55; № 29. С. 57.



если усматривать в перечне, помещенном во вводной части, географическую последовательность, русь, названная между готами и «англичанами», также оказывается на месте данов: вначале упоминаются – с востока на запад – варяги, жившие на Скандинавском полуострове (свейи и урмане), затем составитель перечней идет также с востока на запад, но южнее, называя «варягов», обитавших на островах – готов и англичан<sup>332</sup>. Между ними единственными «варягами» остаются даны (также частично занимавшие островное положение).

Учитывая несомненно хорошую осведомленность летописца о народах Северной Европы и данах в частности, приходится признать: *русь* (с точки зрения летописца – люди Рюрика) была сознательно поставлена на место данов. А это значит, что в представлении летописца Рюрик и его дружина были данами. Поскольку они рассматривались, естественно, как только часть данов, то упомянуть рядом *донь* было нельзя – в этом случае *русь* и *донь* оказывались разными народами. Не имея возможности входить в длительные разъяснения (перечни этнонимов и так являются достаточно пространными отступлениями от канвы текста), летописец поставил часть вместо целого – *русь* на место данов.

Как говорилось выше (см. раздел «Русь после Рюрика»), при составлении ПВЛ предпринимались определенные изыскания, в ходе которых были привлечены новые источники информации: договоры с Византией, позволившие установить княжеский статус Олега, предания о первых князьях, из которых были взяты сведения о подчинении Олегом славянских группировок и о смерти князя. Откуда могла быть почерпнута информация о датском происхождении Рюрика<sup>333</sup>? Чтобы

---

332 Отнесение «англичан» к варягам связано, по-видимому, как с фактом правления в Англии норманнской династии, так и с колонизацией выходцами из Скандинавии (начиная еще с IX в.) значительной части территории страны.

333 Существует мнение, что помещение *руси* на Севере Европы в ПВЛ восходит к еврейскому хронографу X в. – «Иосиппону», где *русь* упомянута рядом с англами (см.: Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси... С. 25–36). Такая локализация могла бы подвинуть к предположению о северном происхождении *руси*, но не к подстановке ее на место данов, которые в «Иосиппоне» упоминаются (см.: Там же. С. 39). Однако одного соседства Руси с англами в данном источнике кажется недостаточно для суждений о связи его информации с ПВЛ. В «Иосиппоне» не упомянуты ни свейи, ни урмане, ни готы, ни галичане, ни волхва, ни немцы, ни корлязи, ни фряги. Есть только римляне, для знания о которых необязательно было знакомство с «Иосиппоном», и Венетик (Там же. С. 36–40). Об англах же составители ПВЛ прекрасно должны были знать также без «Иосиппона», поскольку англичанкой была первая жена Владимира Мономаха.

попытаться ответить на этот вопрос, нужно вначале определить, чьей руке принадлежат рассматриваемые перечни народов с упоминанием руси, и когда они были записаны.

А. А. Шахматов считал, что отнесение руси к «варяжским» народам появилось под пером автора ПВЛ – Нестора<sup>334</sup>. Однако А. Н. Насонов, а вслед за ним Б. А. Рыбаков и М. Х. Алешковский пришли к выводу, что это результат работы редактора Повести. Основанием для такого заключения послужил явно вставной характер перечня народов Северной и Западной Европы во вводной части ПВЛ<sup>335</sup>. В пользу справедливости вывода о принадлежности перечней редактору говорит и еще одно обстоятельство. В статье 862 г. утверждается, что власть Рюрика распространялась на Полоцк, Ростов и Муром, и в качестве населения Полоцка указываются *кривичи*: «И раздая мужемъ своимъ волости и города рубити, овому Польшескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро; и по тѣмъ городомъ суть находницѣ варязи, пѣрвии населници в Новѣгородѣ словенѣ, и в Полотѣскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣлѣозерѣ весь, Муромѣ мурома»<sup>336</sup>. Между тем во «вводной части» фигурируют три перечня восточнославянских общностей, в которых называются не *кривичи*, а *полочане*: «Тако же и тѣ же словѣне пришедше сѣдоша по Днѣпру и наркошася поляне, а друзии деревляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межи Припѣтью и Двиною и наркошася дреговичи; а инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчкы ради, яже втечетъ въ Двину, именовъ Полота, отъ сея прозвашася полочанѣ. Словѣне же сѣдоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ именовъ, и сдѣлаша городъ и нарекоша и Новѣгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи и по Сулѣ, и наркошася сѣверо»<sup>337</sup>; «И по сеи братѣи почаша дѣржати родъ ихъ княжение в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дръговичи свое, а словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже и полочанѣ»<sup>338</sup>; «Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, новѣгородьци, полочане, дръговичи, сѣверо, бужане,

334 Шахматов А. А. Разыскания... С. 298–300, 339–340.

335 Насонов А. Н. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием Древнерусского государства // Проблемы источниковедения. Вып. 7. М., 1959. С. 450; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 220–221, 295; Алешковский М. Х. Первая редакция Повести временных лет // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 19.

336 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; ср.: Т. 1. Стб. 20. В Начальном своде этого фрагмента нет (см.: НПЛ. С. 106).

337 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 5; ср.: Т. 1. Стб. 6.

338 Там же. Т. 2. Стб. 8; ср.: Т. 1. Стб. 10.

зане съдять по Бугу, послѣ же волыняне»<sup>339</sup>. Кривичи же упоминаются во вводной части ПВЛ во фрагментах, явно имеющих вставной характер. Второй из приведенных перечней после слов «иже и полочанѣ» продолжен словами: «Отъ сихъ [в *Лавр.* — „от нихъ“] же и кривичи, иже съдять на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины и на вѣрхъ Днѣпра, ихъ же и городъ есть Смолѣнскъ; туда бо съдять кривичи», после чего добавлено «Таже сѣверо отъ нихъ»<sup>340</sup>, из-за чего получилось, что северяне, как и кривичи, происходят от полочан. Далее, после рассказа о нравах славянских группировок, перечень которых на сей раз сильно отличается от предыдущих (в него, помимо полян, древлян и северян, включены радимичи и вятичи, но отсутствуют дреговичи и словене), добавлено: «Си же обычаи творяху и кривичи и прочии погани, не вѣдуще закона Божиа, но творяще сами себѣ законъ»<sup>341</sup>. Таким образом, применение этнонима *кривичи* свойственно было не автору, а редактору ПВЛ. И раз именно он употребляется в добавочных (в сравнении с Начальным сводом) к тексту «варяжской легенды» чтениях ПВЛ, эти чтения, включая перечень варяжских народов с упоминанием руси, следует связывать с работой редактора.

К какому времени относятся данные вставки? А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков и М. Х. Алешковский связывали их с т.н. «третьей», по терминологии А. А. Шахматова, редакцией ПВЛ<sup>342</sup>. В наше время точку зрения на существование «третьей» редакции развивает А. А. Гиппиус. По его мнению, «третья» редакция дошла в составе Ипатьевской летописи, а в т.н. «вторую» редакцию, представленную Лаврентьевской летописью (А. А. Гиппиус считает ее не редакцией, а выполненной игуменом Сильвестром копией оригинала ПВЛ), были перенесены некоторые дополнения, сделанные в «третьей» редакции<sup>343</sup>. Существует иная точка зрения, согласно которой «третьей» редакции не существовало, и все вставки в первоначальный текст ПВЛ принадлежат редакции Сильвестра<sup>344</sup>. Таким образом, фрагменты, в которых *русь* упоминается

339 Там же. Т. 2. Стб. 8; ср.: Т. 1. Стб. 11.

340 Там же. Т. 2. Стб. 8; ср.: Т. 1. Стб. 10.

341 Там же. Т. 2. Стб. 10; ср.: Т. 1. Стб. 14.

342 Насонов А. Н. Начальные этапы киевского летописания... С. 450–452; Он же. История русского летописания XI–XVIII века. М., 1969. С. 65–68; Рыбаков Б. А. Древняя Русь... С. 294–296; Алешковский М. Х. Первая редакция... С. 18–20.

343 Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 27–43.

344 Müller L. Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronic // Festschrift für Margarete Wolter zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967; Творогов О. В.

среди «варяжских» народов, были внесены не ранее 1116 г. (время составления «сильвестровой» редакции<sup>345</sup>) и не позже 1119 г. (максимально поздняя датировка «третьей» редакции<sup>346</sup>). Автор вставок, был ли это составитель «третьей» редакции или Сильвестр, являлся лицом, близким к Владимиру Мономаху и его старшему сыну Мстиславу, в чье новгородское княжение он бывал на Севере Руси, где записал местные предания, изложенные в статьях ПВЛ 1096 и 1114 гг.<sup>347</sup>.

Датировка вставок в текст ПВЛ, располагающих *русь* на месте данов, временем от 1116 до 1119 г. примечательна тем, что оказывается очень близка по времени с важным событием в истории русско-датских контактов – упомянутым выше замужеством дочери Мстислава Владимировича (т.е. того самого князя, с которым был связан редактор ПВЛ, сделавший интересующие нас вставки) Ингибьорг с Кнудом Лавардом. По поводу датировки этого события высказывались различные мнения<sup>348</sup>. Между тем есть данные для точного ее определения. «Сага о Кнютлингах», содержащая подробный рассказ о сватовстве Кнута, относит его к периоду, когда Кнут являлся ярлом (герцогом) Шлезвига, а местом пребывания Мстисла-

Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In *metoigiam*: сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.

- 345 Оно устанавливается точно на основании приписки Сильвестра, дошедшей в составе Лаврентьевской и близких к ней летописей: «Игумень Силивестръ святаго Михаила написах книги си лѣтописець... въ 6624 индикта 9 лѣто» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 286).
- 346 Так датировал «третью» редакцию М. Х. Алешковский (см.: *Алешковский М. Х.* Первая редакция... С. 24–25). Датировка А. А. Шахматова – 1118 г. (*Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. С. II–X), А. А. Гиппиуса – 1117 г. (см.: *Гиппиус А. А.* К проблеме редакций Повести временных лет. I. С. 40–41).
- 347 Принадлежность этих статей редактору признается всеми исследователями, расхождения касаются лишь вопроса, что это за редактор – Сильвестр или составитель «третьей» редакции.
- 348 1115 – начало 1117 г. (см.: *Dąbrowski D.* Genealogia Mściślawowiczów: Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku). Kraków, 2008. S. 98–100); после 1115/23 г. (см.: *Назаренко А. В.* Кнут Лавард, Лотарь III и Мстислав Великий // *Висы дружбы: Сб. статей в честь Т. Н. Джаксон.* М., 2011. С. 286, 289); около 1120 г. (см.: *Донской Д. В.* Рюрикoviчи: исторический словарь. М., 2008. С. 483); 1120-е гг. (см.: *Raffensperger Chr.* Russian Influence on European Onomastic Tradition // *Именослов: Историческая семантика имени.* Вып. 2. М., 2007. С. 127; в более поздней работе автор изменил мнение о дате на «около 1115 г.», см.: *Raffensperger Chr.* Dynastic Marriage in Action: How Two Russian Princesses Changed Scandinavia // *Именослов: История языка. История культуры.* М., 2010. С.197).

ва на момент, когда к нему прибыл Видгаут, доверенное лицо Кнута, называет Хольмгард (Новгород)<sup>349</sup>. Герцогом Шлезвига Кнут стал в 1115 г.<sup>350</sup>. Мстислав же был новгородским князем до 17 марта 1117 г., когда он отбыл в Киев, где стал фактическим соправителем отца (при формальном княжении в Белгороде)<sup>351</sup>. Посольство, ведшее переговоры о браке, прибыло в Новгород морским путем. Если бы оно отправилось в 1117 г., то, учитывая время начала навигации на Балтике, до 17 марта добраться до Новгорода не смогло бы. Можно, правда, сомневаться по поводу точности указания «Саги о Кнютлингах» на Хольмгард, поскольку этот топоним в Скандинавии иногда воспринимался как условное наименование главного города Руси<sup>352</sup>. Но, во-первых, та же «Сага о Кнютлингах», говоря о пребывании Ингибьорг у отца на Руси позже, в 1131 г., когда Мстислав был уже киевским князем, помещает его не в Хольмгард, а в «Гардарики» (как называли Русь вообще)<sup>353</sup>. Кроме того, есть и другие данные, позволяющие определить верхнюю дату брака Ингибьорг и Кнута. Вскоре после гибели последнего, в 1131 или самое позднее в 1132 г., имело место сватовство норвежского конунга Магнуса к старшей дочери Кнута и Ингибьорг<sup>354</sup>. Следовательно, невесте к этому времени уже минуло 12 лет<sup>355</sup>, и родилась она не позже 1119 г. Соответственно брак мог быть заключен самое позднее в 1118 г. Это столь близко ко времени ухода Мстислава из Новгорода, что серьезных оснований подвергать сомнению известие «Саги о Кнютлингах» о прибытии Видгаута к князю именно в Хольмгард не остается. Таким образом, женитьба состоялась до 1117 г. Из рассказа об этом со-

349 Danakonunga sögur (Skjöldunga saga. Knyttlinga saga. Ágrip af sögu Danakonunga). Reykjavík, 1982. S. 246–247; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 2000. 234–235, 239–241.

350 Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 16. Hannoverae, 1859. P. 401 (Annales Ryenses); Dąbrowski D. Genealogia Mściśławowiczów... S. 99–100.

351 НПЛ. С. 20; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284.

352 Ср.: Назаренко А. В. Кнут Лавард, Лотарь III и Мстислав Великий. С. 289, прим. 14.

353 Danakonunga sögur... S. 256; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги... С. 235, 241. Ср.: Lind J. H. The Martyria of Odense and a Twelfth-Century Russian Prayer: The Question of Bohemian Influence on Russian Religious Literature // The Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. № 1. P. 16, note 43.

354 Saxonis Gesta Danorum. XIII, 8. Hauniae, 1931. P. 360; Dąbrowski D. Genealogia Mściśławowiczów... S. 100.

355 Более ранние замужества были исключительными случаями (см., напр.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658).

бытии в «Саге о Кнютлингах» ясно, что в первый год правления Кнута в Шлезвиге – 1115 г. – оно произойти не могло: сначала Видгаут (прусс по происхождению) прибыл к Кнуту в Шлезвиг, был им крещен и провел там зиму; лишь по ее прошествии он отправился в Хольмгард<sup>356</sup>. Следовательно, свадьба могла состояться только в 1116 году. Учитывая морской способ передвижения, вероятнее всего, что Видгаут появился в Новгороде в конце весны, а свадебное посольство было отправлено летом.

Итак, редакция ПВЛ, в которой первоначальная *русь* – люди Рюрика – помещалась на место данов, была составлена либо через один-три года после заключения брака Кнута и Ингиборг (если это была «третья» редакция), либо в том же году (если верна версия, приписывающая всю редакторскую работу Сильвестру). Невесту сопровождали, согласно «Саге о Кнютлингах», посланные ее отцом «прекрасные спутники»<sup>357</sup>. Пребывание приближенных Мстислава Владимировича в Дании было самым подходящим временем для получения информации о происхождении его варяжского предка.

Какие сведения о Рюрике могли получить люди Мстислава<sup>358</sup> при дворе датского герцога?

В Дании хорошо знали тезку Рюрика – одного из видных предводителей викингов IX века Рёрика (лат. Roricus), представителя династии Скъельдунгов, правившей в стране до X столетия. Его биография

---

356 Danakonunga sögur... S. 245–246; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги... С. 234–235, 239–240.

357 Danakonunga sögur... S. 246; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги... С. 235, 241.

358 Нельзя исключить и возможность, что сам редактор ПВЛ входил в состав посольства. Из статьи 6622 (1114) г. известно, что он добывал информацию, вошедшую затем в летописный текст, в ходе личных путешествий (в ней редактор рассказывает о своем пребывании в Ладоге и излагает услышанные там предания, см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277–278; с пребыванием редактора в Ладоге связывается упоминание этого города в качестве первого места княжения Рюрика, присутствующее в текстах ПВЛ по Ипатьевской и Радзивилловской летописям, см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; Т. 38. С. 16). Путешествие в Ладогу в ПВЛ датировано 1114 г., но события, связанные с ним – построение крепостей в Новгороде и Ладоге – в Новгородской первой летописи отнесены к 1116 г., и существует мнение, что поездка летописца в Ладогу имела место в этом году (см.: Алешковский М. Х. Первая редакция... С. 23–25). Если это так, то пребывание редактора в Ладоге, описанное в ПВЛ, могло быть частью путешествия в Данию (Ладога представляла собой крайний северный пункт на водном пути из Новгорода в Балтику, из нее маршрут следовал на запад в Неву и далее в Финский залив).

реконструируется в основном по франкским источникам, упоминающим о деяниях Рёрика за период с конца 830-х до начала 870-х гг. (см. подробно ниже). Но о Рёрике помнили и в Дании XI–XII вв. За 40 лет до ПВЛ он неоднократно упоминается Адамом Бременским, который при описании событий IX столетия прямо ссылался на информацию, полученную от конунга Свейна Эстридсена (деда Кнута Лаварда)<sup>359</sup>. В конце XII в. о Рёрике также немало говорится в «Деяниях данов» Саксона Грамматика<sup>360</sup>. Посольство Ингибьорг прибыло в Шлезвиг, т.е. в Южную Ютландию, откуда Рёрик был родом и где одно время он безуспешно пытался захватить власть<sup>361</sup>. Помещение людей Рюрика – первоначальной *руси*, по мнению редактора – на место данов могло, таким образом, стать результатом получения им при дворе Кнута Лаварда информации о Рёрике «Ютландском».

Приведенные наблюдения позволяют полагать, что версия о датском происхождении родоначальника древнерусской княжеской династии появилась не в начале XIX столетия, как традиционно считается<sup>362</sup>, а семью веками ранее<sup>363</sup>. И основанием для нее послужили све-

359 Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. I, 15 (17), 37 (39), 48 (50). P. 21, 39, 48. Адам ошибочно называет Рёрика Хориком, путая его имя с тем, которое в IX веке носили два конунга, правивших в Дании. Но в двух случаях упоминания деятеля с таким именем из контекста ясно, что речь идет о Рёрике.

360 Saxonis Gesta Danorum. III, 4, 5. P. 73–75.

361 Annales Bertiniani. Hannoverae, 1883. A. 855. P. 45; Annales Fuldenses. Hannoverae, 1891. A. 857. P. 47.

362 Первая работа, в которой Рюрик был отождествлен с Рёриком «Ютландским», вышла в 1816 г., см.: *Hollmann H. Fr. Rustringen, die ursprüngliche Heimat der ersten russischen Großfürsten Ruriks und seiner Bruder. Ein historischer versuch.* Bremen, 1816.

363 С точки зрения хронологии даже максимально ранняя версия датировки редакции ПВЛ, поместившей *русь* на место данов, при которой эта редакция отождествляется с «редакцией Сильвестра», не противоречит предлагаемой реконструкции событий: приписка Сильвестра о завершении летописи была сделана до конца 6624 г., т.е. ранее 1 марта 1117 г. У редактора после летнего путешествия посольства на Север оставалось достаточно времени для работы в 1116 и начале 1117 г. Впрочем, представляется маловероятным, чтобы именно Сильвестр, игумен киевского монастыря (он упоминается в качестве выдубицкого игумена уже летом 1115 г., см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 280), был тем, кто совершил поездку на Север Руси и оставил описание рассказов о нем, помещенных под 1096 и 1114 гг. Учитывая особое внимание редактора к Мстиславу Владимировичу (см.: *Гинтцус А. А.* К проблеме редакций Повести временных лет. I. С. 39–40),

дения, полученные из самой Дании<sup>364</sup>. Подобно тому, как упоминание Ладоги в качестве первого места княжения Рюрика стало результатом пребывания редактора ПВЛ в этом городе<sup>365</sup>, помещение *руси* Рюрика на место датчан было связано, скорее всего, с информацией, добытой «за морем».

Косвенным свидетельством в пользу «датской» версии происхождения Рюрика в историографии<sup>366</sup> признается упоминание об изгнании варягов, бравших дань со словен и их соседей. Варягами, взимавшими дань, были, скорее всего, викинги из Средней Швеции – Свеаланда, области Скандинавии, наиболее близкой к региону Поволжья и Приладожья. Следовательно, маловероятно, чтобы князя стали приглашать от тех же варягов, которых изгнали. Соответственно, приглашение предводителя «других» варягов – датских – оказывается вполне логичным<sup>367</sup>.

---

кажется вероятным, что он достаточно продолжительное время провел в Новгороде при этом князе. Поэтому помещение *руси* на место данов, скорее всего, принадлежит «третьей» редакции, составитель которой работал не ранее 1117 г.

364 Тот факт, что эта информация в тексте ПВЛ нашла отображение лишь в виде намека – помещения *руси* Рюрика на место данов, не должен удивлять в свете малого внимания летописцев к североевропейскому направлению внешней политики Руси (в древнерусских источниках, как известно, нет упоминаний ни об одном эпизоде матримониальных связей Рюриковичей со скандинавскими правителями).

365 Напомним, что по Начальному своду Рюрик сразу же садится на княжение в Новгороде (НПЛ. С. 106). Согласно ПВЛ по Ипатьевской и Радзивилловской летописям, вначале он сел в Ладоге, а через два года построил Новгород и перешел княжить туда (см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; Т. 38. Стб. 16). В Лаврентьевской летописи название города, где сел Рюрик, пропущено (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20). По-видимому, первоначально в ПВЛ текст «варяжской легенды» не отличался от содержавшегося в Начальном своде. Составитель «Мстиславовой» редакции серьезно дополнил его, внося в том числе и упоминание о первоначальном княжении Рюрика в Ладоге. При последующей правке экземпляра ПВЛ, к которому восходит «лаврентьевский» вариант, это поновление (в отличие от других – отождествления варягов Рюрика с *русью*, перечня «варяжских» народов, упоминания Полоцка и иных якобы подвластных Рюрику городов) внесено не было.

366 См.: Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Варяги и Русь // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193–194; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 109.

367 Активность данов в ходе «движения викингов» была направлена в основном на Запад; но они достигали и Восточной Прибалтики: есть архео-



Из скандинавских народов именно даны в IX столетии наиболее тесно контактировали с тогдашним центром цивилизации Западной Европы – Франкской империей и государствами – ее наследниками. В связи с этим заслуживает внимания факт соотнесения *руси* с франками, имеющий место в двух византийских хрониках середины X века, где встречаются определения *руси* как происходящей «от рода франков» – ἐκ γένους τῶν Φράγγων. Это Хроника Продолжателя Феофана и Хроника Симеона Логофета в двух (из трех известных) ее редакциях – Хронике Георгия Амартола (с продолжением) по Ватиканскому списку («Ватиканский Георгий») и Хронике Псевдо-Симеона. Фрагментов с указанным определением *руси* в этих памятниках два. Один присутствует в обоих и находится в рассказе о нападении на Константинополь киевского князя Игоря в 941 г.

...οἱ Ῥῶς κατὰ Κωνσταντινουπόλεως μετὰ πλοίων χιλιάδων δέκα, οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται<sup>368</sup>.

...*Русы приплыли к Константинополю на десяти тысячах кораблей, которых называют также дромитами, происходят же они от рода франков.*

логические и письменные свидетельства об их попытках закрепиться в земле куршей (см.: *Андрощук Ф. А.* От Рагнара Лодброка до Видгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем средневековье) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004). Присутствие выходцев именно из Дании фиксируется и на Руси: так, самое раннее из т.н. «камерных погребений» (скорее всего, являвшихся захоронениями членов дружин первых русских князей) – погребение в кургане № 11 урочища Плакун в Старой Ладоге, относящееся к концу IX в. (т.е. ко временам Рюрика и его людей), имеет сходство с аналогичными погребениями Южной Ютландии (см.: *Назаренко В. А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985; *Михайлов К. А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде Плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Вып. 10. Новгород, 1996; *Он же.* Древнерусские элитарные погребения X – начала XI в. (по материалам захоронений в погребальных камерах): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005).

368 Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnæ, 1838. P. 423. 15–17 (Продолжатель Феофана); *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя... Т. 2. С. 60. 26–27 («Ватиканский Георгий»). В хронике Псевдо-Симеона другой порядок слов, чем у Продолжателя Феофана и в «Ватиканском Георгии», а также вместо καθίστανται – ὄντες (см.: Theophanes continuatus... P. 747. 12–14).

Другой фрагмент имеется только в редакции Псевдо-Симеона; он расположен здесь в тексте, повествующем о событиях начала X столетия.

Ῥῶς δὲ, οἱ καὶ Δρομίται, φεράνωμοι ἀπὸ Ῥῶς τινὸς σφοδροῦ διαδραμόντος ἀπλήχηματα τῶν χρησαμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινὸς καὶ ὑπερσχόντων αὐτοὺς, ἐπικέκληνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσεγένετο. Ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται<sup>369</sup>.

*Русы, или еще дромиты, получили свое имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться. Происходят же они от рода франков<sup>370</sup>.*

И Хроника Симеона Логофета, и Хроника Продолжателя Феофана создавались в византийских придворных кругах. Окончательное оформление в дошедшем до нас виде они получили в 960-е гг., но текст, содержащий рассказ о событиях 941 г., относится к третьим частям обеих хроник, которые отличаются текстуальным сходством (в силу чего исследователи полагают, что у них был общий источник) и охватывают период 913–948 гг.; поэтому завершение работы над этими частями датируют 948 г.<sup>371</sup> Второй фрагмент с упоминанием руси «от рода франков» отсутствует в других редакциях Хроники Логофета, кроме редакции Псевдо-Симеона, поэтому он должен быть признан вставкой, сделанной составителем этой редакции, уже в 960-е гг.<sup>372</sup>

369 Theophanes continuatus... P. 707. 3–7.

370 Помимо приведенного варианта перевода данного отрывка (см.: *Николаев В. Д.* Свидетельство Хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // *Византийский временник*. Вып. 42. М., 1981; *Бибииков М. В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. 1. М., 2004. С. 72) существует другой (см.: *Карпозилос А.* Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // *ВВ*. Т. 49. М., 1988. С. 117), но фразы о происхождении Руси от франков различия переводов не касаются (споры вызывает пассаж о происхождении названия «рос»): она полностью совпадает с той, которая присутствует во всех трех рассматриваемых текстах при описании событий 941 г.

371 См.: *Каждан А. П.* Хроника Симеона Логофета // *ВВ*. Т. 15. М., 1959; *Он же*. Из истории византийской хронографии X в. 1. О составе так называемой «Хроники Продолжателя Феофана» // Там же. Т. 19. М., 1961.

372 В историографии в связи с этим фрагментом оживленно обсуждались вопросы, связанные с интерпретацией происхождения названий «рос» и

Первоначальным следует считать упоминание о происхождении руси от франков, общее для двух редакций Хроники Логофета и Хроники Продолжателя Феофана, – в рассказе о походе Игоря 941 г. Следовательно, появилось данное определение руси либо около 948 г., либо несколько ранее, но не раньше 941 г.

Обычно это определение рассматривается как свидетельство о варяжском, скандинавском происхождении руси. Например, в новейшем своде византийских известий о Руси читаем: «О скандинавском происхождении росов прямо говорят... византийские источники X в.: это – Константин Багрянородный, хроника Псевдо-Симеона, Георгий Амартол (по Ватиканскому списку), Продолжатель Феофана. Славянские переводы соответствующих хронографических пассажей меняют этноним „франки“ в греческом оригинале на „варягов“»<sup>373</sup>. Однако очевидно, что позднейший перевод древнерусским книжником «франков» как «варягов» (имеется в виду перевод Хроники Амартола с продолжением, сделанный на Руси в конце XI или самом начале XII в.<sup>374</sup>) не может служить аргументом в пользу того, что автор греческого оригинала имел в виду под «франками» скандинавов. Такой перевод связан с существованием в конце XI – начале XII в. на Руси представления (отразившегося в ПВЛ), что первоначальной *русью* были варяги, пришедшие в Восточную Европу с Рюриком. Это представление никак не могло, естественно, повлиять на представления византийских хронистов середины X столетия. Они же свидетельствуют о происхождении руси не от скандинавов, а от франков. Усмотреть здесь во *Φράυουι* искаженное *Βαράυουι* («варяги») невозможно: последний термин, во-первых, появляется в Византии только с XI столетия, во-вторых, носил не этнический, а функциональный характер, будучи наименованием воинов скандинавского происхождения, находящихся

---

«дромиты», а также с возможной связью фрагмента с походом Олега на Константинополь 907 г.; см. из последних работ: Николаев В. Д. Свидетельство Хроники Псевдо-Симеона...; Карпозилос А. Рос-дромиты...

373 Бибииков М. В. *Byzantinorossica*... Т. 1. С. 55–56.

374 См.: Истрин В. М. Книги временья и образья... Т. 1. Пг., 1920. С. 567. Множественное число – «славянские переводы» – в данном случае неуместно, так как другой славянский перевод (вероятно – болгарский XIV в.) Хроники Симеона Логофета фразы о происхождении Руси от франков не содержит, поскольку делался он с той редакции хроники, в которой данного пассажа нет (см.: Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия и летописи собран от различных летописец. СПб., 1905. С. 140).

ся на службе в Империи; в X же столетии наемники, приходившие в Византию с территории Руси, определялись только через понятие «Рос»<sup>375</sup>. Кроме того, франки были слишком хорошо известным в Византии народом, чтобы можно было допустить такую ошибку.

Согласно другой трактовке определения «от рода франков», оно имеет в виду языковое родство руси и франков, указывая тем самым на германоязычие *руси*<sup>376</sup>. Однако в источниках говорится не о сходстве языков, а о том, что *русь* происходит (*καθίσταται*) «от рода франков». Следовательно, указание на германоязычие руси можно было бы усмотреть здесь только в случае, если бы в византийской литературе середины X столетия прослеживалось применение понятия «франки» ко всем народам германской языковой группы. Однако ничего подобного там нет. Хроники Продолжателя Феофана и Симеона Логофета прилагают этот термин к государствам – наследникам империи Каролингов и их населению<sup>377</sup>. В византийской литературе того времени действительно бытовало расширительное значение слова «франки», но иное – под франками могли подразумеваться обитатели этих государств независимо от их этноязыковой принадлежности<sup>378</sup>.

Никакого отношения к германоязычию и вообще к языковой принадлежности определение «франки», таким образом, не имело<sup>379</sup>. Оно

375 См.: *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI–XII вв. // *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 1. СПб., 1908; *Паушто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 62, 65, 68–69, 74.

376 См.: *Ловмянский Х.* Русь и норманны. С. 210; *Scramm G.* Altrusslands Anfang. Freiburg im Breisgau, 2002. S. 109 (автор по недоразумению пишет, что пассаж о происхождении Руси от франков содержится в рассказе о русском походе на Константинополь 860 г.).

377 *Theophanes continuatus...* P. 135, 293, 431 (Продолжатель Феофана), 694–695, 748, 917 (Псевдо-Симеон); *Истрин В. М.* Книги временных и образных... Т. 2. С. 62.

378 См.: *Ohnsorge W.* Abendland und Byzanz. Weimar, 1958. S. 227–254; КБ. С. 337 (комм. 3 к главе 13), 354 (комм. 5 к главе 26), 360 (комм. 1 к главе 28). «Франками» могло называться население территорий, находившихся в IX–X вв. под властью Каролингов, даже если речь шла об эпохе, когда франки на них еще не появились: у Константина Багрянородного так поименованы жители Италии времен Аттилы (КБ. С. 106–107).

379 В ту эпоху еще не существовало представлений о германской группе языков; сами понятия «германцы» и «Германия» в Византии в X в. имели более узкий смысл, чем понятия «франки» и «Франгия»: они применялись по отношению только к той части франкских владений, которая располагалась к востоку от Среднего Рейна (см.: *Ohnsorge W.* Abendland und

носило территориально-политический характер: франками называли жителей земель, подвластных Карлу Великому и его потомкам<sup>380</sup>.

Но раз версии о скандинавском происхождении и германоязычии как поводах для определения «от рода франков» отпадают, возникает вопрос – почему в Византии в середине X столетия понадобилось определять русских через франков. И те и другие были в Империи прекрасно известны. Первый документированный дипломатический контакт Руси с Византией датируется концом 830-х гг. (известие Бертинских анналов). Как минимум с 911 г., со времени заключения Олегом договора с Византией, имели место ежегодные поездки русских в Константинополь (в тексте русско-византийского соглашения оговоренные<sup>381</sup>). Русь в византийских источниках второй половины IX – первой половины X в. оценивалась, согласно византийской традиции переноса древних этнонимов на новых обитателей той или иной территории, как народ «скифский»<sup>382</sup>. С франками в Византии были знакомы еще лучше и с гораздо более давних времен. Греки в середине X столетия не могли не знать, что государства – наследники империи франков и Русь – совершенно разные образования, населенные разными народами, что они даже не граничат, что между ними не существует каких-либо отношений соподчинения. И тем не менее спустя сто с лишним лет контактов с Русью придворные византийские историки почему-то определяют русских как происходящих от франков!

Не видно никаких причин, по которым такое соотнесение могло быть придумано в 940-е гг. византийцами. Могли ли это сделать франки? В сочинении посла короля Италии (в византийских источниках – «Франгии») в Византию Лиутпранда Кремонского говорится, что его отчим, будучи в Константинополе в 941 г., видел там плененных в ходе

Byzanz. S. 248, 253). Преимущественно же термины «Франгия» и «франки» прилагались византийцами к Итальянскому королевству (с которым были наиболее устойчивые взаимоотношения) и его жителям – то есть не к германо-, а к романоязычному населению.

380 Поэтому невозможно объяснить появление определения «от рода франков» наличием в русском войске отрядов наемных варягов: ни Швеция (откуда, судя по археологическим данным, в X столетии приходили викинги на службу к русским князьям), ни Норвегия, ни Дания во владения Каролингов не входили; появление же в русском войске наемников из французской Нормандии вряд ли было возможно.

381 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31–32.

382 См. сводку известий: *Бибиков М. В. Byzantinorossica...* Т. 1. С. 644, 680–681. Традиция обозначения русских как «скифского» народа сохранялась и позже.

отражения похода Игоря русских. Лиутпранд, пользуясь его информацией, отождествил нападавших с норманнами (что вполне естественно, поскольку в числе пленных могли быть не только потомки викингов, но и наемники, непосредственно пришедшие из Скандинавии). Но Лиутпранд не только не отождествил русских со своим народом, т.е. с франками, но четко противопоставил: сказав, что греки называют этот народ «русиос», заметил, что «мы же по месту их жительства зовем „нордманнами“. Ведь на тевтонском языке „норд“ означает „север“, а „манн“ – человек; отсюда – „нордманны“, то есть „северные люди“»<sup>383</sup>. Итак, «своими» посол короля франков Лиутпранд русских не признал. Таким образом, для предположения об отождествлении Руси с франками со стороны этих последних оснований также нет. Остается полагать, что придворные круги Империи получили в 940-х гг. информацию о франкском происхождении *руси* от самих русских.

В византийских источниках 940-х гг. франки упоминаются в связи с династическими связями императорской семьи. Константин VII Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (датируемом 948–952 гг.) писал, обращаясь к сыну Роману, об идущем якобы от императора Константина Великого запрете на браки представителей императорской семьи с «иноверными и некрещеными» народами<sup>384</sup>, но за одним исключением – для франков, делаемым «ради древней славы тех краев и благородства их родов» (*καὶ γένων περιφάνειαν καὶ εὐγένειαν*)<sup>385</sup>. Под народами, с которыми нельзя заключать династических браков, имеются в виду хазары, венгры и русские<sup>386</sup>. Исключение, предоставляемое франкам, о котором писал Константин, иллюстрирует событие, торжественно отмеченное в Константинополе в сентябре 944 г., – обручение шестилетнего сына Константина Романа со своей ровесницей Бертой, дочерью короля Италии (в византийских хрониках – «короля Франгии») Гуго<sup>387</sup>. Таким образом, при императорском дворе

383 *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис. М., 2006. С. 96–97.

384 «Если когда-либо какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, т.е. либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса, должно тебе отклонить и эту их неразумную просьбу» (КБ. С. 58–61).

385 Там же.

386 Они перечислены в начале наставления о том, что нельзя разрешать «северным и скифским» народам: речь идет далее о царских регалиях, греческом огне и династических браках (см.: Там же. С. 55–59).

387 Theophanes continuatus... Р. 431. 11–19; 748. 5–12; 917. 11–18; КБ. С. 100–101.

бытовало представление, что из европейских народов матримониальные связи допустимы только с франками. Между тем исследователи русско-византийских отношений этой эпохи, исходя из совокупности косвенных данных, полагают, что княгиня Ольга (правившая Русью с 945 по начало 960-х гг.) пыталась провести в жизнь замысел брака своего сына Святослава Игоревича с представительницей византийского императорского дома, возможно дочерью Константина Багрянородного (коронован в 913 г., фактически царствовал в 945–959 гг.)<sup>388</sup>. Не с проектом ли этого брака связано «подбрасывание» византийскому двору информации о франкском происхождении руси?

Обращает на себя внимание дата обручения Берты и Романа – сентябрь 944 г.<sup>389</sup>. Осенью этого года (точнее, между сентябрем и серединой декабря) датируется заключение в Константинополе договора с Византией киевского князя Игоря<sup>390</sup>. То есть в день совершения церемонии обручения в столице Империи почти наверняка находилось и, соответственно, имело подробную информацию об этом событии русское посольство (в которое входил личный посол Ольги Искусеви)<sup>391</sup>. В Киеве, следовательно, о матримониальном союзе с дочерью «короля франков» было хорошо известно<sup>392</sup>. Спустя четыре года, около 948 г., тезис о происхождении руси от франков фиксируют византийские придворные хронисты. Вскоре после этого, между 948–952 гг., им-

388 См.: Müller L. Die Taufe Russlands. München, 1987. S. 81–82; Лутаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 211–212; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 301–302.

389 Theophanes continuatus... P. 431. 11–19; 748. 5–12; 917. 11–18.

390 См.: ПВЛ. С. 23–26, 431; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 267–268.

391 Позже оно появиться в Константинополе не могло, так как не успело бы вернуться обратно до завершения навигации по Днепру; караваны из Руси традиционно приплывали летом (ср. даты приема Ольги, указанные Константином Багрянородным в книге «О церемониях византийского двора» – 9 сентября и 18 октября: Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae Byzantiae. P. 594–598). Даже если допустить, что договор был заключен, как предшествующий договор Олега 911 г. (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 37), в самом начале сентября и к моменту обручения Романа и Берты посольство уже покинуло Византию, все равно его члены должны были получить информацию о предстоявшей через несколько дней церемонии.

392 В русском посольстве 944 г. были не только язычники, но и христиане (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 52–53); не исключено поэтому, что кто-то из них мог и лично присутствовать на церемонии обручения.

ператор Константин заявляет о невозможности браков с правящими домами всех «неромеев», кроме франков. Как говорилось выше, речь шла о возможных претензиях такого рода со стороны хазар, венгров и русских. При этом в отношении хазар ранее имелся прецедент – женитьба императора Константина V на дочери хазарского кагана<sup>393</sup>. Вероятно, что упоминание рядом с хазарами венгров (чьи вожди Дьюла и Булчу в конце 940-х гг. крестились в Константинополе<sup>394</sup>) и русских вызвано тем, что претензии породниться с императорским домом с их стороны уже предъявлялись.

Как раз на время между обручением Романа и Берты и фиксацией византийскими придворными хронистами тезиса о происхождении Руси от франков приходится одна из двух существующих в историографии датировок визита Ольги в Константинополь (описанного Константином Багрянородным в книге «О церемониях византийского двора») – 946 г.<sup>395</sup>. Если она верна, то гипотетический ряд событий выстраивается следующим образом: от членов посольства 944 г. Ольга узнает о брачном союзе императорской семьи с королем Италии и о том, что исключение в матримониальных связях правители Византии допускают только для франков; став год спустя правительницей Руси, она задумывает женить Святослава (он, возможно, был примерным ровесником Романа<sup>396</sup>) на одной из дочерей Константина<sup>397</sup> и в 946 г. является к константинопольскому двору с этим предложением, подкрепив его тезисом о «франкском происхождении» русского правящего дома. Если верна другая дата поездки Ольги в Константинополь – 957 г.<sup>398</sup>, то следует полагать, что данный тезис был заявлен не во время визита самой княгини, а в первые годы ее правления русскими послами (посольства в Империю, судя по договорам Олега и Игоря с Византией, ездили регу-

393 КБ. С. 56–57, 60–61, 341–342 (комм. 28), 344 (комм. 47). Константин Багрянородный, говоря об этом событии, путает Константина V с его сыном – Львом IV.

394 См.: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь... С. 166.

395 См.: Там же. С. 174–190 (здесь же литература вопроса).

396 В летописном рассказе о походе на древлян (датированном 946 г.) Святослав представлен ребенком, который уже может ездить на коне, но еще не способен метнуть копье (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58).

397 Одна из дочерей императора – Феодора – была примерной ровесницей Святослава (см.: КБ. С. 344, комм. 46).

398 Наиболее подробную аргументацию в ее пользу см.: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 219–286.



лярно), пытавшимися прощупать почву относительно возможного династического брака; во время же личного визита Ольги было сделано официальное брачное предложение.

Таким образом, появление в византийских источниках утверждения о происхождении Руси от франков вероятнее всего связывать с дипломатией княгини Ольги. У византийских придворных хронистов оно не вызвало возражений. Император Константин VII, однако, не увидел здесь достаточных оснований для допущения брачного союза с русским правящим домом<sup>399</sup>. Возможно, сказалось разное понимание происхождения «от рода франков» русской и византийской сторонами: первая полагала, что для брака достаточно связи предков Святослава с франкской территорией, Константин же под «благородными родами» франков явно имел в виду узкий круг знатнейших семейств – Каролингов и связанных с ними родством<sup>400</sup>.

Сын Ольги не женился на византийской принцессе, но ее внук Владимир в конце 980-х гг. взял, как известно, в жены внучку Константина Багрянородного. Братья царевны Анны, императоры Василий и Константин, несомненно, были знакомы с заветами деда<sup>401</sup>, в том числе и о допущении браков багрянородных принцесс только с франками; в то же время византийскому двору 980-х гг. должны были быть хорошо знакомы тексты придворных хроник, содержащие пассаж о франкском происхождении руси (эти хроники получили окончательное оформление в период детства внуков Константина Багрянородного, в 960-е гг.). Не исключено, что «франкское» происхождение Владимира могло сыграть для императоров роль в оправдании, в собственных глазах и глазах византийской знати, брака их сестры с князем «варваров»<sup>402</sup>.

Под происхождением от франков вовсе не обязательно подразумевалось происхождение всей *руси* в смысле всего населения, подвласт-

399 Вряд ли можно полагать, что Константин вообще не поверил тезису о происхождении русской правящей династии с территории франков, поскольку одна из хроник, в которой этот тезис зафиксирован – Хроника Продолжателя Феофана – создавалась под его контролем и даже при его личном участии.

400 Король Гуго, сват императора, по материнской линии был потомком Карла Великого (см.: КБ. С. 354).

401 Трактат «Об управлении империей» был адресован их отцу Роману.

402 Здесь уместно вспомнить, что в 967 г. было отказано выдать византийскую принцессу (вероятно, старшую сестру Анны) за сына германского императора Оттона I (будущего Оттона II; см. об этом: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 257–260); а ведь это были правители, унаследовавшие владения восточнофранкских Каролингов.

ного русским князьям: речь может идти о правящей верхушке, наиболее политически активной части общества, которая в средневековых представлениях была главным носителем этнонима. То есть если допускать, что отождествление *руси* с франками имело какую-то основу в реальности, то такой основой могло быть пребывание предков русских князей и лиц из их окружения во владениях Каролингов, которое давало им возможность выводить себя «от франков» в широком смысле этого понятия, принятом в то время в Византии.

Итак, выявляются две черты, вероятно свойственные Рюрику и его людям: датское происхождение и связь с империей франков. Это заставляет с вниманием отнестись к отождествлению Рюрика с его тезкой – одним из предводителей датских викингов, выходцем из рода датских конунгов Рёриком. Это отождествление, сделанное в историографии начала XIX столетия исходя из совпадения имен<sup>403</sup>, было, как показано выше, скорее всего впервые произведено еще при работе над ПВЛ на основе информации, полученной из Дании. В пользу тождества Рюрика и Рёрика высказывались многие авторы<sup>404</sup>.

Сведения о Рёрике имеются в ряде франкских анналов. Из этих данных известно следующее.

Рёрик принадлежал к ветви датского рода конунгов, ориентированной на Франкскую империю. Около 837 г. он получил в держание от императора Людовика Благочестивого часть Фрисландии –

---

403 *Hollmann H.* Fr. Rustringen...; рус. *Рюрик* и лат. *Roricus* передают скандинавское имя *Hrórekr*. Упоминаний иных исторических персонажей с этим именем, кроме Рёрика Ютландского и летописного Рюрика, для середины IX столетия нет.

404 См.: *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика // ЖМНП. 1836, январь, июнь; *Беляев Н. Т.* Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь... С. 229; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. С. 214; *Молчанов А. А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции Рюриковичей // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 45; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 106–109, 118–120; *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 25–26; *Шувалов П. В.* Зачатие Руси: пушные пути Европы и устная традиция // Сложение русской государственности... С. 85. Другие исследователи, впрочем, решительно возражали против такого отождествления, см.: *Ловмянский Г.* Рорик Фрисландский...; *Мельникова Е. А.* Образование датского государства (VIII – середина XI в.). Эпоха викингов // История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 43–44, прим. 7; *Цукерман К.* Перестройка... С. 347.

область устья Рейна с крупнейшим торговым городом Дорестада, с целью защиты этой стратегически важной территории от нападений других норманнов. Около 841 г. новый император Лотарь отобрал владения у Рёрика, после чего тот перебрался в Восточнофранкское королевство брата Лотаря Людовика Немецкого. До 850 г. он находился, по-видимому, в Саксонии и совершал нападения на владения Лотаря, в т.ч. Фрисландию. В 850 г. Рёрик захватил Дорестада, и Лотарь заключил с ним договор, по которому Рёрику возвращался его фрисландский лен. В середине 850-х гг. Рёрик пытался получить владения в Дании, и в 857 г. под его власть перешла (с помощью императора Лотаря II) часть Ютландии. В 860-е гг. Рёрик вновь во Фрисландии, в 867 г. он был изгнан местным населением – фризами, но в 870 г. вновь владел своим леном, заключив договор с западнофранкским королем Карлом Лысым, к которому перешла верховная власть над Фрисландией. В 872 г. он снова урегулировал отношения с Карлом, а в 873 г. – с Людовиком Немецким. В 882 г. о Рёрике как владельце Фрисландии говорится в анналах в прошедшем времени, его бывшие владения передаются его родственнику Годефриду<sup>405</sup>. В целом Рёрик предстает во франкских источниках как один из виднейших вождей викингов: так, в Бертинских анналах, содержащих наибольшее количество информации об отношениях с норманнами, он упоминается (на отрезке 830–882 гг.) чаще, чем кто-либо другой из них, – 11 раз (для сравнения: конунг Дании Хорик I – 8 раз, остальные не более 5).

Против отождествления Рюрика и Рёрика был высказан всего один конкретный аргумент, сформулированный Г. Ловмянским: Рёрик, по западным источникам, действовал только на пространстве между Ютландией и Фрисландией<sup>406</sup>. Но франкские анналисты просто не были

405 *Annales Bertiniani*. A. 841. P. 264; A. 850. P. 38; A. 855. P. 45; A. 858. P. 50; A. 863. P. 61; A. 867. P. 87; A. 870. P. 108. A. 882. P. 153; A. 872. P. 119, 121; *Annales Fuldenses*. A. 850. P. 39; A. 857. P. 47; A. 882. P. 99; *Annales Xantenses et Annales Vedastini. Hannoverae et Lipsiae*, 1909. P. 15, 17, 32, 51; новейший обзор биографии Рёрика см.: *Пчелов Е. В.* Рюрик. С. 134–156.

406 *Ловмянский Г.* Рорик Фрисландский... С. 248–249. Отчасти скепсис Г. Ловмянского по поводу отождествления Рюрика и Рёрика был, как справедливо отметил М. Б. Свердлов (см.: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 107), связан с его общей «антинорманистской» позицией. Ныне тождество этих персонажей категорически отвергают «неоантинорманисты», отрицающие «норманство» варягов (см.: *Фомин В. В.* Варяги... С. 236–240).

осведомлены о происходившем в Восточной Прибалтике и тем более в Восточной Европе: ни в одних анналах IX в. нет *ни одного* известия о событиях в этих регионах. Поэтому аргумент *ex silentio* в данном случае неприемлем. Между тем «широкая амплитуда» действий обычна для видных предводителей викингов (например, Рагнар Лодброк – от Британии и Франции до Западной Двины, Олаф Трюггвасон – от Британии до Константинополя).

Исследователи немало внимания уделяли попыткам соотнести хронологию действий Рёрика на Западе и Рюрика на Востоке, и получалось, что в 862 г. он мог побывать в Новгороде, а затем совершил еще ряд вояжей на Запад<sup>407</sup>. Но эти расчеты опирались на доверие к летописным датам, для чего, как говорилось выше, нет никаких оснований. К тому же весьма маловероятно, чтобы Рёрик мог надолго оставлять свои владения, постоянно подвергавшиеся опасности нападения норманнов. Последнее упоминание Рёрика в западных анналах относится к 873 г., а под 882 г. говорится о передаче части его владений другому лицу. Из этого обычно делается вывод, что между 873 и 882 гг. Рёрик умер (а в этот промежуток удачно попадает дата смерти Рюрика по ПВЛ – 879 г.). Но известия о смерти Рёрика нет. Под 882 г. в Бертинских, Фульдских и Вестадинских анналах говорится о передаче его владений во Фрисландии Годафриду<sup>408</sup>, под 884 г. Вестадинские анналы сообщают об отправке франками на переговоры с норманнами служившего им Зигфрида, «племянника дана Рорика»<sup>409</sup>. Между тем в Вестадинских анналах отмечена смерть в 885 г. Годафрида, сменившего во Фрисландии Рёрика<sup>410</sup>, а под 887 г. сказано о гибели другого предводителя норманнов – Зигфрида<sup>411</sup>.

407 См., напр.: *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. С. 214; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 118–120.

408 *Annales Bertiniani*. A. 882. P. 153 (*Frisiam aliosque honores quos Roricus habuerat reciperet, intervencione quorundam obtinuit*); *Annales Fuldenses*. A. 882. P. 99 (*Nam comitatus et beneficia, quae Rorich Nordmannos Francorum regibus fidelis in Kinnam tenuerat, eidem hosti suisque hominibus ad inhabitantum delegevit*); *Annales Xantenses et Annales Vedastini*. P. 51 (*Godefridus vero rex ad eum exit, cui imperator regnum Fresonum, quod olim Roricus Danus tenuerat, dedit*); *Историки эпохи Каролингов*. М., 1999. С. 167.

409 *Annales Xantenses et Annales Vedastini*. P. 55 (в тексте *Neorici* или *Hreorici*); *Историки эпохи Каролингов*. С. 169.

410 *Annales Xantenses et Annales Vedastini*. P. 57; *Историки эпохи Каролингов*. С. 170.

411 *Annales Xantenses et Annales Vedastini*. P. 63; *Историки эпохи Каролингов*. С. 174.

О смерти же Рёрика – напомним, самого «популярного» у франкских анналистов норманнского персонажа – молчание. Разумеется, аргумент *ex silentio* не может быть решающим. Но, во всяком случае, приходится констатировать, что смерть Рёрика источники не фиксируют (при том что не видно оснований, которые могли бы им помешать это сделать), и на основе их данных как минимум с не меньшей вероятностью можно допускать, что между 873 и 882 г. Рёрик не умер, а «убыл» из Фрисландии навсегда. Ранее он стремился получить самостоятельную власть в Дании, но это не удалось сделать, пришлось вернуться во Фрисландию вассалом Каролингов. Теперь же, став самостоятельным правителем у словен, Рёрик отказался от своих вассальных держаний. Если это так, то приход Рюрика в Восточную Европу следует отнести ко времени, близкому к 882 г., если не к самому этому году, поскольку маловероятно, что Фрисландия долго оставалась без правителя.

Рёрик появляется на политической арене в конце 830-х гг. Поскольку он был представителем рода конунгов, ему не нужно было заслуживать предводительство у викингов личной доблестью, следовательно, он вполне мог в это время быть в возрасте менее 20 лет. В таком случае на момент «призвания» Рёрик находился примерно в 60-летнем возрасте. Возраст по меркам Средневековья почтенный, но примеров активности пожилых людей в ту эпоху немало (так, Владимир Мономах взшел на киевский стол в 60 лет и правил в течение двенадцати, ведя весьма деятельную политику). Ничего экстраординарного нет и в появлении на седьмом десятке сына – Игоря<sup>412</sup> (к тому же, как говорилось выше, не исключен вариант, что Игорь был не сыном, а внуком Рюрика). К концу IX столетия место Рюрика занял Олег, что опять-таки естественно.

Таким образом, вероятность того, что Рёрик Датский и летописный Рюрик – одно лицо, надо признать значительной<sup>413</sup>. Информация

412 На момент смерти Игоря, в 945 г., ему тогда могло быть (если считать датой рождения около 880 г.) между 60-ю и 70-ю годами. Этому опять-таки не может препятствовать наличие малолетнего сына – Святослава, а участие пожилых князей в походах (как в полюдье, так и в военных) не было редкостью. Владимир Мономах сам ходил в походы до 64 лет, Ярослав Владимирович – до 1047 г., т.е. будучи примерно в таком же возрасте.

413 Следует отметить, что помимо данных, указывающих на датское происхождение Рюрика и связь его с франками, имеются археологические свидетельства контактов новгородских словен с еще одним народом, имевшим отношение к Рёрику, – фризами: в Ладоге обнаружены находки фризской керамики (см.: Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Вып. 16. Таллин, 1971. С. 128–130). Не исключен и еще один «фризский след». Давно

об их тождестве, полученная редактором ПВЛ в 1116 г., скорее всего, достоверна<sup>414</sup>.

отмечено сходство ряда статей Русской Правды – свода законов раннесредневековой Руси – с т.н. «варварскими Пrawdами» германцев VI–IX вв. – Салической, Рипуарской, Аламандской, Баварской, Саксонской, Тюрингской (см.: Правда Русская. Т. 2. Комментарии. М.; Л., 1947. С. 28, 32, 34, 55–56, 67, 72, 77–79, 83–84, 104, 108, 135, 179, 279, 347, 402, 462, 548, 550, 578, 585, 589, 608, 702; *Свердлов М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 52–65, 87–93, 115, 118–119, 143, 154–155). Причем сходство наблюдается в большей степени именно с законами континентальных германцев, а не со скандинавскими судебниками (записанными в XII–XIII вв., см.: Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999. С. 113–277), что казалось бы более естественным – ведь на Руси фиксируется деятельность выходцев именно из Скандинавии. Приходится объяснять сходство с помощью достаточно расплывчатых суждений – о типологической близости общественного строя германских народов VI–IX вв. и Руси XI столетия (при этом остается непонятным, почему как минимум не меньшая типологическая близость с синхронными скандинавскими социумами не привела к такому же сходству правовых норм). Не исключено иное объяснение. Помимо перечисленных «варварских Правд» есть еще т.н. Фризская Правда (*Lex Frisionum*) – свод законов фризов, основного населения Фрисландии. Она до сих пор нечасто привлекалась для сопоставления с Русской Правдой. Во Фризской Правде есть практически все статьи, в которых отмечаются параллели германских раннесредневековых судебныхников и Правды Русской в ее древнейшей части, т.н. Правде Ярослава, записанной в начале XI в. (о нанесении ударов, различных ранений и повреждений) (см.: *Lex Frisionum. Tit. XXII // Monumenta Germaniae historica. Leges. T. 3. Hannoverae, 1863; Правда Русская. Т. 1. Тексты. М.; Л., 1940. С. 70–71, 79). Помимо этого, там имеется параллель с древнерусским законодательством, отсутствующая в других германских Пrawdах. Это статья, регламентирующая выплаты лицам, участвующим в сборе судебных штрафов – вергельдов (аналогична по назначению ст. 41 и 42 Краткой редакции Русской Правды) (см.: *Lex Frisionum. Tit. XV; XVIII, 2; Правда Русская. Т. 1. Тексты. С. 71–73, 80–81). Фризская Правда создана в начале IX века, следовательно, тот, кто управлял Фрисландией в середине этого столетия, должен был вершить суд, основываясь на ней. Управлял этой территорией тогда Рёрик. Отдельные применяемые во Фризской Правде нормы могли быть перенесены после прихода Рюрика и его дружины на Русь и сохраниться здесь до времени записи местного права.**

414 Кроме этого не исключено, что к информации, полученной из Дании в начале XII в., восходит и другое, помимо помещения руси Рюрика на место данов, дополнительное чтение ПВЛ – о том, что Олег был «от рода» Рюрика («Умѣршу же Рюрикови, предать княжение свое Олгови, от рода

Этот вывод существенен для оценки роли Рюрика и его окружения, а также их потомков в процессах, происшедших в Восточной Европе. Рёрик около 40 лет провел на территории Франкской империи, будучи вассалом пяти императоров и королей – Людовика Благодетельного, Лотаря I, Людовика Немецкого, Лотаря II и Карла Лысого. Для того, чтобы оценить этот факт должным образом, обратимся к хрестоматийному примеру.

Завоевание Англии герцогом Нормандии Вильгельмом в 1066 г. принято называть «норманнским». Действительно, завоеватели, составившие верхушку английской знати, именовали себя норманнами. Но принесли они с собой в Англию не скандинавский язык и общественное устройство, а французский язык и французские социальные институты. В 911 г. западнофранкский король Карл Простоватый пожаловал территорию в районе устья Сены предводителю викингов Роллону (Хрольву) с целью получить заслон от набегов других норманнов. За прошедшие с тех пор полтора столетия воздействие намного более развитого общества сделало свое дело: в Англии в 1066 г. высадились не скандинавские викинги, а французские рыцари, помнящие о норманн-

ему суца», см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 16; ср.: Т. 1. Стб. 22). Адам Бременский со ссылкой на рассказ конунга Свейна Эстридсена сообщает, что после поражения норманнов от франков под Левеном (891 г.) в Дании правил некто Хельги, после правления которого Ютландию захватил конунг из Швеции Олаф (Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. I, 48 (50). P. 48: *Audivi autem ex ore veracissimi regis Danorum Suein, cum nobis stipulantibus numeraret atavos suos: 'Post cladem', inquit, 'Nortmannicam Heiligonem regnasse comperi, virum populis amabilem propter iusticiam et sanctitatem suam. Successit illi Olaph, qui veniens a Sueonia, regnum optinuit Danicum vi et armis, habuitque filios multos, ex quibus Chnob et Gurd regnum optinuerunt post obitum patris'*). Хельги (именно это имя в древнерусском языке приобрело форму *Олег*) принадлежал к тому же роду Скульдунгов, что и Рёрик (см.: Мельникова Е. А. Образование датского государства... С. 42, 44). Этого Хельги исследователи не отождествляли с Вещим Олегом (за исключением О. Прицака, см.: Прицак О. Похождение Руси. Київ, 1997. С. 182–184, 193–194), очевидно потому, что принималась на веру датировка ПВЛ появления последнего в Киеве в 882 г. Однако единственной надежной датой, связанной с именем Олега, является 2 сентября 911 г. – дата его договора с Византией. Относительно появления Олега в Киеве и вообще в Восточной Европе, следовательно, можно сказать лишь, что оно произошло ранее 911 г. Правление Хельги в Ютландии, было, видимо, коротким (Адам пишет о нем между упоминаниями о событиях 891 и 895 гг.), указания на его смерть или гибель нет, и вполне можно допустить, что незадолго до 900 г. он, будучи изгнан из своих владений Олафом, занял место умершего к этому времени своего родича Рюрика в земле словен.

ском происхождении своих предков. Их воздействие на английское общество было весьма значительным: в частности, норманны принесли с континента вассально-ленную систему. Случай с Рёриком стоит в том же типологическом ряду – он и его дружина также оказались помещены на франкскую территорию, с теми же целями – охранять ее от других викингов. Разумеется, время их пребывания там было намного, в четыре раза, меньше, чем у потомков викингов Роллона к моменту завоевания ими Англии. Но и четыре десятилетия – срок немалый. В течение него у дружинников Рёрика должно было вырасти поколение сыновей и появиться поколение внуков – все это были уроженцы уже Франкской империи, а не Дании. Из тех, кто окружал Рёрика в конце 830-х гг., когда он первый раз получил во владение Фрисландию, во второй половине 870-х в силу естественных причин могли оставаться немногие. Следовательно, большинство дружинников Рюрика в момент его прихода в восточнославянские земли были скандинавами только по происхождению, по месту же рождения и пребывания в течение жизни относились к Франкской империи. Следует подчеркнуть, что на тот исторический момент – начало последней четверти IX в. – никакая другая группировка норманнов не обладала опытом столь длительного знакомства с франкскими порядками (поскольку ни один другой предводитель викингов столь долго не владел леном на франкской территории, эпоха Роллона была впереди). У Рёрика и его людей было достаточно времени, чтобы воспринять и франкский опыт государственного управления, и представление о крупном государстве<sup>415</sup>.

\* \* \*

Итак, надо признать, что к объединению всех восточных славян в единое государство привело воздействие норманнов. Но, во-первых, не

---

415 В исследованиях А. В. Назаренко установлено близкое сходство порядка наследования княжеской власти на Руси с принятым в империи франков (т.н. *corpus fratrum*, см.: Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 47–87). Это можно было бы объяснить заимствованием, связанным с приходом знакомого с франкскими порядками Рёрика. Но поскольку первые фиксируемые в источниках проявления *corpus fratrum* на Руси относятся ко времени спустя век после «призвания» Рюрика (это дележ территории Руси между сыновьями Святослава в 970 г.), а Рёрик все же не был представителем франкской династии (хотя и был в ее обычаи, несомненно, посвящен, так как послужил пяти Каролингам), и кроме того, следы *corpus fratrum* встречаются и у ряда других европейских народов, в том числе у западных славян, для обоснованных суждений на этот счет данных все же недостаточно.



всех викингов, приходивших на территорию Руси в течение IX–X вв., а только одного контингента – дружины Рюрика (позже возглавленной Олегом), появившейся в Восточной Европе, скорее всего, в начале последней четверти IX столетия. Во-вторых же – и это главное, – данный контингент, скорее всего, был (подобно тому, как в случае с «норманнским завоеванием Англии»), при всех приведенных выше оговорках) норманнским больше по названию, чем по сути. Его представители, видимо, относились к наиболее «франкизированной» на тот момент группировке выходцев из Скандинавии. Они должны были являться в большей мере носителями традиций франкской государственности, чем скандинавских общественных порядков. Их воздействие следует в таком случае считать не норманнским, а франкским, только «перенесенным» лицами скандинавского происхождения. По существу это было воздействие франкской государственности на процессы государствообразования у восточных славян. То есть имело место обычное в истории влияние развитой цивилизации на формирующуюся. В последнее время исследователи разных стран все более обращают внимание на воздействие франкского общества на политическое развитие скандинавов и западных славян в раннее Средневековье, приходя к выводу о значительной роли контактов с франками для политогенеза в Центральной и Северной Европе<sup>416</sup>. Сказанное выше позволяет высказать предположение, что и восточные славяне не оказались в стороне от такого воздействия: специфика состояла в том, что в данном случае оно исходило не от непосредственных соседей – имел место переход его носителей на значительное расстояние и интеграция в местное общество. Такое предположение позволяет объяснить, почему образование государства у восточных славян, более географически удаленных от тогдашних центров цивилизации, чем славяне западные, происходило практически без отставания в темпах по сравнению с последними.

Таким образом, противоречие между фактом формирования в Восточной Европе к X столетию сверхкрупного государства и «государствообразовательными потенциями» действовавших на этой территории славян и норманнов снимается, если полагать, что объединение всех восточных славян в одном государстве произошло под опосредованным воздействием на славянское общество (где шли – в разных «славениях» – процессы складывания отдельных государств) одной из двух на тот момент развитых европейских цивилизаций – франкской. Норманны, при этом не все, а только группировка, с которой

416 См.: Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Brepols, 2008.

в Восточной Европе появился основатель древнерусской княжеской династии, выступили в качестве «ретранслятора» этого воздействия.

### Итоги

В период с VI по IX столетие на Восточноевропейской равнине шло динамичное развитие славянского общества, стимулированное Расселением славян. В ходе Расселения была разрушена племенная структура и произошел переход к стадии «вождеств». Сформировавшиеся общности византийцы определяли как «славинии», а русский книжник начала XII в. охарактеризовал переход на новую стадию политического развития как появление «княжений». От простых вождеств восточные славяне перешли к сложным, включающим несколько простых. В отношении IX столетия можно говорить о складывании нескольких центров государствообразования, как минимум двух – в земле полян и земле словен. Развитие восточных славян несколько отставало от тех регионов, где славяне соседствовали с центрами цивилизации той эпохи – Византией и Франкским государством, но принципиально не отличалось.

Как могло бы пойти развитие восточнославянского общества далее? Везде в Европе той эпохи государственность возникала под влиянием более развитых соседей. Восточные славяне в этом отношении были в невыгодном положении. Византийская и Франкская империи находилась от них в отдалении. Вероятнее всего, влияние государствообразовательных импульсов на восточных славян пошло бы посредством славян западных: подобно тому, как великоморавская государственность повлияла на сложение чешской и польской, так чешская и польская влияли бы на формирование восточнославянской. Это обусловило бы некоторое запаздывание складывания государств в сравнении с Чехией и Польшей. При этом на севере Восточной Европы, где славяне проживали чересполосно с финно-угорским населением, возможно, сложилось бы полиэтничное государственное формирование.

История избрала иной сценарий. Он был связан с проникновением в Восточную Европу норманнов, но – и это принципиально важно – не в смысле любых выходцев из Скандинавии. Норманны, появившиеся в Восточной Европе в первой половине – середине IX в., пытались захватить контроль над участками речных торговых путей, устанавливали «внешнюю эксплуатацию», даннические отношения, кое-где включались в местные политические структуры. Событием совершенно иного масштаба (а не рядовым эпизодом – надо признать, что здесь дореволюционная историография была ближе к истине, чем

советская<sup>417</sup>), стал приход в Восточную Европу Рюрика, родоначальника русской княжеской династии. Есть основания полагать, что он и его люди представляли другой уровень политического развития, более высокий, чем у восточных славян и у «дорюриковых» варягов. Рюрик и его окружение, по-видимому, пришли с территории развитого государства, причем в подавляющем большинстве являлись его уроженцами. С ними в восточнославянские земли пришло не скандинавское, а франкское влияние – пришло, так сказать, «в обход» западных славян. Благодаря этому произошло ускорение формирования государственности и Русь-государство сформировалось практически одновременно с Чешским и Польским государствами (складывавшимися в близком соседстве с франками). Имело место, таким образом, обычное для той эпохи воздействие более развитого общества на менее развитое, только осуществленное специфическим путем – через перемещение контингента носителей этого влияния на значительное расстояние. Время прихода Рюрика, скорее всего – начало 880-х гг., на два десятилетия позже, чем традиционно представлялось. Его дружина и потомки ее членов составили ядро знати первых русских князей. При Рюрике и его преемниках Олеге и Игоре происходит развитие политического образования Русь, сочетавшего в себе черты сверхсложного вождества (где центру подчинены сложные вождества) и – на территории, находящейся под непосредственной властью русских князей – раннего государства (где имело место наместничество). Переход к полному господству черт раннего государства был длительным (этому, очевидно, способствовало наличие, помимо вытянутого с севера на юг ядра государственной территории, множества зависимых сложных вождеств-«славиний», с которыми до поры было проще строить отношения по-старому, через сбор дани, чем подчинять непосредственно). Вехами на нем были реформа налогообложения Ольги, раздел непосредственно подвластной Киеву территории Святославом между сыновьями. Завершилось формирование государства в конце X столетия, при Владимире, с ликвидацией «славиний» и переходом к управлению всей восточнославянской территорией через наместников киевского князя.

---

417 Иное дело, что это верное суждение покоилось на неверном общем основании: о тождестве появления династии и возникновения государственности.